

Следопыт

9 '85

Главные рубрики журнала:

ЛЮДИ ПОДВИГА

СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

СТРАНИЦЫ ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ

АДРЕСА РОМАНТИКИ

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

ПУТЕШЕСТВИЯ И ЭКСПЕДИЦИИ

МУЗЕИ, КОЛЛЕКЦИИ

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОПИЛКА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И ФАНТАСТИКА

Лауреатом «Аэлиты» — ежегодной премии, учрежденной нашим журналом совместно с Союзом писателей РСФСР, — стал в 1985 году Сергей Иванович Павлов.

Инженер-геофизик по образованию, он обратился к фантастике в начале шестидесятых. В 1963 году томская газета «Молодой ленинец» опубликовала первый рассказ С. Павлова «Банка фруктового сока», в 1967 году в Красноярске была издана первая его повесть «Корона Солнца», а также написанные в соавторстве с Н. Я. Шагуриным фантастико-приключенческие повести «Кентавр выпускает стрелу» и «Аргус против Марса». Любителям фантастики известны и повести С. Павлова «Ангелы моря» [1967], «Акванавты» [1968, выходила также под названием «Океанавты»), «Чердак Вселенной» [1971], «Неуловимый прайд» [1974].

«Аэлита-85» вручена Сергею Павлову за роман «Лунная радуга», рассказывающий об освоении Внеземелья, об опасностях, подстерегающих в космосе человека Земли. Первая книга этого романа-дилогии вышла в 1978, вторая — в 1983 году.

Редакция «Уральского следопыта» от всей души поздравляет нового лауреата «Аэлиты».

Рисунок О. Шапкина

Фото И. Горячева

УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДОПЫТ

9 '85

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

- В НОМЕРЕ:**
- 2/ А. Чечулин
НЕ В ЧЕМ НАМ ПРИРОДУ УКОРИТЬ... Стихи
 - 4/ А. Минин
ГЛАВНЫЙ ОРИЕНТИР
 - 8/ М. Черненко
ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ. Повесть. Продолжение
 - 32/ В. Вяткин
РИСУЕМ МИР!..
 - 33/ О. Капорейко
ЛЕТЯЩИЕ В НОЧИ
 - 36/ СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ
 - 38/ Т. Свиридов
КОНЕЦ ОХОТНИЧЬЕГО СЕЗОНА. Повесть
 - 49/ О ФАНТАСТИКЕ — ВСЕРЬЕЗ...
 - 50/ А. Любарская
ЗАЧЕМ РУБЛЬ ОТРОКУ!
 - 55/ И. Корниенко
ОСКОЛОК ЗЕРКАЛА
 - 58/ М. Пинаева
ПЯТЕРКА ПО ЭТИКЕ
 - 63/ Е. Полякова
РАСПРОСНЫЕ РЕЧИ ЧЕРДЫНЦЕВ
 - 63/ Б. Чельшев
ПРОЕЗДОМ ИЗ ССЫЛКИ...
 - 65/ С. Гомельская
ЖИВАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ УРАЛА
 - 66/ А. Комлев, К. Белокуров
ДАЛЕКОЕ, НО БЛИЗКОЕ ВОСЬМИВЕКОВОЕ «СЛОВО»
 - 68/ В. Петров
В ПЕРЕВОДЕ АЛЕКСЕЯ ДОМНИНА...
 - 69/ Б. Дмитриев
КОМПОЗИЦИЯ
 - 70/ О. Балабанов
ТАЙНЫ ТИБЕТСКОЙ МЕДИЦИНЫ
 - 78/ МИР НА ЛАДОНИ
 - 80/ Б. Матюнин
ДНЕВНИК

На 1-й стр. обложки рис. С. Копылова

НЕ В ЧЕМ НАМ

Алексей ЧЕЧУЛИН

ПРИМЕТЫ

Когда земля уже насквозь промокла,
Илья-пророк отбросил автоген.
Гроза ушла, и засияли стекла,
Кусты легко приподнялись с колен.
Ползла буйно в рост земная сила.
Нет, не в чем нам природу укорить —
На что крапива,
а и та красива,
А что уж о сирени
Говорить!

ОКРАИНА

Окраина — в рябине,
А та уже красна.
В ажурной паутине
Подстанция видна.

Мой пригород цехами
Зажат со всех сторон.
Могучее дыханье —
Промышленный район.

Здесь улочки впритирку,
Аптека, детский сад...
Спецовки после стирки
На пустыре висят.

ЗИМНИК

Ночь густая, а кедровые белые.
Объ покоится подо льдом.
Слава богу, пока мы — целые,
Прем по зимнику напролом.
Наш «Урал» на ухабах валится,
Чуть промешкаешь — и хана.
И забудь, как мы целовались,
Молодая моя жена!
В свете фар возникает заяц.
Не мешай, косой, уходи!
Триста верст отмахали за ночь,
Сколько их еще впереди?
За долами и за лесами
Стынет газовой трассы край.
И хрипит мне водитель Саня:
— Не давай заснуть, не давай...

Природу укорить...

ПРОЩАЮСЬ

Где поселок был рабочий —
Детское гнездо мое,
Наступая днем и ночью,
Потеснил карьер жилье.
Память в заводах бесценных
Сохранила: полон сил,
Здесь когда-то пятистенок
Лихо трубочку курил.
Вот замшелый сруб-колодец
С отлетавшим журавлем,
Тракторист, веселый хлопец,
Что же ты его — на слом?
Разбрелись по суходолу.
Одичалые сады.
Все уехали из дому,
Ветер вылизал следы.
Не вернуться, будь что будет.
Вот и я ушел почти.
Нам полегче, мы же люди.
Ты, поселок, нас прости.

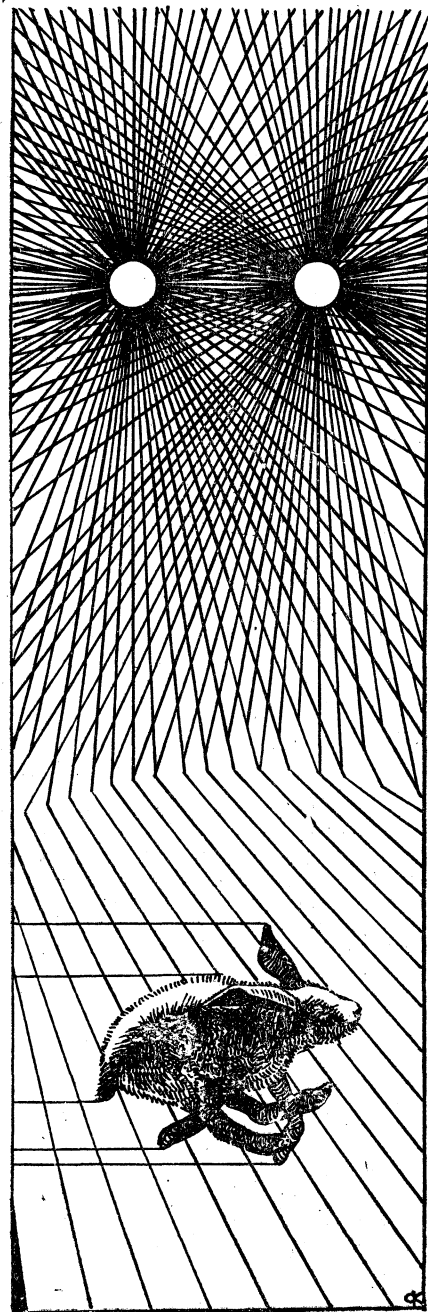
ПОЛЯРНЫЙ ВАЛЬС

Сибирского Севера дальние белые
версты.
К Полярному кругу приколоты
низкие звезды.
И где-то меж ними гудит
работяга МИ-6,
Ему недалеко, пятьсот километров —
и сесть.
У газовой трассы пригрелась
под снегом морошка.
Как свет от полярных сияний,
от сварки огни.
Над радиомачтою ходят ветра
осторожно,
Обманчиво ходят, обманчиво
ходят они.
Такая на счастье здесь каждому
выпала участь —
Проверены все на излом, на судьбу,
на живучесть.

Но если уж выдержал, выдержал
все до конца,
То Север — навечно, то Север
навроде отца.

Август. Пора грибная.
Рай у любой сосны.
Что же со мной? Не знаю,
Нервы обнажены,
Как провода электро
С полной нагрузкой ватт,
Что под напором ветра
Вздрагивают, искрят.
Жил я не так уж мало,
Видел и свет и тьму.
Снова мне снится мама,
Сорокалетнему.
Будто на косогоре
С нею берем грибы.
Смотрит она с укором,
Руки ее грубы.
Знает, и впрямь неладно
Что-то в моей душе,
Если сердится мама,
Нет которой уже.

Рисунки С. Копылова

ГЛАВНЫЙ ОРИЕНТИР

Анатолий МИНИН

«Не может ли Ваш журнал рассказать о молодежных движениях за рубежом? Что такое «панки»? Кто такие «раггеры»? Чего они хотят, чего добиваются? Как они появляются в обществе и как общество относится к этим молодежным группам?»

Сергей ВОЛЬХИН, 18 лет.
Свердловск.

Не беречь поросли — не видать и дерева... Так говорит русская пословица.

Любое общество заботится о новом поколении, ибо оно — его будущее. Только страна, не верящая в свое будущее, беспечна к подрастающему поколению.

Разговор о молодежи чужой страны — это разговор о чужом образе жизни. Мы являемся свидетелями значительного кризиса системы образования в мире капитализма. Как ни странно, немало американцев, канадцев, англичан не умеют читать, писать и считать на минимальном уровне, установленном в качестве критерия грамотности. Почти каждый пятый из проверившихся школьников шести классов в Далласе не смог отыскать на карте... Соединенные Штаты.

Широкой американизации подвергается образ жизни, стиль поведения, моральные устои японской молодежи. Положение не спасает школьная муштра, скорее наоборот. Большинство японских подростков четырнадцати-пятнадцати лет, получив обязательное девятилетнее образование, не могут поступить в старшую ступень средней школы, так как обучение в двух последних классах платное и дорогое, не каждому родителю по карману. Чем ниже социальное положение родителей — тем меньше шансов у подростка получить полное среднее образование.

Пороки капиталистического общества сказываются не только на качестве образования. Волна насилия захлестнула японские и американские школы. Увеличилось количество телесных повреждений школьников и нападений на учителей. Дело доходит до дежурства полицейских на занятиях. «Школьные джунгли» — так характеризует пресса положение, создавшееся в средних учебных заведениях США.

Молодежь в капиталистических странах — не только та, которая не сумела продолжить обучение, — развлекается бешеной ездой на мотоциклах или машинах; их называют «босодзоку» в Японии, «раггеры» — в Швеции. Безобразиям, ими творимым, нет ни названия, ни предела: бессмысленное разрушение культурных ценностей, поджог автомашин, битье стекол, избиение ни в чем не повинных прохожих...

Что это? «Детская» страсть ломать игрушки? Или бунтари коречат автомобили как символ потребительской жизни? Молодые люди знают, что они творят и что им не нравится. Но в их действиях отсутствует положительное начало. Да и откуда ему взяться, если в процессе обучения и воспитания молодым весьма интенсивно «пудрят мозги», так что у большинства из

них ненадолго хватает желания разобраться, что к чему. Буржуазная пропаганда последовательна и упряма: она знает, кого хочет воспитать и для чего, и от целей своих не отступает.

История знает много на шумевших подростковых банд и молодежных сект. Они похожи и непохожи: носят униформу, или рядятся в рубище, или вовсе готовы щеголять голышом, проповедуют культ силы, жестокость или полное наплевательство на всё. Известны хиппи, йиппи, хиппи-христиане, кришнаиты, панки. Одни названия чего стоят! Слово «хиппи» происходит от английского жаргонного словечка «тронутый». «Раггеры» (англ.) — подлецы, негодяи. «Панки» (англ.) — шпана, гнилье, никудышные люди.

Представители патологических форм движения молодежного протеста 70-х годов отличаются крайней наивностью, извращенностью в поведении, одежде, украшениях (на шее — собачьи ошейники, в носу и ушах — булавки), гриме, прическах (выстригают волосы, красят их в зеленый цвет). При виде таких модников прохожие переходят на другую сторону улицы... Эти формы проявились и на музыкальном поприще (ансамбль «Секс-пистолз», «Клэш» и др.). Многие движения уже не существуют: одно изжило себя, другое поглотило шоу-бизнес, третье вылилось в ручейки бродяг, не знающих, чем себя занять.

Общее для этих потерявших нравственные ориентиры шаяк — они протестуют. Но как? Протест этот юридически, он может завести лишь в социальный и моральный тупик.

Источниками духовного растления являются телевидение, кинематограф, газеты и иная печатная продукция Запада, которые способствуют распространению ложных идеалов, услужливо подготовленных буржуазными идеологами, они прививают представление о естественности закона джунглей: «или ты, или тебя». Кумирами юных иногда являются сильные и безжалостные главари банд типа «Иисуса-сатаны» пресловутого Ч. Мэнсона, которого профессионально живописуют зарубежные газеты. Чаще юношей и девушек гипнотизируют неистовствующие музыкальные знаменитости типа современного рок-певца Майкла Джексона, иные поп-идолы, бит- и рок-группы, откалывающие колена на эстраде и экранах. На тех же экранах изобретательно пропагандируют «образ жизни» супермена, супердивы, звезды мирового масштаба. Фильмы зачастую отлично сняты и сыграны, но внимание зрителя к проблемам социальной жизни ослабляется упором на интригу и занимательность. «Развлекайся — отвлекайся!» — этот тезис давно взят на вооружение кино- и телекомпаний, прессы в капиталистическом обществе.

И развлекают, отвлекают, а то и просто оболванивают — лишь бы не просвещать, не давать правдивой информации о хваленном американском образе жизни. О достоверном освещении социалистического образа жизни и говорить не приходится.

Фильмы, журналы и телевидение подхватывают и закрепляют тягу к вещам, образу жизни очередного

идола, искусственно и искусно подогревая ее. Вместо полноценного жизненного идеала подсовывается красивая иллюзия, поп-мечта в образе этакого развязного и свободного от всех обязательств перед обществом Мика Джеккера, сверкающего бриллиантом, вставленным в зуб... Иллюзия призвана компенсировать недовольство людей своим жизненным положением, неинтересной работой, неустроенностью, бесцельным досугом, удовлетворить не всегда осознанное стремление к более душевным человеческим отношениям. Мощными массовыми средствами воздействия на людей буржуазная система старается заменить истинные потребности личности — например, потребности в коренном изменении социальных отношений — на эрзац-потребности в области досуга.

Антиобщественное поведение современных порочных и злых детей не объяснишь только беспросветной нуждой и унижением. Для них вызывающее поведение, жестокость стали развлечением, взращенной буржуазным обществом потребностью в острых ощущениях. Даже кражи совершаются зачастую не из-за голода, а чтобы немедленно получить понравившуюся вещь. Молодежь думает об удовлетворении личных сиюминутных потребностей, а не о коллективных, тем более не о классовых интересах. Это «система взглядов», в рамках которой не случайно проповедуют на Западе потребительскую психологию во всех ее видах, включая и странный отказ признавать очевидную взаимосвязь «труд — деньги», проповедают отмену всех и всяких запретов.

Дезориентация молодых, аполитичность — это сдача на милость власть имущим, тем, кто привык эксплуатировать и чужой труд, и чужую душу. Буржуазное общество считает так: лучше порнография, наркомания, пьянство, бродяжничество, автохулиганство, преступность, чем политическая борьба.

История не знает случая, чтобы союз пьяниц, хулиганов или наркоманов свергал существующий строй. А что касается ужасающихся «не той молодежью» обывателей — то и это хорошо: пусть, убоявшись разгула, ратуют за крепкую власть...

И «власть» приветствует поп-искусство, закрепляет моду на волосы до плеч и красочные лохмотья, вполне терпимо относится к воплям на улицах и бессмысленному времяпровождению, разрешает не мыться, не учиться, носить значки и блузы с нелепыми надписями, кожаные куртки с эмблемами смерти, повязки и галстучные булавки с паукообразной свастикой. В былые времена левонаправленная свастика была символом Чингисхана, в новейшее время правонаправленная свастика украшала флаг нацистской Германии...

Безобидна ли такая мода? Так ли уж безобидны «модные» одежда, музыка, искусство, видеобизнес, майки, кроссовки, джинсы со звездно-полосатым флагом США, английский флаг на лыжной шапочке?..

Нет! Совсем не безобидна мода Запада, особенно ее символика! И наше отношение к чуждым нам символам может быть только непримиримым. Эта символика, эти ужимки моды нужны буржуазным идеологам, чтобы способствовать деформации внутреннего мира молодежи, особенно той ее части, которая в социальном плане еще только встает на ноги. Именно с этой части молодежи социалистических стран не спускают глаз матери лоды «заблудших душ», выполняющие главную задачу враждебной нам идеологии: «постепенно размывать социализм изнутри». В идеологической борьбе молодежь всегда была и есть одним из главных объектов.

Юность жаждет идеалов — реальных, подкрепленных действительностью, устремленных в будущее. Но зачем думать: тот ли уж «герой», кто много работает, и разве брат, сосед, тренер, с которого вы хотите брать пример,

не обыкновенный человек и разве у него нет недостатков?.. А вот вам — «идол»! Книжный супермен, не знающий жалости и владеющий всем; модный певец, раздувшийся, как мыльный пузырь, от дешевой популярности; кинодива, гребущая миллионы... Вот вам красивая жизнь! И не надо никакого напряжения чувств или ума — только верьте, верьте: все даром, все «за так»! Умей жить, умей быть, умей брать, забудь, что ты человек... От неопытного юношеского глаза скрыт страшный обман, скрыта связующая нить буржуазной пропаганды. Сначала — бездумное опьянение ритмами рок-музыки, забудь, забудь, что у твоего народа есть свои песни, потом — интерес к поп-идолам и наконец — принятие философии потребительства. Все, рыбка попалась на крючок.

И вот уже и у нас в стране появляются подростки, которые с обескураживающим легкомыслием щеголяют чуждой символикой; появляются «команды», соединенные определенными символами. Название любимой футбольной команды — символ, высоко бритые виски — символ, булавки на курточках и джинсах — символ... Каждая группа защищает свои символы ребячьими методами, но дело доходит и до хулиганских выходов. Последнее дало повод для общественного беспокойства и рождения слухов о якобы существующих вредных течениях молодежи и в нашей стране. Хулиганские действия юнош, вышедших из-под контроля семьи, школы, комсомола и трудового коллектива, органы внутренних дел пресекли своевременно. Политической, социальной почвы для перерастания действий этих групп подростков во вредное течение (на манер Запада) в нашей стране нет и не может быть.

О чем тогда идет речь? А вот о чем. Почему эта часть ребят оказалась не способной выбрать точное направление собственной активности, потеряла из виду главный ориентир?

Плохо, когда с детьми что-то не так... Потому что это — беда, направленная в будущее, с которым должны связываться их же чаяния и надежды. Эта «игра» — явление возрастное, преходящее. Не приживусь, обязательно исчезнут подобные отклонения, но исчезнут не сами по себе. Пропаганда западного образа жизни, которую ведут закордонные идеологи, опасна и заразна. И ей должно противостоять в полном идеологическом вооружении. Это очень важно — упредить искаженные мировоззрения, сделать ребят невосприимчивыми к чуждой идеологии, искать для них примеры для подражания, которые пойдут в противовес «идолам» и которые будут соответствовать нашему образу мышления, нашему образу жизни.

Всегда ли и везде ли эффективна наша воспитательно-профилактическая работа? Не секрет, что формализм, заорганизованность, излишняя опека, занятость, равнодушные или беспредельная терпимость взрослых мешают заблуждающимся юнцам распознать ложность западных кумиров.

Осуществляемая обществом реформа школы — это реформа и общественного, и семейного воспитания. И главным ориентиром в ней остается воспитание личности гражданина — прежде всего! Чтобы подросток осознал и почувствовал себя советским человеком, с достоинством ощущал бы гражданскую принадлежность к своей стране, чтобы он, имея свободу выбора, особенно в ситуации, лишенной общественного контроля, не только осознанно принимал верные нравственные решения, но и осознанно отвергал все, что является антиподом нашей морали. Общество должно говорить ему не только «да», но и «нет». Нет — распущенности, вещизму, слепому поклонению, хулиганству...

Сказать просто. В жизни все сложнее. У юных есть право на собственный внутренний мир, в чем-то не по-

хожий на родительские стереотипы. Молодежь рано или поздно будет опираться на опыт предыдущего поколения; но иногда она склонна к превеличии оригинальности самостоятельного выбора идеалов. Вот здесь-то и надо смотреть «в оба». Наши дети — будущие люди нашего общества, и у них должны быть стойкие советские идеалы, коммунистическое мировоззрение.

Известно, что часть нашей молодежи подвержена потребительской психологии, идоломании, лжеромантике. Отдельные юноши и неплохо учатся, но сорят в ресторанах деньгами, добытыми всеми правдами (сверхбеспеченные родители, «халтура»), а чаще неправдами (спекуляция, фарцовка). Многие имея в жизни, они не имеют одного — нравственной основы, они живут вразрез с моралью общества, которое породило их. А без этого личность — ни человеческая, ни гражданская — не состоит, а при определенных условиях станет даже опасной, именно благодаря зыбкости ложных идеалов, выбранных в качестве жизненного примера.

«Извращенная информация и тенденциозное освещение фактов, умолчание, полуправда и просто беспардонная ложь — все пускается в ход» — отмечалось в Постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы». В погоне за удовлетворением навязанных «модной» жизнью потребностей ребята заглядывают наживку — сверхмодный диск с крамольными песенками. Не удивительно, что молодежная аудитория лихо отплясывала под далеко не безобидные песенки с залихватским припевом «...Распутин, Распутин!», «Москва, Москва!» (песни западно-германской группы «Чингисхан»). При переводе, что, согласитесь, не каждому по силам, тексты этих песен оказались не настолько примитивными. Одни просто пошлые, вторые искажают историю России, третьи несут откровенную антисоветскую направленность. Не уважающий себя и свою страну молодой современник покупается сперва на диск, а потом вступает в компромисс со своей совестью. Никогда это безнаказанно не проходит. Нравственные запреты, столь неотъемлемые и категоричные прежде, ослабевают. И человек совершает проступок.

Не секрет, что сегодняшние эрудиты-подростки получают большое количество информации, в том числе и нежелательной, помимо своих непосредственных воспитателей — учителей и родителей. Отсюда следует, что борьба с отрицательным влиянием, порождающим разногласия рода нарушения, должна охватывать все сферы общения подростка и носить упреждающий характер. Но, с одной стороны, в каждом подростке можно найти свои плюсы и минусы, в которых, как в зеркале, отражаются достоинства и недостатки взрослых. А с другой — можно ли воспитать самостоятельного человека, если его чрезмерно опекать? Вряд ли... В жизни обычно так: воспитываем всех, но особо заботимся о тех, у кого преобладают минусы, кто недооценивает последствия собственных действий, кто норовит в случае чего снять с себя ответственность, кто уверовал в безнаказанность.

...Время за полночь. Но среди многоэтажек, на территории, которую и двором-то не назовешь, так, пространство между домами, раздается истонный вопль. Орава озорников... Вместе с криком души выплескивается скука, растратченная энергия. А может, частично уже и растратченная, если подогрели спиртным свою агрессивность, покуролесили, покуражились пыльные юноши, не знающие удержу ни в добром, ни в злом порыве...

На Руси куражились всегда. Но написанные законы и в далеком прошлом, и в недалеком послевоенном периоде соблюдались строго: семеро одного не бьют, лежащего не тронь, никаких «закладок» в рукавицах, бить-

ся до первой «кровянки»... Запрещалось бить с подножкой, наносить удары ногами или головой. Нынешние «капитаны уличного плаванья» слишком часто нарушают все традиционные заповеди своего народа... Вместо соблюдения обычаев — вседозволенность приемов. И этот урон нанесен, прежде всего, западными кинобоевиками. Далеко не безобидный пример влияния растевающей буржуазной пропаганды! Если уходят традиции — с ними уходят черты национального характера...

Подростков воспитывает семья, школа и всегда — труд, трудовой коллектив. Но первая ответственность ложится на семью. «Если люди говорят плохое о твоих детях, это значит, они говорят плохо о тебе», — трудно не согласиться с В. А. Сухомлинским. Большую часть времени, особенно когда «поперек лавки лежат» и в период становления, ребята проводят в семье, в ней познают, что такое «хорошо» и что такое «плохо». В золотую пору детства закладываются основы будущей личности, готовность к поступкам.

Но тут есть оппоненты. Родители, как правило, говорят, что не имеют педагогического образования, заняты на производстве плюс общественная работа, и это приводит к самоустранению от воспитания, духовному разобщению с детьми. В таком случае школа несет основное бремя ответственности. Педагоги в школе не отрекаются от нее, но у них свои проблемы. К сожалению, школа не всегда бывает готова взять основную тяжесть в воспитании безнадзорного ребенка. Да и озорство, в основном, характерно для внеучебного времени, под влиянием ближайшего уличного ли, дворового ли окружения.

Что ж милиция тогда не смотрит, не пресекает безнадзорность и правонарушения несовершеннолетних?.. В том-то и дело, что смотрит и пресекает... Но главным образом — педагогически запущенных ребят, в этом специфика работы органов внутренних дел.

Итак, семь нянек, а дитя без присмотра: куражится дома, в школе, на улице, в общественных местах. Куражливость нередко переходит в кураж-издевательство, куролесить-чудачествовать превращается в куролесить-бесчинствовать. Так с кого же спрашивать?..

И все-таки, первым долгом, с семьи. Разработка и осуществление мер по усилению ответственности родителей за воспитание детей предусмотрены школьной реформой. Если родители не в состоянии предупредить, пресечь безнадзорность — есть трудовые коллективы, членами которых они являются, они в состоянии напомнить о конституционных обязанностях и заставить выполнять их. От семьи, от благополучия в ней, от родителей зависит слишком многое.

По результатам выборочных исследований (приводятся данные В. М. Кормщикова из Перми) на подростков из неблагополучных уральских семей приходится более половины всех правонарушений несовершеннолетних. Почти две трети родителей из этих семей сами воспитывались в нравственно и социально неблагополучных семейно-бытовых условиях.

Как сообщила печать, 26 процентов пьющих познакомились с алкоголем в возрасте до шестнадцати лет, 65 процентов — до восемнадцати лет. В 70 процентах случаев приобщение подростков к выпивкам началось в семье, а не «на улице». В пермских школах более 30 процентов учеников первых — третьих классов уже пробовали вино. Мы строго соблюдаем закон, охраняющий здоровье подростка — не разрешаем ему трудиться до совершеннолетия, а пить позволяем...

Семья дает твердость нравственных устоев. Школа их закрепляет. В школу ребята могут принести все: непонимание острых политических вопросов, домыслы, слухи «с чужого голоса» и т. п., а школа должна по-

мочь им разоблачить ложное словом, убежденностью старших товарищей, общественным мнением.

Но, наконец, когда-нибудь общество должно спросить и с самого подростка — не только потому, что он акселерат, но и потому, что он действительно нынче стал умён. А сам ты лично, дорогой юный гражданин, понимаешь ли, за что ответствен? И за себя, за свою судьбу ты ответствен, и за страну свою, за будущее ее народа, к которому ты принадлежишь! Так почему у тебя сади — чужой флаг?! Почему у тебя на «mage» — чужая песенка?! Почему ты ищешь красоту, истину, силу не на родной почве, а на стороне?

Как убедить подростка в том, что все в жизни зависит и от него самого? Или мы внушили детям мысль об их особом положении в обществе, а расстаться с привилегированным положением не всегда просто?.. Но ведь должны же понять те из подростков, кто слепо поклоняются чужому, чуждому, что недооценка личной ответственности, несамостоятельность мышления ведет к идейной неустойчивости, и это не просто высокие слова: размывание этого понятия сотрет в порошок и все другие понятия — честность, смелость, достоинство, порядочность, справедливость...

Когда юного человека наставляют на путь истинный, ему сначала показывают выходы из жизненных тупиков. Но без конца это не может продолжаться, иначе он вырастет совершенно беспомощным. Уже в детстве и юности каждый из нас учится принимать самостоятельные решения. Ученическое самоуправление — хорошая школа для формирования социальной активности, инициативы, творчества, дисциплины, ответственности. Реформа дает еще большую самостоятельность ребятам, дело их чести — воспользоваться ею с умом.

Воспитывают, как правило, не только чужие верные слова, но и собственные поступки. В свои четырнадцать—пятнадцать лет подростки претендуют на большие дела. Когда не только больших, но и маленьких дел не доверяют — просыпается амбиция: ведь ребята хотят самосто- утверждаться, хотят, чтобы им верили и спрашивали с них серьезно, без формализма и «подыгрыша». Они готовы к социальному взрослению. Не займи их вовремя, не дай дела — и время уйдет, и возраст заработает против нас и против них самих. Чтобы избежать пустоты, подросток будет гоняться за модными дисками или пойдет совершать уличные подвиги — бездействовать он не будет!

Ребятам, как воздух, необходимы умственная и духовная самостоятельность, чтобы уметь разобраться в трудных ситуациях, продиктованных жизнью. Но нужны при этом четкие моральные ориентиры. Как тут не вспомнить насыщенность, динамичность жизни комсомоли двадцатых годов! В борьбе мнений возбуждалась мысль, появлялся интерес к самым разным проблемам, активизировалась жизненная позиция.

Рождаемая в споре истина, до которой подростковая личность «сама додумалась», особенно дорога. Подходить к решению для себя самых трудных вопросов самостоятельно — вот в чем суть истинного знания и вот то условие, при котором знания превращаются в убеждения.

Потому что и юному гражданину надо уметь отстаивать свои убеждения перед кем угодно и когда угодно. И тогда эта молодая поросль будет здорова и крепка, и никогда из нее не вырастет хилое дерево.

КОГДА В РУКЕ ПИСТОЛЕТ...

Подсчитано, что у населения США на руках имеется почти двести миллионов единиц стрелкового оружия самых разных видов. Каждые двенадцать секунд еще один новый пистолет находит своего покупателя.

И в то же время, как заявил конгрессмен Рон Моттл, «в среднем каждый выпускник школы к моменту ее окончания становится свидетелем 43 тысяч телевизионных убийств».

В марте 1981 года в Вашингтоне президент Рейган получил серьезное ранение. Стрелял в него Джон Хинкли, которому захотелось совершить «исторический подвиг». Он легко и дешево купил пистолет в ломбарде. Перед покушением на Рейгана Хинкли написал «поэму» — «Оружие — это радость»:

Видишь ли ты президента вон там?
Хочешь, я брошу его к ногам!..
На то пистолет в моих руках.
Он мне могучую силу придал,
Хочу, чтоб весь мир обо мне узнал.
Был президент, и вот его нет,
Потому лишь, что есть у меня пистолет.

«Как мы, бывало, ходили в школу с сигаретами, так нынешние подростки являются туда с пистолетами», — говорит один из судей в Лос-Анджелесе.

Юнцы, завладевшие оружием тем или иным способом (долго ли стащить пистолет дома, если его особенно и не прячут? Впрочем, его можно просто купить на улице — с рук), пускают его в ход часто без повода и без оглядки. От многих взрослых можно услышать: «Мне страшно ходить на работу, в церковь. Боюсь даже поднимать глаза на кого-нибудь, потому что иногда мальчишки нападают лишь из-за того, что им не нравится, как ты на них смотришь».

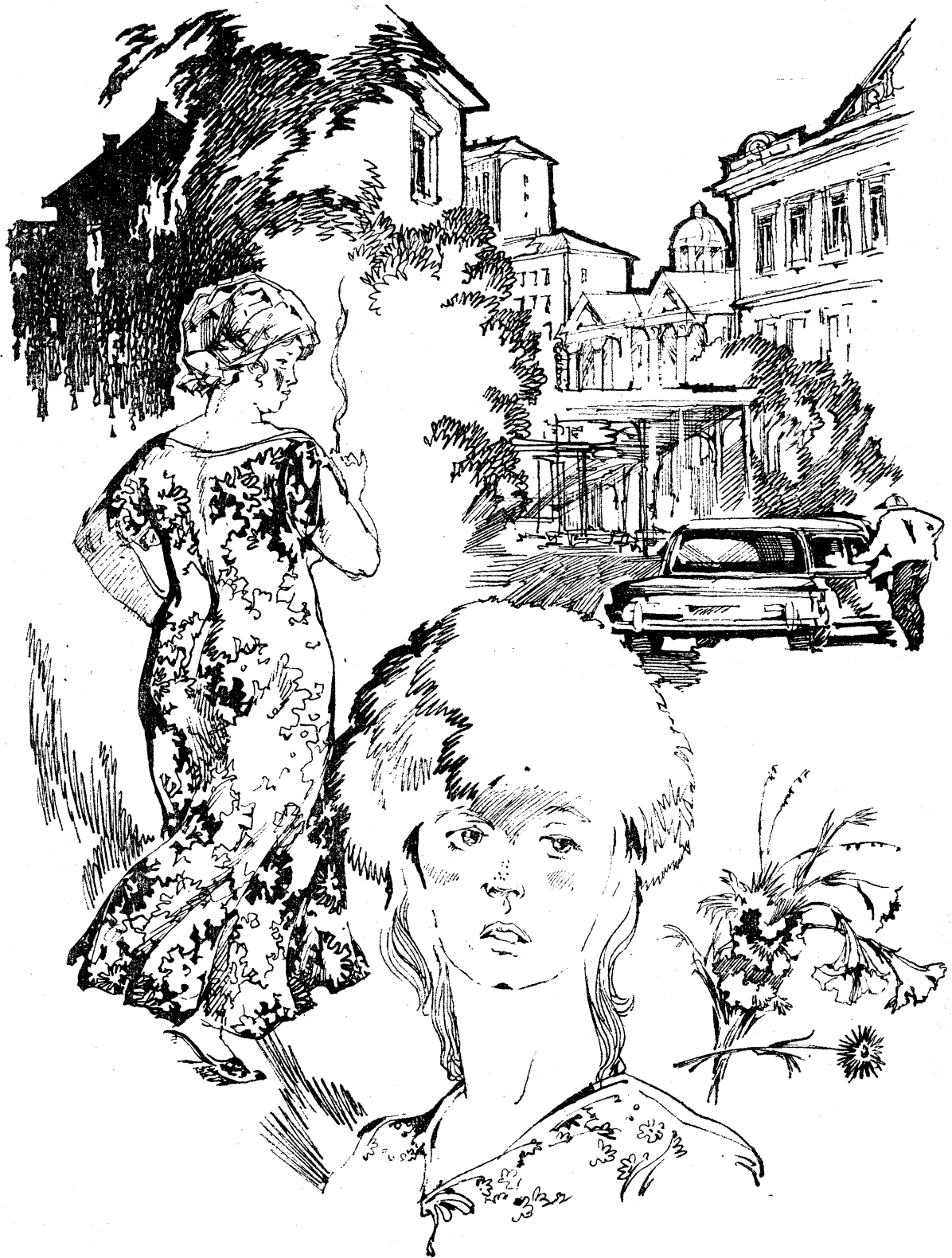
Задумываясь о причинах столь легкого, безответственного обращения подростков с оружием, взрослые американцы говорят о том, что они нередко вырастают в обстановке равнодушия, без домашнего тепла; они чувствуют, что в США никому до них нет дела, и сами быстро теряют интерес к обществу.

Чего ожидать от детей, родители которых пребывают в постоянной тревоге за свой завтрашний день?..

Впрочем, у американских подростков есть собственные объяснения происходящему: «Вооруженный человек всегда возьмет верх. Стоит нажать на спусковой крючок, и нечего больше волноваться. Бах, бах, бах! — и еще один дурак готов. А ты испытываешь что-то вроде счастья». А вот еще: «Мне нравится держать в руке пистолет и загонять патрон в ствол. Много, знаете, идет от телевизора. Смотришь, как там стреляют друг в друга, и самому хочется попробовать».

В Чикаго насчитывается, по данным местной полиции, 110 банд, в которые входят почти 10 тысяч подростков. Только в 1984 году погибли из-за применения огнестрельного оружия 100 членов этих соперничающих шак. В том же году на триста свободных мест для почтовых работников в Чикаго объявилось 39 тысяч претендентов...

В. ДАНИЛИН

Михаил ЧЕРНЕНОК

Рисунки Е. Стерлиговой

ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Кудряшкина открыла дверь, едва Бирюков успел постучать. За прошедший год Леля заметно изменилась. Шелушащееся от косметики лицо поблекло. Большие печальные глаза с зеленоватыми зрачками, словно от длительного недосыпания, глубоко ввалились. Похудела так, что простенькое платье казалось явно великоватым.

— Здравствуйте, Леля, — весело сказал Бирюков и широким жестом протянул перед собою букет.

Кудряшкина отпрянула от цветов.

— Это что за хохма?..

— Это — вам.

— От кого?

— Лично от меня и от уголовного розыска.

Леля смерила Антона сердитым взглядом.

— Не смешно. Если к Мишке притапал, он — в казенном доме, а книги в фонд государства уплыли. Ни менять, ни покупать теперь нечего.

— Я, Лелечка, пришел поговорить с вами по душам.

— В моей душе пусто, как у грешницы.

Антон посерьезнел:

— Возьмите же цветы, честное слово, это — вам от меня.

Кудряшкина неловким движением, чуть не рассыпав, приняла букет.

— Чего пижонишь? Другие с бутылкой приходят, а ты охапку травы приволок.

Бирюков пропустил колкость мимо ушей, однако тоже перешел с Лелей на «ты».

— Не лезь без причины в пузырь. Мне действительно надо с тобой поговорить. Можно войти?

Леля мгновение поколебалась.

— Ну, заходи... Только не надолго.

— Не пугайся, ночевать не останусь.

— Я не из пугливых.

Кудряшкина посторонилась, и Бирюков вошел в пустую, если не считать раскладушки с постелью да облезлого стула, комнату. Всей «роскошью» здесь был стоявший прямо на полу синий телефонный аппарат. Антон медленным взглядом обвел

голые стены, посмотрел на прислонившуюся к косяку Лелю.

— Да-а, пустовато стало...

Леля молча унесла цветы в ванную. Вернувшись, усмехнулась:

— Еще что скажешь?

— Еще скажу, что ты меня не узнала. Помнишь, в прошлом году, когда погибла Ирина Крыловецкая, мы с тобой долго разговаривали вот в этой самой комнате, только битком заваленной книгами, о Вадиме Фарфорове?

Кудряшкина уставилась на Антона.

— Геолог?.. С Вадькой вместе работаешь?..

— Нет, теперь я в другом ведомстве, — сказал Антон.

— В каком?

— Секрет фирмы.

— Не темни. Серьезно спрашиваю.

Бирюков ничего не успел ответить — зазвонил телефон. Леля присела на корточки и сняла трубку. Видимо, отвечая на вопросы, грубовато заговорила:

— Привет... Ну, у тебя и уши... Нет, не он... Русского языка не понимаешь? Не он!.. Какая тебе разница — кто... Ну, приходи, приходи — убедись! — И сердито бросила трубку. — Вот кадр! Сквозь бетонные стены слышит мужской голос. Думает, с ее королем романы кручу. Сейчас припрется дура красномордая.

— Анжелика? — спросил Антон.

— Как догадался?

— Если ты «с королем романы крутишь», то, кроме Анжелики, появиться некому.

Кудряшкина изумленно вскинула тонко выщипанные брови.

— У тебя не голова, а электронно-вычислительная машина. С ходу усекаешь.

— Спасибо за комплимент. «Король» — это гарсон из ресторана?

— Неужели Их величество из Португалии на такую дуру позарится...

— А как фамилия «Короля»?

— Фамилия красивая — Милосердов, — Леля, явно кого-то передразнивая, прогнусавила нараспев: — Вольдэма-а-ар...

«Неужели бывший муж Галки Терехиной?» — мелькнуло у Антона и он опять спросил:

— У Анжелики что-то серьезное с ним?

— Чего привязался? Прикостыляет сейчас «принцесса на горошине», спроси у самой, что там у них: серьезное — не серьезное... — Кудряшкина вроде хотела добавить еще более ядовитое, но входная дверь без стука распахнулась.

В комнату вошла сильно расплывшаяся молодая девица с накрученными под прозрачным платочком бигуди, в длинном, чуть не до пят, халате. Пунцовым длинноносим лицом и расплывшейся фигурой она так сильно походила на рассерженную Людмилу Егоровну Харочкину, с которой Антон сегодня утром чуть было не столкнулся в прокуратуре у дверей кабинета Маковкиной, что не представляло никакого труда сообразить: это Анжелика.

Словно демонстрируя ярко-пестрый до рези в глазах халат, Анжелика крупным шагом прошла по пустой комнате; смерила бесцеремонным взглядом молчаливо стоящего Бирюкова и посмотрела на прищурившуюся Кудряшкину.

— Ну, как новый халатик?..

— Как на корове седло, — притворно вежливо ответила Леля. — Еще что новенького скажешь?

— Дай закурить.

— А выпить не хочешь?

— Хочу. У тебя что есть?

— Мартини, водка, рислинг, виски...

— Накропи полстаканчика виски.

— О'кэй! С чем прикажете подать: с содовой или... ну ее на фи?

До Анжелики только теперь дошло, что Леля над ней насмеяется. Обидчиво надув пухлые губы, она с сильным проносом заговорила:

— Не поднимай волны. Сигарету несчастную пожалела. Ладно — попросишь у меня...

Кудряшкина вспыхнула.

— Не попрошу ни в жизнь! Убедилась, ягодка, с кем романы кручу, и катись колобком к маме с папой!

Анжелика нахмурилась, поплыла к выходу. У порога оглянулась, хотела что-то сказать, но вместо этого неожиданно, совсем по-детски, показала Кудряшкиной язык. Леля хлопнула руками по бедрам.

— Ну, не дура ли?!

— Сама из психушки! — огрызнулась Анжелика, скрываясь за дверь.

Кудряшкина глянула на Бирюкова.

— Видал жертву всеобщего среднего образования?..

— Смешная девушка, — из солидарности сказал Антон.

— Девушка... роковой любви, — саркастически

усмехнулась Леля и тут же сменила тему. — Пойдем на кухню, там договорим. Есть хочется, аж смех берет. В столовке поужинать сегодня не успела — к скорняку за шапкой проездила. Показать, какого голубенького песца зимой носить буду?.. — Не дожидаясь согласия Антона, она принесла из прихожей полиэтиленовый пакет, вытащила пушистую, с голубоватым отливом, серую шапку, торжественно надела на голову и повернулась на одном каблучке. — Видал красоту?! Еще воротник для пальто, сказал скорняк, такой же получится.

По ассоциации Бирюкову вспомнился перепуганный после угона «Лады» кладовщик Тюленькин, занимавшийся разведением песцов.

— Где шкурку покупала? — спросил Антон.

— Не в магазине, конечно. По госцене такую голубизну днем с огнем не сыщешь. Знакомый парень раздобыл по блату, — Кудряшкина бережно положила шапку на раскладушку. — Ну, пойдем, перекусим за компанию.

Кухня выглядела веселее, чем комната. У электрической плиты стоял новый стол со шкафом для посуды. Возле стола — две табуретки, тоже новые. В углу — небольшой холодильник «Морозко». Остановившись перед ним, Леля озадаченно прижала ладонь ко лбу.

— В морозилке — торричеллева пустота. И в магазин на радостях не забежала. Чего ж пожевать?.. — глянула на Антона. — Вчерашние пряники с чаем будешь?..

— За компанию — можно, — ответил Антон, садясь на табуретку.

Кудряшкина налила под краном чайник, поставила его на включенную плиту и тоже села. Глядя Бирюкову в лицо, вдруг сказала:

— Глаза у тебя красивые.

— У тебя — тоже, — зная неравнодушие Лели к своей персоне, улыбнулся Антон.

— Не ври. У меня зрачки зеленые, как у кошки, а у тебя — синие, словно чистое небо. И взгляд у тебя умный. Люблю умных парней, но в жизни уголовные обороты ко мне липнут. Уже троих фраеров сменила и все не могу научиться понимать людей. На метизный завод сверловщицей устроилась. Третий месяц не курю, хотя и тянет сильно. С выпивкой завязала. Это соседка, баба Зина, меня образумила. Добрый она человек. Знает, что я — не конфетка, а жалеет. Даже деньги взаимно дает. Завидую Верке Петелькиной, что у нее такая бабка есть. А у меня все поумирало. Мама — когда я в пятый класс ходила, отец — чуть позднее. Шофером работал, и по пьяной лавочке с другом в речку кувыркнулись на самосвале... Доучивалась за счет колхоза...

— Ты из села? — спросил Антон.

— Ну, из Мошковского района. Приехала в

Новосибирск в институт поступать — конкурс не прошла. Назад вернуться постыдилась, совсем лопоухая была. Тут городские хмыри налетели... Осточертело все. Махну, наверно, назад в село родное, устройсь дояркой на ферме. Баба Зина говорит, теперь доярки до трехсот рэ в месяц получают, если не ленятся. А я раньше не ленивая была. Это в городе привыкла дурочку валять... — Кудряшкина облокотилась на стол, подперла кулаками подбородок. — Что-то меня на откровенность поволокло. Наверно, от радости, что шапку приличную завела. Давай теперь ты выкладывай: кто такой и зачем пришел?

Бирюков показал удостоверение. Кудряшкина, заглянув в раскрытые корочки, опешила. Поблекшее лицо ее зарозовело. Леля зябко повела плечами и криво усмехнулась.

— С тобой не соскучишься... А вообще-то терять мне нечего. С протоколом будешь допрашивать или на слово поверишь?

— Поверю на слово, — сказал Антон.

— Хоть за это спасибо. О ком рассказывать?

— О Зоркальцеве и Анжелике.

— Оклеветала красномордая Генку. Тот, дурачок, скрылся, но все равно ведь поймают. А вообще Генка — мировой мужик. Хочешь знать, это он устроил меня ученицей на свой завод. Деньги, понятно, любит зашибать. А кто теперь не любит? Всем красиво жить хочется. Знаешь, например, как Зоркальцев «Жигули» купил?

Сам рассказывал, что собрал из утиля небольшой мотоцикл и продал его на законном основании. За вырученные деньги купил подержанный «Урал» с коляской. Своими руками довел до ума и вырубил полную стоимость «Урала». Потом за пустяковую цену взял разбитый в аварии «Москвич», отремонтировал — комар носа не подточит. Таким макаром и набрал денежек на новенькие «Жигули». Ну, какое здесь преступление?

— Зоркальцева в этом и не обвиняют. Что у него с Анжеликой получилось?

— Ничего! С Милосердовым Анжелика доигралась до баби, а когда Людмила Егоровна — вот по ком тюрьма плачет! — подняла пыль до потолка, Анжелика поджала хвост и на своего репетитора телегу покатила. Честно, Зоркальцев не насильник. Уж на что Ирка Крыловецкая ухо с глазом была и то никакими приемчиками не охмурила Геннадия. А то на гундосую Анжелику он позарился бы. Ни в жизнь!..

— Что сама Анжелика говорит?

— Сказать ей нечего. Гундосит, что мама буром в прокуратуру поперла, теперь сама не знает, как затормозить.

— Говорят, Милосердов непрочь на Анжелике жениться...

— За деньги «карлсон» — так баба Зина его называет — на обезьянке женится.

— Чего он к тебе похаживал?

— Мишка наказал за квартирой приглядывать, друзья они были. Друг и приспособился с «королевой» встречаться, когда она объявила, что в приданое будет новенькая «Волга», трехкомнатная квартира с венгерским гарнитуром и дачка в два этажа...

На плите задребезжал крышкой вскипевший чайник. Кудряшкина, протянув руку, щелкнула выключателем и опять повернулась к Бирюкову.

— Ставь пряники на стол, — сказал Антон.

— На самом деле будешь?..

— Почему бы нет? Ты ведь есть хотела.

— Уже расхотелось.

— Перестань...

За чаем с черствыми пряниками Бирюкову удалось выяснить, каким образом среди знакомых Зоркальцева распространился слух о поджоге дачи Фарфоровым. Оказывается, Кудряшкина, услышав разговор на заводе о пожаре, опрометчиво брякнула: «Это, наверно, геолог Фарфоров красного петуха пустил в отместку за то, что его бывшая женушка липла к Зоркальцеву». Кто-то передал это жене Геннадия Митрофановича, Тане. Та приходила к Кудряшкиной на работу «разбираться», и, когда Зоркальцев бесследно пропал, о Фарфорове заговорили еще больше. В возникшую таким образом «версию» Кудряшкина сама не верила. Больше того, Леля даже проговорила Антону, что почти на сто процентов знает, кто действительно виновник пожара, но назвать его категорически отказалась: «Не скажу ни в жизнь! Может, еще один человек, как Вадька Фарфоров, пострадает от сплетен».

— А какой перстень ты приносила к Фарфорову оценивать? — внезапно спросил Лелю Антон.

— Перстень? — Кудряшкина псперхнулась.

— Серебряный, с бирюзой. Стоимостью пятьсот рублей.

— Однако!.. Это Вадька в отместку мне придумал.

Что-то показалось Бирюкову подозрительным в таком ответе. Но он сознательно не стал акцентировать на перстне внимание и снова повернул разговор к Зоркальцеву, стараясь узнать, кто из знакомых Кудряшкиной, когда и где видел в последний раз Геннадия Митрофановича.

В кухне уже давно затемнело. Кудряшкина включила свет, отложила недоеденный пряник и мелкими глоточками допила из стакана чай. Облокотившись на стол, задумалась.

— Кажется, Вера Петелькина, бабы Зинина внучка, где-то видала Генку в тот самый день, когда он пропал.

Остаток вечера до полуночи Антону Бирюкову пришлось коротать в обществе бабы Зины у экрана безупречно работающего телевизора. Едва диктор объявил об окончании трансляции, входная дверь открылась, и тотчас из коридорчика раздавался строгий девичий голос:

— Бабуль! Сколько можно напоминать, что не в деревне живешь! Опять дверь незапертой оставила.

— Ага, Верка заявила, — шепнула Антону баба Зина и громко добавила: — Не командуй, командир! У меня ныне кавалер в гостях находится.

В комнату вошла стройная темно-русая девушка в джинсовом костюме. Бирюков представился ей и объяснил причину позднего визита. Этого оказалось мало. Вера потребовала предъявить документы. Лишь после того, как убедилась, что перед ней действительно сотрудник уголовного розыска, стала отвечать на вопросы. Да, она видела Зоркальцева именно одиннадцатого июня. Причем — дважды. Первый раз, когда вела троллейбус по Красному проспекту в сторону городского аэропорта, второй — при обратном рейсе. Бирюков попросил рассказать подробнее. Вера ровными губами прикусила нижнюю губу, чуть подумала.

— Когда ведешь троллейбус, подробности запоминать некогда. Что, например, вас интересует?

— Например, почему вы запомнили одиннадцатое июня?

— В тот день баба Зина получила пенсию, а получает она ее каждый месяц одиннадцатого числа, — Вера повернулась к бабушке. — Так, бабуль?..

Старушка утвердительно кивнула.

— Понятно, — сказал Антон. — Теперь расскажите, как увидели Зоркальцева первый раз в тот день.

— Перед остановкой за Центральной сберкассой мне надо было объехать стоявшие у обочины белые «Жигули». По привычке глянула на номерной знак и узнала машину Зоркальцева. Геннадий Митрофанович всегда на машине приезжал к Харочкиным, номер мне примелькался. Стараясь не задеть машину, я увидела в ней Геннадия Митрофановича. Он разговаривал с каким-то худощавым парнем. Разглядеть парня не разглядела, но помню на голове его белую пляжную кепочку с темным козырьком.

— Мирно они разговаривали?

— Да. По-моему, о чем-то договаривались. Зоркальцев сидел за рулем, а парень стоял на тротуаре, склонившись к передней дверце машины. Я объехала «Жигуленку» и, направляясь на остановку, стала прижиматься к обочине. Уличные часы на остановке показывали... что-то около десяти утра. Обратным рейсом, примерно, через час,

при выезде на проспект с Калининской площади меня задержал красный светофор. Я на секундочку расслабилась и опять увидела машину Зоркальцева, успевшую свернуть под зеленым огнем светофора с проспекта к улице Клары Цеткин. Геннадий Митрофанович сидел за рулем, а на заднем сиденье, по-моему, был парень в белой кепочке, с которым Зоркальцев разговаривал у Центральной сберкассы.

— Если не ошибаюсь, милоч, ты интересуешься домашним учителем Харочкиных? — неожиданно обратилась к Антону внимательно слушавшая разговор баба Зина. — Да, в тот самый день, когда почтальонка мне пенсию принесла, я своими глазами видела, как учитель подкатывал на белой легковушке к нашему подъезду. Утром цветы в лоджии поливала. Он, учитель значит, с черным чемоданчиком вылез из машины и в подъезд вошел. Чего-то к Харочкиным навещался — их дверь открывалась. После, когда я нацедила из крана в ванной вторую лейку, машина от подъезда уже укатила.

— Кроме учителя, в машине еще кто-нибудь был? — спросил бабу Зину Антон.

— Выглядывал какой-то мальчуган в белой кепочке. Может, аккурат тот самый, про которого Вера говорит...

В гостиницу УВД Бирюков заявился лишь во втором часу ночи. Полусонная администратор сказала, что вечером звонил майор Шехватов и просил обязательно позвонить ему домой до двенадцати. «Видимо, есть что-то новое, но звонить-то сейчас на квартиру слишком поздно», — подумал Антон. Не включая в номере свет, он быстро разделся и лег. Перебирая мысленно собранную за день информацию, с огорчением пришел к выводу, что широкий круг тайственности по делу Зоркальцева упорно не сужается.

ГЛАВА 7

— Так вчера и не дождался я твоего звонка, — не отрываясь от чтения протокола допроса, сказал Шехватов, едва Бирюков переступил порог кабинета. — Поздно пришел в гостиницу?

— Во втором часу. Есть новости?

— Савелий Вожегов нашелся... — Шехватов подал Бирюкову протокол допроса. — Прочитай, любопытные показания.

Антон присел к столу и сосредоточенно углубился в чтение показаний Савелия Кузьмича Вожегова, записанных на нескольких страницах оперуполномоченным Минского ОУР. Анкетные данные и общие сведения о Вожегове, указанные в протоколе, совпадали с теми, которые Бирюков

уже знал. Новое для Антона началось с третьей страницы:

«...О потайном складе немецкого оружия я солгал ребятам в колонии для «авторитета», не думая о последствиях. Следующим вечером после этого ко мне подошел один на один осужденный Жора Коробченко, по прозвищу «Дизайнер», и предложил бесплатно выколоть мне на груди «Трех богатырей». Я посмотрел эскиз татуировки на бумаге и согласился. Наколку делали тайком в библиотеке, где Коробченко числился библиотекарем-художником. В последний вечер, заканчивая татуировку, Коробченко, как бы между прочим, намекнул, что давно мечтает приобрести пистолет с патронами. Опять же не думая о последствиях, я сказал: «Как освободишься из колонии, приезжай в Минск. Будет хоть сто пистолетов». Коробченко спросил мой домашний адрес и телефон. И то, и другое я ему солгал. Больше на эту тему мы в колонии не говорили. Отбыв наказание, я вернулся к родителям в Минск и позабыл о том разговоре. 30 мая утром мне на квартиру неожиданно позвонил Коробченко, сказал, что находится на железнодорожном вокзале в Минске и хочет меня увидеть насчет того, о чем договорились. Встретились мы у входа в вокзал. Первым делом Жора упрекнул меня за то, что я дал ему «липовый» домашний адрес. «Ты, Сава, в дальнейшем плуточки брось. Горсправка работает четко», — сказал он. Я начал было сочинять, что родители поменяли квартиру, но Коробченко махнул рукой: «Не наводи тень на ясный день. Когда надо, найду тебя под землей». У меня имелось пять рублей. Чтобы задобрить Жоржу — это его настоящее имя, я предложил пообедать. Мы купили две бутылки портвейна, банку соевых бобов в томате и полбулки хлеба. «Обед» устроили на скамейке в сквере, недалеко от вокзала. Когда распили первую бутылку, Коробченко спросил: «Как насчет немецкого «вальтера» с патрончиками?» Пришлось опять лгать: «Понимаешь, пока я находился в колонии, солдаты с миноискателями обнаружили склад, и теперь там ничего не осталось». Жорж обозвал меня нехорошим словом и сказал, что моя брехня добром не кончится. Чтобы задобрить его, я пообещал раздобыть денег. Под предлогом купить новую импортную куртку в этот же день выпросил у мамы сто рублей. Куртку купил в магазине за сорок рублей, остальные деньги отдал Коробченко, думая, что он сразу уедет из Минска. Однако 31 мая Жорж снова позвонил мне. Потребовал еще полсотни, чтобы купить в дорогу что-нибудь из одежды. Я понял: вымогательству теперь не будет конца, и честно рассказал обо всем родителям. Папа хотел немедленно заявить в милицию, но мама сказала, что никуда заявлять не надо, а

лучше мне уехать от уголовных дружков в деревню Ханевичи Гродненской области, где живет мамин отец, то есть мой дедушка. Утром 1 июня мама проводила меня на поезд. Коробченко больше я не видел. Куда и какого числа Жора уехал из Минска, а так же где он находится в настоящее время, не знаю. С моих слов записано правильно и мною прочитано», — ниже стояла разборчивая подпись Вожегова.

В сопровождающем протокол письме оперуполномоченный Минского ОУР сообщал, что безвыездное нахождение Вожегова С. К. в деревне Ханевичи с 2 июня с/г до настоящего времени подтверждается свидетельскими показаниями.

— Вот наконец стало ясно, что ничего неясно, — проговорил Бирюков, возвращая протокол Шехватову.

— Голубев вчера вечером звонил... — Шехватов помолчал. — Самое удивительное, Тюленькин «опознал» Вожегова, но подписать протокол опознания категорически отказался и начинает даже поговаривать, что никакого нападения на него не было, а «Ладу» угнали, когда он купался в реке.

— Старик боится мести, — сказал Антон. — Не могу понять, откуда он узнал о «Трех богатырях»? Это ж, можно сказать, уникальная татуировка. И еще: Шурик Ахмеров сразу навел на след Вожегова. Что это, какой-то расчет или чистая случайность?

— Философы утверждают, что случайность — одна из форм проявления необходимости.

— Ни у Тюленькина, ни у Ахмерова я не вижу даже намека на эту необходимость.

— Завтра из колонии должен поступить материал на Коробченко, может, что-то прояснится, — нахмурившись, сказал Шехватов. — Рассказывай, что вчера узнал.

Бирюков подробно пересказал собранную за день информацию. Заканчивая, добавил:

— Такие вот разрозненные факты, Виктор Федорович, получаются. Логическая цепочка из них не вяжется, а след Зоркальцева и его пассажира в белой кепочке оборвался для нас на повороте с Красного проспекта к улице Клары Цеткин...

— Отыскать бы этого пассажира — след потянулся бы дальше. Давай прикинем: куда Зоркальцев мог выехать по улице Клары Цеткин?

Бирюков подумал.

— На Мошково и Болотное. Но судя по тому, что машина обнаружена в Рожневском урочище, Геннадий Митрофанович свернул с магистральной трассы на проселочную дорогу и заехал в наш район. Это опять же таит загадку: зачем ехать скверными проселками около трех часов, если можно всего за полтора часа промчаться по прекрасному шоссе?

— Обрати внимание, таинственный утонщик «Лады» Тюленькина тоже ехал из вашего района в Новосибирск проселками. Не допускаешь мысли, что другой дороги он не знал?

— Допускаю и попробую выяснить, насколько хорошо Зоркальцев ориентировался в районных дорогах.

— Еще какие планы наметил?

— Планы большие. Поговорить с женой Зоркальцева — раз, с родителями Анжелики Харочкиной — два, с самой Анжеликой — три, с гарсоном Милосердовым — четыре: А там, глядишь, еще что непредвиденное выплывет.

— Считаешь, Харочкины оговорили Зоркальцева?

— Если верить Кудряшкиной...

— Можно ли ей верить?

— Знаешь, Виктор Федорович, по сравнению с прошлым годом Леля здорово изменилась. Много, конечно, осталось прежним, но в целом она вроде бы поумнела. Во всяком случае, дурь из нее, как прежде, не прет наружу.

— Что ж, хорошо, когда люди умнеют... На Милосердова обрати особое внимание. По-моему, этот гарсон — темная личность, если выбирает жену по приданому, — Шехватов задумался. — Почему Кудряшкина наотрез отказалась от бирюзового перстня? Неужели Фарфоров солгал?

— Не мог Вадим Алексеевич солгать. Ложь — не в его характере.

— О Зоркальцеве какое мнение сложилось?

— Пока — смутное. В погоне за длинным рублем Геннадий Митрофанович, кажется, говоря языком футболистов, забил гол в свои ворота.

Шехватов посмотрел на часы.

— Мне, Антон Игнатьевич, пора на совещание. Вечером встретимся.

К высокому многоэтажному зданию геологического треста Бирюков подъехал на маршрутном автобусе в самом начале рабочего дня. Разговор с женой Зоркальцева состоялся в кабинете начальника отдела кадров, предусмотрительно вышедшего по «неотложному» делу. Убитая горем Татьяна Петровна — по-девичьи хрупкая, с тонкими чертами лица и аккуратно уложенными в прическу каштановыми волосами — казалась осунувшейся, постаревшей. Одета она была в безупречно сшитый серый костюм, ворот которого прикрывал отложной воротничок синей, в белую горошину, блузки.

Беседа долго не клеилась. Тихим, срывающимся голосом Татьяна Петровна отвечала на вопросы лаконично, а большей частью вообще пожимала худенькими плечиками. Все, касающе-

еся пожара и исчезновения мужа, для нее было «совершенно необъяснимым». Ничего не могла сказать она и о прошлом мужа, ссылаясь на провалы в памяти от переживаемого несчастья. На вопрос Бирюкова: был ли у Геннадия Митрофановича серебряный перстень с бирюзой? — по инерции сказала «не знаю», но вдруг задумалась.

— Простите, Гена носил на пальце такой перстень.

— Одиннадцатого июня он не оставил его дома?

— Нет, не оставил.

— Почему Зоркальцев уволился с завода?

— Гена расстраивался из-за какого-то конфликта на почве репетиторства и не хотел, чтобы об этом узнали в заводском коллективе.

— Конкретно не говорил, что за конфликт?

— Нет, но... незадолго до пожара на даче Гене звонила очень рассерженная женщина и, угрожая большими неприятностями, требовала вернуть деньги за репетиторство. По-моему, Гена Людмилой Егоровной ее называл...

— Не Харочкина?

— Фамилии он не упоминал. После я спросила Гену: чем это вызвано? Он усмехнулся: «Такая тупица попалась, что легче медведя научить четырьмя действиями арифметики».

— Ну и отдал Геннадий Митрофанович эти деньги?

— Собирался отдать, на самом деле — не знаю.

— Часто муж отлучался на машине из дома?

— Ежедневно ездил к ученикам.

— Обычно ученики ходят к репетиторам.

— Гена не хотел, чтобы у нас в квартире постоянно толклись педоросли. Сам ездил к ним.

— Ради чего он так сильно увлекался репетиторством? Семья у вас небольшая...

— Не знаю, — Зоркальцева заплакала и уже сквозь слезы еле слышно добавила: — Я ничего не знаю...

Больше, сколько Бирюков ни старался, он так и не узнал. Когда вернувшийся в кабинет начальник отдела кадров принялся успокаивать плачущую Зоркальцеву, Антон попрощался. В коридоре ему неожиданно попал навстречу вышедший из бухгалтерии бородатый Фарфоров. Вадим Алексеевич смущенно поздоровался и, как будто оправдываясь, показал заполненный бланк командировочного удостоверения.

— Опять улетаю. В Нижневартовск, на неделю. Вы ко мне?..

— Вадим Алексеевич, — сказал Антон, — Леля Кудряшкина заявляет, что никакого перстня вам не показывала.

Фарфоров нервно дернул плечом.

— Это бессовестная ложь с ее стороны. У меня.

разумеется, пет свидетелей, но, если хотите, могу повторить при Кудряшкиной то, что говорил отнюдь не перстня.

— Понятно. О Зоркальцеве нового не слышали?

— Как вам сказать... Разное болтают.

— Что именно?

— Например, будто Зоркальцев безбожно зарабатывал на своих «Жигулях», — Фарфоров тяжело вздохнул. — По соображениям этики не назыву фамилии моей сотрудницы, которую Геннадий однажды довез от кинотеатра Маяковского до аэропорта Толмачево и без зазрения совести сорвал с нее десять рублей. Почти в два раза дороже, чем на такси.

— Не постеснялся взять такие деньги даже со знакомой?

— Знакомство было односторонним. Геннадий не знал сотрудницу, а она несколько раз видела его у нашего треста, когда он подъезжал в «Жигулях» за женой, за Таней. Произошла эта поездка по чистой случайности. Сотрудница торопилась в аэропорт, но будто назло — ни одного такси. Решила «голосовать» частникам. Одна из машин остановилась. За рулем оказался Зоркальцев. Узнав в чем дело, Геннадий, не моргнув, заявил: «Десять рублей. Дешевле в Толмачево не поеду». Чтобы не опоздать на самолет, сотруднице пришлось раскошелиться... Другой случай был со мною. Нынче в мае я прилетел в Толмачево из Красноярска. Вышел с рюкзаком за плечами из аэровокзала — такси на стоянке нет. Смотрю, подъезжает Зоркальцев в «Жигулях». Я — к нему. Геннадий охотно повез меня, но в пути, сославшись на кончающийся бензин и отсутствие денег, попросил заправить машину. Таким образом, поездка обошлась мне тоже в десять рублей. Тогда я не придавал этому значения, а теперь, когда узнал от сотрудницы и о ее поездке с Геннадием, думаю, что такой приработок для Зоркальцева был закономерным.

— Не знаете, в районные центры Зоркальцев ездил? — спросил Бирюков Фарфорова. — Хорошо ли он знал дороги?

— Рассказывал, что объездил вдоль и поперек все близлежащие от Новосибирска районы. Зоркальцев — заядлый грибник. Обычно в августе, когда в вузах начинаются приемные экзамены, Геннадий заканчивал репетиторство и позволял себе отдохнуть на природе... — Фарфоров виновато посмотрел на Бирюкова. — Простите, спешу на самолет...

Антон протянул руку.

— Всего доброго.

Из геологического треста Бирюков отправился в противоположный конец города, чтобы на овощной базе встретиться с завхозом Евгением Евгень-

евичем Харочкиным. Тот оказался лысым худощавым человечком неопределенного возраста. В черном сатиновом халате с оттопыренными лацканами, Евгений Евгеньевич сидел в похожем на тесную кладовую кабинетике и, прикусив кончик языка, увлеченно перебирал какие-то накладные. Антон осторожно присел на расшатанный стул. Поздоровался. Харочкин молча кивнул в ответ, спрятал накладные в ящик стола и только после этого посмотрел на Бирюкова воспаленными глазами.

— Вы от Генриетты Николаевны по поводу болгарских помидорчиков?..

— Нет, я от Натальи Михайловны по поводу вашей дочери, — в тон ему ответил Бирюков.

На бледном лице Харочкина появилась растерянность.

— Извините... Э-э-это кто — Наталья Михайловна?

— Маковкина — следователь прокуратуры. Я пришел по ее поручению.

Харочкин смущенно зарозовел.

— С прокуратурой не хочу иметь никаких дел. По всем вопросам, связанным с Анжеликой, обращайтесь к ее мамаше. Она затеяла этот балаган.

— Мне хотелось бы прежде переговорить с вами.

— Не могу! Не могу! Извините, не мужское дело — вмешиваться в женские дела.

— Анжелика ваша дочь... — начал было Антон, но Евгений Евгеньевич испуганно замахал руками.

— Не моя она дочь! Не моя!..

— Чья же?

— Спросите у Людмилы Егоровны! Вы знаете мою супругу, Людмилу Егоровну? Не женщина — тигр! По своей физической слабости я не могу ничего поделать с этой лошадию. Выбросила фонтан дурости! Ославила в прокуратуре свое чадо ненаглядное, теперь волчицей завывает. Нет, нет! Пожалуйста, избавьте меня от греха, решайте вопрос по Анжелике с Людмилой Егоровной. Только с ней! Я маме с дочкой сказал: «Если дело примет широкую огласку, брошу все к чертовой бабушке и уйду, уйду из дома...»

Бирюков с трудом остановил бурное словоизлияние Харочкина. Мало-помалу они разговорились, и Евгений Евгеньевич чуть не со слезами поведал Антону о своей горькой жизни. Началась эта жизнь семнадцать лет назад, когда директор городского рынка, где в ту пору Харочкин работал кассиром, уговорил его, деревенского несмышленного паренька, жениться на несовершеннолетней тихоне — дочери Людочке. Как выяснилось вскоре после пышной свадьбы с богатым приданым, «тихоня», несмотря на несовершеннолетие, оказалась

в положении, а крутым нравом — похлеще родимого папы, Егора Исаевича, перед которым трепетали не только служащие рынка, но и нахальные клиенты из южных мест. С годами несдержанная Людочка превратилась в неуправляемую Людмилу Егоровну. Она окончательно подмяла хлипкого мужа под каблук.

— Семнадцать лет страдаю за один необдуманный шаг молодости, — жалобно проговорил Харочкин, заканчивая невеселое повествование. — Чтобы понять, как живу, представьте себя в одной клетке с разъяренным тигром. Представили?.. Вот так! А вы хотите решить со мной вопрос по Анжелике. Увольте. Не могу, не могу... За малейшее неверно сказанное слово Людмила Егоровна разорвет меня на мелкие кусочки.

— Что значит, «неверно сказанное»? — спросил Антон. — Говорите правду, все будет верно.

— Правда правде — рознь. Один так понимает, другой по-иному. Сто человек — сто мнений. Сразу не угадаешь, какое из них верное...

Разговор прервался телефонным звонком. Харочкин угодливо ответил, и тотчас до слуха Бирюкова донесся слегка приглушенный трубкой волевой голос:

— Евгений, ты отоварил представителя Генриетты?!

— Люда, у меня сидит представитель прокуратуры, — вкрадчиво проговорил Евгений Евгеньевич.

— На чем влип?..

По бледному лицу Харочкина пошли бордовые пятна.

— Люда, ты оглушила меня... Вопрос касается Анжелики.

Тон в трубке мигом понизился, но Бирюков все-таки услышал:

— Ты ничего не знаешь. Понял?..

— Конечно, конечно, я все сделаю по закону, через бухгалтерию, с оплатой, — наивно выкрутился Евгений Евгеньевич, торопливо опустил трубку и, не глядя Антону в глаза, стал объяснять: — Супруга, легка на помине. Пробивает для своей начальницы парочку килограммов болгарских помидоров. И так кричит по телефону, что у меня перепонки трещат.

Бирюков понял: после конкретного указания супруги говорить с Харочкиным об Анжелике — пустое занятие. «Безвольный папа отказался от дочери, придется начинать с волевой мамы», — подумал Антон.

Приемный пункт макулатуры находился на задворках большого старинного здания. Прилегающий к нему участок переуллка напоминал плат-

ную стоянку личного транспорта — столько здесь было мотоциклов с колясками, приземистых «Запорожцев», разноцветных «Жигулей» и даже солидных «Волг». Еще больше, чем автомашин, толпилось народу. С раздутыми мешками, баулами, чемоданами, хозяйственными сумками и просто с пухлыми бумажными связками люди самых разных возрастов — от подростков до стариков и старух — упорно двигались к похожему на дощатый сарайчик «Пункту», в дверях которого виртуозно жонглировала весовыми гирями раскрасневшаяся Людмила Егоровна Харочкина.

Бирюков, конечно, знал о существующем книжном буме, но только теперь убедился вочью, сколь велика армия одержимых, способных часами стоять в очереди, чтобы за макулатуру получить талон на популярную книгу. Стараясь выикнуть в суть «макулатурного порядка», Антон прислушался к разговорам. Говорили, в основном, о Дрюоне и Дюма, изредка упоминали популярного Сименона, сетовали на неорганизованность и сумбурность макулатурного эксперимента, затянувшегося на многие годы. Говорили равнодушно, от скуки.

Неожиданно рядом с Бирюковым остановился похожий на студента парень в очках. Сбросив с плеча на землю увесистый рюкзак, он закурил сигарету, огляделся и, явно затевая от нечего делать разговор, спросил:

— Макаку ждешь или у мака талоны купить хочешь?

— Не знаю, что лучше... — уклончиво ответил Антон.

— Макаки свой товар уже распродали — раньше надо было приходиться. А за талоны эта зверьбаба, — парень показал на Людмилу Егоровну, — по семь шкур сдирает, не рад будешь книжке. Не советую с ней связываться. Поезжай в Обской пункт, там мак — запойный дедок. Вот у него, когда похмелье к горлу подступает, можешь хоть десяток талонов по сносной цене взять.

Парень, видать, был в макулатурных делах не новичком. Поэтому Бирюков признался, что пришел сюда впервые и существующего жаргона книжников не знает. Парень затаился сигаретой.

— То-то, вижу, без товара заявился и глазеешь, как на спектакль. «Макаки» — это продающие макулатуру. Кстати, по двадцать копеек за кэгэ. Обычно уборщицы или алкаши. Кто у них покупает? Чуть не все сдатчики. За один талон надо сдать двадцать кэгэ макулатуры, а ты, допустим, только девятнадцать накопил. Из-за килограмма еще сюда потащишься? Какой резон? Купил за двугривенный у макаки — и дело готово. Можешь вообще не собирать макулатуру, а покупать. Уразумел?.. «Мак» — тоже торгаш, но торгует не

макулатурой, а самими талонами. Чаще всего это приемщики макулатуры или те чиновники, которые распределяют талоны. Отдал денежки — и дело готово. Не надо с рюкзаком сюда тащиться да нервничать, пока эта зверь-баба твой хлам примет. Иди с купленным талончиком в магазин и выкупай книжку, если поступила в продажу. Культура!..

— И хорошо «маки» зарабатывают на талонах? — спросил Бирюков.

— Еще бы! Не только зарабатывают, но и связи имеют во всех сферах народного хозяйства. Теперь в кого пальцем ни ткни — каждый книголюб. Каждому до слез хочется иметь «Трех мушкетеров», «Королеву Марго» и друоновских «Железных королей».

— Откуда берутся лишние талоны?

Парень кивнул в сторону приемного пункта.

— Какой мудрец подсчитает, сколько в том сарае макулатуры — десять или одиннадцать тонн? На одну усущку-утруску можно списать двести талонов. Перемножь их на трешки-пятерки, и навар мака узнаешь...

У весов послышался недовольный шум. Парень поправил очки, насторожился.

— Кажется, прикрывает зверь-баба лавку с товаром. Всегда так: час-другой поработает и — шабаш. Надо разобраться...

Вскинув на плечо рюкзак, он направился к весам. Бирюков тоже подошел поближе. Парень, вытянувшись на цыпочках, через головы вперёдстоящих крикнул:

— Ну, в чем дело, мамаша?!

— В шляпе, сынок! — зычно ответила Харочкина.

— Серьезно спрашиваю. Не надо хамить.

Людмилу Егоровну словно укололи. Она уставилась на парня разгневанным взглядом.

— Врэжу гирькой по очкам — будэш знать, кто хамит!

— А если гирька назад отскочит?..

Стараясь угодить приемщице, на парня со всех сторон осуждающе закричали, однако Людмила Егоровна, несмотря на оказанную ей солидарность, громко объявила:

— Талоны кончились, нэ базарьте!

Парень досадливо повернулся к Бирюкову.

— Вот тебе наглядный пример. Успела зверь-баба распродать талончики. Запоздал я сегодня на аукцион, придется разворачивать лыжи к дому.

Сдатчики макулатуры стали понуро расходиться. В переулке зафырчали моторы разъезжающихся автомашин. Нахмуренная Людмила Егоровна замкнула дверь «Пункта» амбарным замком. Бирюков подошел к ней и, показав служебное удостоверение, представился. Полное лицо Харочки-

ной побагровело. С таким же прононсом, как у Анжелики, она сердито выпалила:

— Очкарик первым мэня оскорбил!

— Я пришел насчет вашего заявления в прокуратуру, — сказал Антон.

— А что заявление?.. — Харочкина вроде бы растерялась. — Что вы с этим заявлением, как черти за грешную душу ухватились?

— Но вы ведь сами писали прокурору...

— Погорячилась, конечно, — на глазах Харочкиной как-то неестественно, словно она поднатужилась, выступили слезинки. — А вообще таких, как Зоркальцев, надо расстреливать.

— Он вернул вам деньги за репетиторство?

— Нэ-э-эт.

— Почему?

— Потому что сбежал.

— Когда вы с ним виделись последний раз?

— В прокуратуре, когда следователь вызывала.

— А по телефону когда ему звонили?

— Через день после этого. Хапуга-развратник хочет замылить четыре сотни за репетиторство. Не на ту нарвался! Свои кровные из горла вырву!

— Чем вы угрожали Зоркальцеву при телефонном разговоре?

— Чэто-о-о?.. — Харочкина уставилась на Антона разгневанным взглядом. — Не бери на пушку, гражданин опер! Как бы извиняться не пришлось за такие приемчики!

— Я, Людмила Егоровна, запрещенных приемов не применяю, — спокойно сказал Антон. — Напрасно повышаете голос. С чего это вы такие нервные?

— На моем месте любой занервничает. У дочери свадьба на носу, а прокуратура рогатки строит... — Харочкина попыталась улыбнуться. — Посодействуйте договориться с прокуратурой — в долгу не останусь.

— В таких делах я не содействую, — сухо ответил Бирюков. — Как вы сами расцениваете поведение своей дочери?

На лице Харочкиной появилось такое выражение, словно она хотела крикнуть: «Врэжу гирькой — будэш знать!» Однако Людмила Егоровна не крикнула, а лишь покривила уголки губ.

— Дэвочка как дэвочка.

— Не рано ли ей замуж?

— Почему рано? В ее возрасте сейчас любую только пальцем помани... В старых девах засиживаться никому не хочется...

— Так ведь Анжелике еще и восемнадцати не исполнилось...

— Ну и что? Мы с отцом не возражаем против брака, получим в горисполкоме разрешение. Жених — не шарамыжник, а вполне серьезный обеспеченный мужчина.

— Милосердов?..

— Ну, Владимир Милосердов. Он вам не нравится?

Антон улыбнулся.

— Я за него замуж не собираюсь.

— Почему же спросили о нем?

— Работа такая — расспрашивать. Скажите, Анжелика в открытую дома курит?

— Она ничего от матери не скрывает. Что удивительного — теперь девушки поголовно сигаретами дымят.

— И это вас ничуть не тревожит?

— Нет. Никотином Анжелика сгоняет полноту.

— Спиртным — тоже?..

— Чэто-о-о?.. — вроде как не поняла Людмила Егоровна. — В наше время без спиртного не проживешь.

— Да?

— Да, да! Ничего не вижу страшного, если девочка иногда не рассчитает своих сил и немного перепьет лишнего. С кем по молодости такого не бывает?..

Бирюкову не так уж редко приходилось беседовать с родителями провинившихся подростков. Встречались среди них и такие, кто всяческими путями старался уменьшить вину своего ребенка, показать его в более приглядном свете. Все они при этом, как замечал Антон, чувствовали неловкость и стыдливо уводили глаза в сторону. Людмила Егоровна, выгораживая Анжелику, неловкости и тем более стыда не чувствовала. О перебившей несовершеннолетней дочери Харочкина говорила так спокойно, будто ребенок переел мороженого. В планы Бирюкова не входило переубеждение неразумной родительницы, поэтому он перевел разговор к тому, ради чего встретился с этой агрессивной настроенной женщиной:

— Зачем Зоркальцев приезжал к вам домой утром одиннадцатого июня?

Людмила Егоровна надула и без того полные щеки.

— Кто вам сказал?

— Свидетели.

— Вранье! Одиннадцатого числа я полный день была на работе и прохвоста-репетитора не видала!

— Сегодня что-то рано закончили работу...

— К адвокату надо. Буду писать жалобу на следовательницу.

— Вы разве в частной лавочке работаете? Когда хотите — тогда и бросаете работу.

— Чэто-о-о?.. Я постоянно перевыполняю план. Можете спросить у моего начальства!

— Нет, — Антон отрицательно повел головой, — у вашего начальства я спрашивать не буду. Я попрошу сотрудников БХСС, чтобы они немедленно занялись вами.

— У меня талоны кончились.

— БХСС разберется, куда вы их сплывили, не проработав и полдня.

Харочкина мгновенно сникла:

— Чего разбираться... Открою пункт...

Через полчаса после неприятного разговора с Людмилой Егоровной Бирюков уже беседовал с ее дочерью. Квартира Харочкиных была богато обставлена дорогой мебелью, но на удивление неприбрана. В том же длинном халате, который вчерашним вечером демонстрировала перед Лелей Кудряшкиной, Анжелика сидела, небрежно откинувшись на спинку дивана. Толстым указательным пальцем она стряхивала пепел с сигареты «Кэмэл» в поставленную рядом с собою пепельницу и, закатывая глаза к потолку, где красовалась огромная чешская люстра со множеством хрустальных висюлек, равнодушно отвечала на вопросы. Собственно, ответы ее вряд ли можно было назвать ответами: «Нэ помню, была в транс», «Кажется, нет, а вроде бы — да». Анжелика даже «забыла», кто покупал бутылку коньяка в гастрономе под часами: то ли Зоркальцев, то ли она сама.

— Ты уже тогда была нетрезвой? — спросил Антон.

— Кажется, нэт.

— Что значит «кажется»?

— Нэ помню.

— Почему же при допросе и на очной ставке с Зоркальцевым утверждала, будто коньяк покупал он?

Анжелика, уставясь томными глазами на люстру, дернула уголками пухлых губ.

— Так мне тогда казалось.

— Теперь кажется по-иному?

— А-а... Надоела вся канитель.

— Ты хотя бы сама себе даешь ответ, что наговорила на Зоркальцева? — сделал ударение на слово «что», спросил Бирюков.

— А чэго мне перед собой отчитываться... Геннадий Митрофанович не мальчик, выкрутится.

— Вдруг тебе придется «выкручиваться», а не Зоркальцеву?..

— Это почему же?

— Если ты наговорила на допросе заведомую ложь, тебя могут привлечь к судебной ответственности за клевету.

Анжелика раздавила в пепельнице сигаретный окурочок.

— Ну уж... Не пугайте, я несовершеннолетняя. Меня мама научила, как говорить.

— Значит, привлекут маму. Ты этого хочешь?

— Нэт, конечно. Маме надо свадьбу готовить. Милосердов сказал, как прокуратура прикроет

дело Зоркальцева, мы сразу подадим заявление в загс.

- Где ты познакомилась с Милосердовым?
- В ресторане «Орбита», он там работает.
- А встречались где?
- У Мишки-Импералиста.
- В квартире которого Кудряшкина живет?
- Ну.
- Чем же вы с ним занимались?
- Ничем.
- Сидели и молчали?

Анжелика лениво усмехнулась:

— Что уж мы, совсем дураки?.. Выпили для тонуса, анекдоты поболтали...

— Потом?..

— Потом Мишка с Лелькой ушли, а Вольдэмар учил меня целоваться.

- Научил?
- Что уж я, круглая дура?.. Я до него умела. «Ее умственный инфантилизм граничит со слабоумием», — подумал Бирюков и вновь спросил:
- Как ты в школе училась?

- Нормально.
- А поточнее?
- Посредственно.
- Почему так слабо?

— Желания не было. Хотела после восьмого класса бросить. Мама настояла, чтобы до десяти училась. Теперь в торговый институт поступать заставляет.

— Как же ты с посредственными знаниями туда поступишь?

— Поступлю. Теперь за книжные талоны куда хочешь можно поступить.

— А сразу нельзя обменять талоны на вузовский диплом? — иронично спросил Антон.

Словно прощая неудачную шутку, Анжелика снисходительно усмехнулась.

- Ну уж... рассмешили...
- Когда ты видела Зоркальцева?

Анжелика щелчком вытолкнула из пачки сигарету.

- Да ну его на фиг...

С горем пополам Бирюкову все-таки удалось выяснить, что Зоркальцев последний раз приходил к Харочкиным утром 11 июня. Пришел, как всегда, с черным «дипломатом». Хотел вернуть деньги за репетиторство, но родителей не было дома. Потом очень серьезно допытывался у Анжелики насчет ее свадьбы с Милосердовым. Почему Геннадия Митрофановича именно свадьба интересовала, Анжелика не поняла, но ответила Зоркальцеву, что все будет, как надо, а мама на днях заберет из прокуратуры свое заявление. После такого ответа Геннадий Митрофанович повеселел и минут через пять ушел. Куда — не сказал.

Из квартиры Харочкиных Бирюков вышел с таким облегчением, как будто вырвался на чистый воздух из затхлого подвала. По плану, намеченному на сегодняшний день, еще предстояло встретиться с официантом Милосердовым. Антон посмотрел на часы. Обеденное время кончалось, и он решил совместить приятное с полезным.

Расположенный в старинном здании небольшой ресторанчик «Орбита» был почти пустым. На удивление быстро подошла жизнерадостная молоденькая официантка с серебристым, как у снегурочки, кокошником, прикрывающим спереди волнистые светлые волосы. Из кармашка накрахмаленного кружевного передника она достала крохотный блокнотик, оставила в него карандаш и выжидательно замерла. Антон, заглянув в меню, сделал заказ. Девушка тут же удалилась на кухню, а Бирюков обвел взглядом ресторанный зал. Мужчины-официанта не заметил. Когда жизнерадостная официантка принесла обед и стала переставлять тарелки с подноса на стол, Бирюков как бы между прочим сказал:

— Что-то Милосердова сегодня не видно...

— Володя на два месяца ушел в отпуск, — приветливо ответила девушка.

— У вас такие длинные отпуска?

— На капитальный ремонт закрываемся. Поэтому к очередному отпуску Милосердову приплюсовали месяц без содержания. Лето — пора отпусков. Володя — мужик богатый. Сейчас, наверное, под южным солнцем загорает.

— Как он здесь работает?

— Образцово-показательно. По вечерам своих клиентов имеет, обслуживание — люкс.

— Чаевые не берет?

— Рожденный брат не брат не может.

Девушка оказалась с юмором, Антон улыбнулся.

— Любопытный афоризм.

— Шутка официантов и таксистов. Все берут.

— И вы — тоже?

— Я недавно работаю, еще не привыкла.

— Со временем надеетесь привыкнуть?

— Клиенты приучат. Вчера одному представителю дяде положила на стол пятьдесят копеек сдачи. Он их в упор не видит. Поднимается, чтобы уйти. Я подсказываю: «Возьмите свою мелочь». Ох, как он разобиделся: «Я не мелочник! Или тебе, красавица, полтинника мало?!» Так и ушел обиженный. А метрдотель головоломку мне устроил: «Ты, Клава, раз и навсегда прекрати подобные грубости! Что за хамство такое: «Возьмите вашу мелочь?» Привыкай говорить вежливо: «Товарищ, вы серебро забыли». Еще лучше — вообще промолчи или, в крайнем случае, поблагодари с улыбочкой, когда клиент оказывает матери-

альную благодарность. Пойми раз и навсегда: мы — сфера обслуживания! Нам категорически запрещено обижать клиента», — официантка обаятельно улыбнулась Антону. — Вы кушайте, пожалуйста, а то обед остынет.

Антон решил воспользоваться общительностью девушки.

— Мне, Клавочка, надо узнать домашний адрес Милосердова.

— Сейчас у девчонок спрошу.

Минут через десять она вернулась и с огорчением сказала, что никто из работников домашнего адреса Володи Милосердова не знает. Бирюкова это озадачило.

— Как же так?..

— Говорят, Володя часто квартиры меняет и никому адреса своего не дает.

— Он правда жениться надумал?

Официантка хитро прищурилась.

— Хотите на свадьбе погулять?

— Приятели мы с ним когда-то были, — вздохнул Антон. — И вот не могу поверить, чтобы Милосердов женился...

— Я тоже этому не верю. Скорее слон заплашет под гармошку, чем Володя женится. У него проходных поклонниц — отбою нет. — Официантка достала из кармана кружевного передничка небольшой листок бумаги и положила на стол. — Пожалуйста, счет. Как покусаете, заплатите.

— Мне не перед кем отчитываться, — с улыбкой сказал Антон.

— Можете сохранить на память. Порядок у нас такой...

ГЛАВА 8

После обеда Бирюков решил заглянуть к Шехватову, чтобы обменяться последней информацией и попутно навести в адресном бюро справку о прописке Милосердова. Когда он вошел в кабинет начальника отдела розыска, Шехватов разговаривал со следователем Маковкиной. Увидев Антона, Маковкина убрала со лба белый завиток волос и улыбнулась.

— Судя по вашему лицу, время бежит, а дело стоит?

— Вы, Наташенька, прозорливы, как легендарный Шерлок Холмс. Вторые сутки нахожусь в запарке и ничего существенного сообщить не могу, — в тон ей ответил Бирюков. — Если не секрет, о чем это вы секретничаете?

Шехватов показал протокол допроса.

— Нечаянный интерес получили. Молоденькая девчушка кассир из Центральной сберкассы увидела в городе расклеенную листов-

ку с фотографией разыскиваемого Зоркальцева и пришла к нам. Утверждает, что узнала мужчину, которому утром одиннадцатого июня выдала наличными деньгами ровно семь тысяч. Запомнила даже его фамилию, потому что впервые выдавала такую крупную сумму. Полученные деньги Зоркальцев положил в черный «дипломат». И еще кассир помнит, что в тот же день, почти в одно время с Зоркальцевым, какой-то паренек в белой кепочке с черным козырьком предъявил ей лотерейный билет, выигравший женский зонт за восемнадцать рублей, и попросил выдать стоимость выигрыша деньгами. Девушка оставила билет себе, чтобы получить зонт, а парню отдала свои деньги. Тот пошутил, что, мол, перепродажа лотерейных билетов карается по закону, потом попросил четыре банковских денежных упаковки, какие обычно кассиры выбрасывают в мусорные корзины. Она, разумеется, не пожалела «мусора»... Как думаешь, что бы это значило?..

— По-моему, паренек в белой кепочке — «кукольник», — ответил Бирюков. — Иначе для чего ему денежные упаковки?

— Мы предполагаем, что Зоркальцев был знаком с этим... «кукольником».

— Конечно, — подтвердил Антон. — Имея в «дипломате» семь тысяч, Геннадий Митрофанович не посадил бы в машину случайного пассажира, чтобы сорвать с него трешку или пятерку.

Бирюков стал рассказывать, как, по словам Фарфорова, Зоркальцев «подрабатывал» на собственной машине. Внимательно слушая, Шехватов крутил в пальцах красный карандаш, а Маковкина, словно журналистка, берущая интервью, что-то записывала в блокнот. В заключение Антон рассказал о разговоре с официанткой ресторана. Все трое помолчали.

— Хочу уточнить, Антон Игнатьевич, — сказала Маковкина. — Когда, по вашему мнению, Зоркальцев заезжал к Харочкиным: до посещения сберкассы или после?

— Если учесть, что соседка Харочкиных баба Зина видела, как из стоявшей у подъезда машины «выглядывал какой-то мальчуган в белой кепочке», то — после. Но ведь Зоркальцев мог и в сберкасу приехать с этим «мальчуганом», — ответил Бирюков и посмотрел на Шехватова. — Ты как думаешь, Виктор Федорович?

— Я думаю о ресторане «Орбита». Пожар на даче Зоркальцева почему-то ассоциируется у меня с этим увеселительным заведением. Подождите минутку, сейчас переговорю с нашим следователем... — Шехватов ловко бросил карандаш в подставку и снял трубку внутреннего телефона. — Андрюша, как у тебя движется дело по даче Зоркальцева?.. Приостановил. Почему?.. Хозяин по-

терялся. Скоро найдем хозяина. Ты мне подскази, какая ниточка тянулась от пожара к ресторану «Орбита»?.. Счет из «Орбиты» обнаружен на месте пожара?.. Будь другом, принеси материалы этого дела, жду, — положив трубку, Шехватов обратился к Бирюкову. — Ты только что обедал в «Орбите». Всем посетителям выписывают там счета?

— О всех не могу сказать, но лично мне выписали, — Антон сунул руку в карман и тут же вспомнил, что выписанный официанткой счет так и остался лежать на столе.

Вскоре в кабинет вошел коренастый розовощекий лейтенант. Солидным баском проговорив «Здравия желаю», он положил на стол перед Шехватовым канцелярский скоросшиватель.

Шехватов, раскрыв корочки, перелистнул несколько протокольных страниц. Бирюков и Маковкина придвинулись со стульями к столу. Антон увидел подклеенный верхними уголками к чистому листу бумаги измятый, вроде бы даже затоптанный фирменный счет ресторана «Орбита», датированный майским двадцать пятым числом. Синей шариковой пастой в него были вписаны заказанные клиентом вина и закуски на общую сумму 45 рублей 92 копейки. Под счетом стояла подпись из одной закорючки, напоминающей главную букву «Л» с хвостиком.

Шехватов поднял взгляд на следователя.

— Выяснил, Андрюша, кто в «Орбите» так лаконично расписывается?

— Официант Милосердов Владимир Олегович. В деле есть протокол его допроса, — четко ответил лейтенант.

Шехватов перелистнул еще несколько страниц, и Антон вместе с ним стал читать показания Милосердова, занимающие всего одну страничку:

«По поводу предъявленного мне для опознания счета от 25 мая с/г подтверждаю, что этот счет выписан мною, но внешность клиента, которому его выписывал, вспомнить не могу. 25 числа я работал в вечернюю смену и обслуживал группу туристов-дальневосточников, которые расплачивались сообща, по одному счету. С уверенностью утверждаю: счет выписан не позднее 22-00 местного времени, так как после 22-00 меня на работе не было. Примерно в 21 час 40 минут, открывая по просьбе клиентов бутылку шампанского, я от неосторожности повредил проволоочной закруткой на пробке себе правую руку и дежурный администратор отпустил меня с работы. Всего вечером 25 мая мною было обслужено около десяти столов, и все клиенты, насколько помню, расплачивались по общим счетам, по 10—12 рублей с человека. Каким образом выписанный мною счет оказался на месте пожара, объяснить не могу».

Заканчивался протокол красивой подписью. В ней без труда можно было разобрать фамилию. Шехватов вновь поднял глаза на лейтенанта.

— Интересное совпадение... Счет выписан двадцать пятого мая, как утверждает Милосердов, вечером, а дача Зоркальцева сгорела в ночь с двадцать пятого на двадцать шестое. И тебя, Андрюша, не заинтересовало, кто с этим счетом прикатил прямо из ресторана на пожар? Почему только через две недели после пожара допросил Милосердова?

— Почти весь день двадцать шестого числа я выяснял у официанток «Орбиты», кем выписан счет...

— На такой пустяк потратил столько времени?

— Было предположение, что счет фальшивый. Никто не мог узнать почерка.

— Даже сам Милосердов?

— Двадцать шестого Милосердова в ресторане не было. Он накануне получил отпускные и уехал в деревню к родственникам. На допрос явился после третьей повестки. После его допроса я хотел встретиться с потерпевшим Зоркальцевым. Отправил почтой повестку, но, пока она дошла, Зоркальцев сам потерялся. На этом дело и застопорилось.

— Какое у тебя сложилось впечатление о Милосердове?

Лейтенант кашлянул в кулак.

— Впечатление в целом неплохое. Человек грамотный, интеллигентный, умеет вести себя с достоинством. Говорит медленно, как переводит с иностранного. Одет с иголки, но одежда не очень дорогая. Правая рука забинтована. На мой вопрос — что с рукой? — пояснил: было заражение от прокола проволокой от пробки шампанского, теперь заживает... Лицо красивое, загоревшее. Волосы короткие, недавно подстриженные и выкрашенные в рыжий цвет. Постоянно носит темные очки с зеркальными стеклами в заочной импортной оправе, не снимает их даже в помещении.

— Не поинтересовался, почему Милосердов выписал счет не своим почерком?

— Говорит, всегда так пишет счета. Писать, мол, приходится в спешке, да и выписка счетов — одна формальность. Клиенты почти всегда оставляют их на столах.

— А тот клиент, который оказался на месте пожара, не оставил. Почему?

Лейтенант потушил.

— Не могу сказать, Виктор Федорович, почему. Может, умышленно хотел навести подозрение на кого-то, может, что-то другое...

— Как о Милосердове на работе отзываются? — опять спросил Шехватов.

— Отзывы противоположные. Администрация считает Милосердова образцовым работником, а официантки посмеиваются, называют его гарсоном-фокусником и рвачом экстра-класса. Говорят, что безбожно обсчитывает загулявших клиентов.

— Если в «Орбите» заведен порядок — выписывать счета, каким образом это сделать? Счет это документ, где можно проверить и сравнить стоимость блюд по меню...

— Со слов официанток, Милосердов нагло приписывает опьяневшим клиентам блюда, которых они не заказывали. При этом, наряду с «липовым» счетом, у него всегда готов правильный счетик. Чуть-чуть клиент заподозрит что-то неладное и начнет «заводиться», сразу: «Ах, простите! Ошибка по рассеянности вышла — это счет с другого стола. Вот, пожалуйста, ваш. Проверьте — до копеечки верно...» — лейтенант смущенно откашлялся в кулак. — Надо, Виктор Федорович, мне в помощь сотрудника уголовного розыска, иначе — труба. У меня, кроме дачного пожара, более серьезные дела висят...

Шехватов не успел ответить. Коротко постучав, в кабинет вошел похожий на убеленного сединой профессора высокий мужчина с папкой в руке. Бирюков обернулся к вошедшему и узнал старейшего эксперта-криминалиста научно-технического отдела УВД Аркадия Ивановича Дымокурова, который славился среди работников розыска не только криминалистическими познаниями, но и тем, что никогда не делил работу на свою и чужую. По выработанной многолетней привычке, Дымокуров поздоровался с каждым из присутствующих за руку, поклонившись, корректно пожал протянутую руку Маковкиной и с поткой извинения обратился к Шехватову:

— Прошу простить за неожиданный визит. Поступили интересные сведения по нашим запросам. Ознакомьтесь, Виктор Федорович... — с этими словами Дымокуров достал из папки и подал Шехватову машинописный лист бумаги с подколотой к нему фотографией коротко стриженного молодого парня.

Шехватов взгляделся в фотоснимок, пробежал взглядом машинописный текст и тотчас стал читать вслух:

— Коробченко Георгий Вениаминович — уроженец Мошковского района Новосибирской области, осужденный городским судом Омска за кражу импортных товаров из железнодорожных контейнеров, отбыл срок наказания двадцать пятого мая. По имеющимся сведениям, уехал на родину. До привлечения к ответственности учился на первом курсе Омского художественного училища. За время нахождения в исправительно-трудовой колонии нарушений предписанного режима не имел.

Работал художником-оформителем. Все поручения выполнял добросовестно. Обладает несомненным талантом живописца. Активно участвовал в художественной самодеятельности. Указанной в вашем запросе татуировки «Трех богатырей» не имеет. На основных фалангах пальцев левой руки вытатуировано слово «Леля». Фотографию Коробченко прилагаем. Начальник ИТК... — Шехватов глянул на Бирюкова. — Таким образом, Антон Игнатьевич, первое условие теоремы доказано: Георгий Коробченко — лицо не вымышленное. Он действительно отбывал наказание вместе с минчанином Савелием Вожеговым и Шуриком Ахмеровым из вашего района...

— Можно еще одно условие доказать: фамилия наколотой на пальцах Георгия «Лели» — Кудряшкина, — недолго подумав, проговорил Бирюков. — Имя редкое, а Кудряшкина, как и Коробченко, тоже из Мошковского района. И возраст их совпадает.

— Логично, но это надо подтвердить показаниями. Желательно, не откладывая.

— Понятно.

Дымокуров достал из папки еще несколько документов и тоже передал их Шехватову.

— Пришел еще один ответ. Из Главного информационного центра МВД, куда мы посылали отпечатки пальцев, обнаруженные в такси, где был ранен из нагана шофер...

— Сегодня ночью шофер умер, — хмуро вставил Шехватов.

— Печально... — Дымокуров, словно отдавая дань памяти, сделал затяжную паузу и затем уже продолжил: — По дактилоскопической формуле удалось установить, что владелец этих пальцев Георгий Вениаминович Коробченко. Его же отпечаток с дуговым узором остался на машине Зоркальцева возле ручки правой передней двери.

— Срочно объявите розыск Коробченко, — сказала Шехватову Маковкина.

Шехватов набросал текст розыскной ориентировки. Прочитав написанное, сделал несколько уточнений и попросил следователя-лейтенанта:

— Андрияша, двинь оперативно этот заказ в типографию. Расклеим портрет Георгия Вениаминовича не только в Новосибирске, но и во всех районах области. Чтобы нигде ему укрытия не было.

Лейтенант вздохнул.

— Как же, Виктор Федорович, насчет помощи мне?

Шехватов взглядом указал на Бирюкова.

— Вот Антон Игнатьевич попутно с розыском Зоркальцева займется и пожаром на его даче. Сейчас мы посовещаемся, потом он зайдет к тебе.

Однако совещанию не суждено было состоять-

ся. Позвонивший из райцентра Слава Голубев сообщил, что в Рожневском урочище колхозный пастух обнаружил убитого мужчину...

ГЛАВА 9

Оперативная машина мчалась с такой скоростью, что Антон Бирюков едва успевал указывать шоферу проселочные повороты, по которым можно было сократить расстояние от Новосибирска до Рожневского урочища. Хмурая чаща показалась внезапно, когда петляющая среди березовых рощиц дорога приподнялась на взгорок. Плотная стена леса даже под ярким солнцем выглядела темной и непроницаемой.

Спустившись со взгорка, дорога прижалась к опушке. Машину сильно затрясло на корневых пнях, и шоферу пришлось сбавить скорость. Как он ни торопился, оперативная группа из райцентра во главе с прокурором и подполковником Гладышевым приехала к месту обнаружения трупа раньше. Бирюков еще издали у кромки леса увидел знакомый желтый «уазик». Рядом с «уазиком» щипала траву гнедая оседланная лошадь. Высокий белобородый старик, то и дело показывая кнутовищем на лес, похоже, о чем-то рассказывал окружившим его оперативникам. Тут же стояли два парня в комбинезонах.

Маковкина, за ней Шехватов, Бирюков и эксперт-криминалист Дымокуров с облегчением выбрались из машины на свежий воздух, пропитанный запахом травы и леса. После кратких приветствий подполковник Гладышев показал на парней-механизаторов.

— Понятых попутно привезли, — и сразу обратился к старику. — Выкладывай, Силантьев, товарищам из Новосибирска, что нам рассказывал.

— Значится, Пчелка меня на труп навела... — смущенно начал старик и вдруг, сунув два пальца в рот, так молодецки свистнул, что стоявший рядом с ним районный судмедэксперт Борис Медников, вздрогнув от неожиданности, шутливо перекрестился.

В одно мгновение из-за «уазика» стремительно выбежала породистая сибирская лайка. Подбежав к хозяину, она вскинула красивую голову, словно хотела спросить: «Зачем звал?»

Старик кнутовищем указал на собаку.

— Вот эта самая Пчелка, когда я пригнал коров к урочищу, ненормально вести себя стала. Собака она умная — на любого зверя бесстрашно идет. А тут лезет, дурная, под ноги Гнедкы — того и гляди лошадь запнется. Вот, думаю, разъязвы тебя, испортилась собака! Спешился с мерина, наблюдаю за Пчелкой, она, родимая, совсем хвост

поджала и шажками, шажками — к лесу. Вроде как за собой в урман зовет. Какой же, размышляю, зверюга там объявился?.. А собака по земле стелется — тянет в урман. Эх, думаю, надо глянуть. Потопал за Пчелкой. Десяток шагов по бурелому пролез — чую, мертвечиной пахнет, хоть нос затыкай. Не совру: испужался. Думаю-соображаю, а Пчелка дальше тянет. Шагнул еще пяток шагов, вижу — у вывернутой с корнями сухостоины земля разрыта и хворостины для прикрытия сверху заброшены. Пчелка оглядывается на меня, скулит, а сама тихонько начинает землицу лапами скрести. Гляжу — черная рука из-под земли. Тут мне враз стукнуло: это ж мертвяк зарыт! Выгресь проворно из урочища, влез на Гнедка да наметом — в сельсовет! Чтобы, значится, до районной милиции дозвониться...

Подполковник Гладышев посмотрел на затягивающегося папиромой прокурора, затем на Шехватова.

— Пойдем?..

— Одну минуту, — попросил эксперт-криминалист Дымокуров, доставая из объемистого кофра фотоаппарат.

Воспользовавшись заминкой, участники оперативных групп, не сговариваясь, разделились «по интересам». К Дымокурову подошел районный эксперт капитан милиции Семенов, Маковкина заговорила со следователем Лимакиным и прокурором, а Слава Голубев мигом оказался возле Бирюкова с Шехватовым, которые стояли рядом с подполковником Гладышевым.

— Кто, Игнатич, по-твоему, там зарыт, а?.. — нетерпеливо спросил Голубев.

— Я не бабка-угадка, — ответил Антон. — Надо, Слава, вот что сделать... Вернешься отсюда в отдел — пригласи Шурика Ахмерова и узнай у него все возможное о Жорже Коробченко. Вместе они наказание в ИТК отбывали. Результат разговора с Ахмеровым сразу сообщи по телефону Виктору Федоровичу.

— Бу-сделано!

Дымокуров вышел с фотоаппаратом на клеверное поле, чуть не до стада, пасущегося неподалеку, и сфотографировал лес издали. Когда он вернулся к оперативникам, прокурор, придавив ногою окурок, сказал:

— Давайте, товарищи, рассредоточимся, чтобы одним заходом прочесать весь участок.

С первых шагов в урочище почувствовалась застойная сырость. Было тихо и душно. Под ногами оперативников затрепали старые, догнивающие в густой траве сучья. Впереди, как пулемет, застрекотала сорока. Переключаясь с нею, скрипуче крикнула вспугнутая кедровка.

Шехватов и Маковкина шли по примятой колхозным пастухом тропке. По бокам от них пробрались через травяные заросли Бирюков с Голубевым. Позади — парни-поняты и оказавшийся в роли свидетеля бородатый пастух. Забежавшая вперед лайка быстро вернулась. Жалобно поскуливая, она стала жаться к ногам хозяина. Тот незлобиво ругнул собаку. Вскоре ощутило почувствовался смердящий запах. В душном безветрии, казалось, этим запахом пропитан весь лес. Оперативники подошли к упавшей от старости дуплистой осине. У вывороченного корневища неестественно торчала из разрытой земли почерневшая кисть со скрюченными пальцами.

Аркадий Иванович Дымокуров с разных точек отщелкал несколько кадров. Все стояли молча, будто не знали, что делать дальше.

— Голубев — лопату! — приказал подполковник Гладышев.

Слава быстро сбежал к «уазику». Однако лопата почти не потребовалась. Труп одетого в джинсы и в синюю рубаху с засученными до локтей рукавами мужчины оказался зарытым, что называется, символически. Видимо, зарывавший его очень спешил. С левой стороны рубаха на трупе морщинаясь стянутыми складками от засохшей крови. На латунной пряжке поясного ремня выделялась выпуклая надпись «Консул».

Бирюков тихо сказал стоявшему рядом Шехватову:

— Зоркальцев...

Шехватов кивнул. Судмедэксперт Борис Медников раскрыл потертый саквояж и стал натягивать на потные руки резиновые перчатки. Кое-как натянув их, он наклонился над трупом и сразу отвернулся из-за удушливого запаха. Пришлось доставать из саквояжа предусмотрительно взятый респиратор. В защищающей маске судмедэксперт стал походить на колхозника, работающего с ядохимикатами. Присев на корточки, Борис легонько смахнул с почерневшего лица трупа прилипшую землю. Хотя лицо заметно взялось тлением, в его чертах еще можно было обнаружить сходство с фотографией Зоркальцева.

Дымокуров опять щелкнул затвором фотоаппарата. Маковкина, придерживая у носа надушенный платочек, попросила судмедэксперта расстегнуть на трупе рубаху и обнажить грудь. Когда эксперт выполнил это, все увидели с левой стороны огнестрельную рану. Дымокуров снимал кадр за кадром. По просьбе Маковкиной Борис повернул труп спиной вверх. Чтобы осмотреть спину потерпевшего, разрезал ножницами рубаху. На спине никаких ранений не было. Медников принялся прощупывать вздувшуюся кожу.

— Нам, кажется, повезло... — глухо пробурчал

он через респиратор и попросил Голубева подать из саквояжа скальпель.

Тренированным движением судмедэксперт сделал надрез под левой лопаткой, ловко извлек чуть сплюснутую желтую пулю и положил ее на подставленный Дымокуровым чистый лист бумаги. Окружив эксперта-криминалиста, все стали рассматривать смертоносный кусочек металла. Пуля, без всякого сомнения, была от нагана. Задержал ее в трупе, как объяснил Медников, позвоночник потерпевшего, от которого она несколько срикошетала.

Ни документов, ни денег в карманах убитого не нашли. Маковкина с понятыми принялась писать протокол. Бирюков и Шехватов, чтобы не дышать гнетущим воздухом, отошли в сторону. Тихо переговаривались.

— У меня давно возникло предчувствие, что Зоркальцев именно так закончил свою жизнь, — сказал Антон, глядя на заросший травой ствол поваленной осины.

— Далеко от этого места «Жигули» обнаружили? — спросил Шехватов.

— Километров на десять ближе к райцентру.

— Вывод?..

— Преступник после убийства Зоркальцева ехал к нам, но, видимо, побоялся с окровавленным сиденьем въезжать в райцентр... Смотри, там что-то чернеет, — показав на осину, вдруг проговорил Бирюков. Он подошел к осине и ногою отвел траву от ствола — из-под дерева высовывался угол раздавленного в лепешку черного «дипломата».

К Бирюкову с Шехватовым тут же подошли другие оперативники. Эксперт-криминалист щелкнул фотоаппаратом и только после этого осторожно вытащил «дипломат». Чемоданчик был пуст и так сильно расплюсчен, будто его проутюжили асфальтовым катком.

ГЛАВА 10

На следующий день после выезда в Рожневское урочище Антон Бирюков ни свет ни заря сидел в кабинете милицейского следователя-лейтенанта и беседовал с ним о пожаре на даче Зоркальцева. Молодой лейтенант провел большую следственную работу. Единственным его промахом, пожалуй, являлось то, что он слишком поздно допросил официанта Милосердова. По горячему следу тот, конечно, мог бы вспомнить что-то конкретное о туристах-дальневосточниках, ужинавших в «Орбите» 25 мая. И опять же, винить следователя за этот промах было нельзя, так как по свидетельским показаниям Милосердов действительно уезжал из Новосибирска.

Бирюков рассматривал в материалах дела подклеенные фотоснимки пепелища и обгоревшей металлической канистры, обнаруженной на месте пожара. Еще раз внимательно изучил счет из «Орбиты», по которому можно было лишь предположить, что клиенты, судя по количеству заказанной водки, не принадлежали к прекрасному полу, и попросил лейтенанта рассказать об официанте Милосердове все, что ему известно. Лейтенант повторил вчерашний свой рассказ. В конце добавил:

— Одна из официанток при разговоре с глазу на глаз назвала Владимира Олеговича вежливым хамом и с юморком показала, как он подсчитывает клиенту стоимость заказа: «Пятьдесят да пятьдесят — рубль пятьдесят. Бутербродик с паюсной икоркой брали? Нет?.. Ну, что ж вы от такой прелести отказались! Надо было брать. Итого — два семьдесят».

— Эту официантку Клавой зовут? — спросил Антон.

— Да, молодая веселая девушка.

— По-моему, у нее какая-то неприязнь к Милосердову.

— Нет. Клава — секретарь комсомольской организации в «Орбите» и беспощадна ко всем рвачам, не только к нему.

— Лично у тебя какое мнение о Милосердове?

— Лично мне Владимир Олегович хитрую бухгалтерию не демонстрировал. На вопросы отвечал, как говорится, копейка в копейку, но что-то в нем есть от налима, скользкое. Его уж если брать, то сразу за жабры. А у меня фактов мало.

— Говорят, он часто квартиры меняет...

— Да, за полгода в паспорте три прописки. Объясняет, что проводил последовательный обмен, чтобы поселиться в старом доме, планируемом к сносу. В будущем году, когда дом станут сносить, рассчитывает получить отдельную благоустроенную квартиру. Ловкость рук, конечно, но официально не возбраняется, — лейтенант смущенно покраснел. — Вообще-то, повстречайтесь с ним. У вас опыта больше, чем у меня.

— Придется повстречаться...

Двухэтажный бывший купеческий особняк, где поселился Милосердов, Антон Бирюков нашел не сразу. Построенный еще в дониколаевские времена, полуразвалившийся дом каким-то чудом оказался почти в центре нового жилмассива, и чтобы пробраться к нему, пришлось долго обходить длинные, как Великая китайская стена, многоэтажки. В замусоренном дворике возле дома на растянутых веревках сушились простыни, а на вкопанной у крыльца скамейке сидела дородная старуха и, приглядывая за сосредоточенно играющей в куклы девочкой, вязала длинными металлическими спицами пуховую шаль.

Поздоровавшись с нею, Антон спросил:

— Не знаете, Милосердов дома?

— Наверно, дома. Недавно парень какой-то спрашивал его. Зашел в дом и пока не выходил, — не отрываясь от вязания, ответила старуха.

Бирюкову не хотелось начинать разговор с Милосердовым в присутствии постороннего. Чтобы выждать, когда парень уйдет, он заговорил со старухой. Та оказалась не особо разговорчивой и оживилась лишь после того, как Антон умышленно поинтересовался предстоящим сносом дома.

— К концу лета твердо обещают снести. Раньше-то в этот «особняк» желающих не было. Теперь же зачуяли, что снос близко, и отбою не стало от предложений на обмен, — иронично проговорила старуха. — Взять того же Милосердова — из благоустроенной комнаты в центре города перебрался в нашу развалюху.

— Тихо живет?

— Как мышка. Толком и в лицо не знаю. То на работе он, то уезжает.

— Друзья к нему часто ходят?

— Нет. Только этот парень, что перед тобой пришел, последнее время чуть не каждый день домогался, когда, дескать, сосед из отпуска вернется.

Бирюков внезапно почувствовал необъяснимую тревогу.

— Где Милосердова квартира?

— Внизу. С крыльца — сразу направо, — старуха кивком показала на закрытое окно. — Вот это самое окошко.

Антон вошел в пахнущий древесной плесенью узкий коридор. Постучал в правую дверь. За дверью послышался шумок, затем вроде бы кто-то сказал приказным тоном: «Не открывай!» Пришлось стукнуть резче. Через незначительную паузу тихий мужской голос, как показалось Антону, заискивающе спросил:

— Кто?

— Милосердов здесь живет? — уклонился от ответа Бирюков.

— Кто спрашивает?

— Милиция! Откройте!

На этот раз пауза затянулась. Во дворе глухо стукнуло, как будто с разбегу кто-то упал. Тотчас сердито закричала старуха:

— Ошалел, паразит! Чтоб ты себе дурную башку свернул, окаянный!..

Бирюков быстро выглянул из коридорчика во двор, но кроме развешанных на веревках простыней и склонившейся над плачущей девочкой старухи ничего не увидел. Он тут же вернулся к двери и громко сказал:

— Откройте немедленно!

Сразу щелкнул замок. Дверь отворилась. На

пороге стоял щеголевато одетый, бледный, как полотно, молодой мужчина. По зеркальным очкам и забинтованной руке Антон догадался, что перед ним Милосердов. Строго спросил:

— Почему не открывали?

— Не мог... не знаю... грабитель... — переставшим голосом невнятно забормотал мужчина.

— Вы Владимир Олегович Милосердов?

— Да.

— Я из уголовного розыска, Бирюков.

Антон, не дожидаясь приглашения, шагнул в небольшую комнату, заставленную старинной мебелью, словно антикварный магазин. Совсем недавно закрытое окно, на которое показывала с улицы старуха, теперь было распахнуто настежь. Кое-как протиснувшись к нему, Антон посмотрел во двор. Старуха успокаивала девочку. Бирюков с досадой понял происшедшее, но на всякий случай, чтобы удостовериться, спросил:

— Что случилось, бабушка?

Старуха подняла сердитое лицо:

— Парень, до тебя пришедший, из этого окошка выпрыгнул. Чуть не затоптал, обормот, внучку!..

Бирюков повернулся к застывшему у порога, словно изваяние, Милосердову:

— Объясните, Владимир Олегович...

— Не знаю, не могу понять...

Милосердов затряс короткими рыжими кудрями. Выглядел он настолько перепуганным, что, казалось, никак не может прийти в себя. «Или способный артист, или здесь действительно произошло что-то ошеломляющее», — подумал Антон и сказал:

— Давайте присядем, надо серьезно поговорить.

Милосердов, как ванька-встанька, закивал головой. Он угодливо предложил Бирюкову старинный стул с гнутыми ножками. Сам же прихлопнул створки распахнутого окна, старательно задвинул шпингалеты и лишь после того, будто враз обессилев, почти упал в кресло-качалку. Видимо, стараясь взять себя в руки, принялся медленно раскачиваться. При каждом движении назад-вперед зеркальные очки вспыхивали солнечными зайчиками. Это раздражало Бирюкова, однако Антон терпеливо ждал.

Кое-как успокоившись, Милосердов мало-помалу заговорил. По его словам выходило, что минут двадцать назад в квартиру буквально ворвался незнакомый парень в черных очках и шляпе. Угрожая пистолетом, стал требовать деньги: «Чем больше, тем лучше!» Перепугавшийся Милосердов стал объяснять налетчику, что отпускные потратил на поездку в деревню, а других денег у него в квартире нет. Парень, не выпуская из рук

пистолета, начал делать «форменный обыск». Когда раздался первый стук в дверь, он щелкнул взведенным курком, насторожился и запретил открывать. Когда же за дверью послышалось: «Милиция. Откройте!», распахнул окно и выскочил.

Бирюков попросил хотя бы в общих чертах обрисовать форму пистолета. Милосердов с помощью пальцев изобразил нечто похожее на наган. Заметив на его безымянном пальце свежую ссадину, Антон заинтересовался.

— Чем повредили?

— Палец?.. — Милосердов поморщился. — Грабитель сорвал перстень.

— Серебряный, с бирюзой? — почти наугад спросил Антон.

— Да, да.

— Где и когда этот перстень покупали?

— У одной знакомой девушки, недавно.

— Владимир Олегович, называйте имена и фамилии своих знакомых, — попросил Бирюков.

— Собственно, зачем такие подробности?.. — Милосердов уставился на Антона непроницаемыми стеклами очков. — Допустим, у Лели Кудряшкиной купил. Вам это о чем-то говорит?

— О многом. Сколько заплатили?

— Пятьсот рублей. Можете проверить — Кудряшкина не отперется.

«Уже проверял — отпирается», — озабоченно подумал Антон, а вслух спросил, почти равнодушно:

— Геннадия Митрофановича Зоркальцева знаете?

— Пару раз, кажется, видел на квартире у одних знакомых, — по инерции уклончиво ответил Милосердов и сразу извинился. — Простите, у Харочкиных видел. Зоркальцев готовит их дочь к поступлению в институт.

Сказал «готовит», а не «готовил», как будто не знал, что Зоркальцева уже нет в живых. Это не ускользнуло от внимания Бирюкова и он без всяких обиняков спросил:

— Вы действительно собираетесь жениться на Анжелике Харочкиной?

На лице Милосердова появилось не то удивление, не то растерянность, однако ответил он очень спокойно:

— Действительно.

— Знаете, что у них с Зоркальцевым?

— Знаю — ничего не произошло. Это глупость Людмилы Егоровны. Думаю, она исправит свою ошибку. Зоркальцев ни в чем не виноват.

— Вы уверены в этом?

— Да, Анжелика утверждает, что мама нафантазировала на репетитора.

— У вас с Анжеликой приличная разница в возрасте...

Милосердов смущенно опустил голову.

— Это не имеет значения.

— Позвольте нескромный вопрос. Почему вы, человек с высшим педагогическим образованием, работаете официантом?

Переставший было раскачиваться Милосердов вновь засверкал стеклами очков и, видимо, решил отделаться шуткой:

— Судьба играет человеком...

— Хотелось бы, Владимир Олегович, услышать от вас серьезный ответ,— сказал Бирюков.

Милосердов резко остановил кресло-качалку, уставился очками в пол. После некоторого раздумья заговорил:

— Свою педагогическую карьеру я испортил в зародыше, когда, закончив институт, вместо школы пошел работать переводчиком в «Интурист». Намерения были серьезные. Хотел в совершенстве овладеть языком, так сказать, при постоянном живом разговоре с иностранцами. Не получилось. Друзья подвели. Одному хотелось иметь импортные джинсы, второму — свитер, третьему — пачку зарубежных сигарет. По легкомыслию молодости я старался выполнять дружеские заказы и... пришлось с «Интуристом» расстаться. Работать в школе боялся — многое из педагогики забыл. А куда еще с моей специальностью устроишься?.. Случайно попало объявление: «Тресту ресторана требуются официанты». Рассчитывал поработать временно, чтобы иметь кусок хлеба, но в конце концов решил кормиться по принципу: лучше синица в руках, чем журавль в небе.

— Ну и как эта «синица» кормит?

— Не жалею, концы с концами свожу...— Милосердов чуть улыбнулся и вдруг сменил тему.— Вы, кажется, сказали, что ваша фамилия Бирюков?..

— Да, моя фамилия Бирюков,— подтвердил Антон.

— Вы родом не из Березовки?

— Оттуда.

— Галину Терехину знаете?

— В одной школе десять лет учились.

— О! Значит, это о вас я так много слышал. Терехина ведь первая моя жена.

— Почему не ужились с ней? В школе Галка была жизнерадостной и бескомпромиссной.

— Такой же идеалисткой и осталась. Готова, как в старину говорили, перебиваться с хлеба на квас, но — упаси бог! — только бы, чтоб люди не подумали, что живем не по средствам. Так и жили с ней несколько лет: купим какую-нибудь вещь и впору хоть у соседей на троллейбус пятак занимать...— Милосердов несколько раз качнулся.— Не вынес я такой жизни, ушел от Галины. Честно сказать, теперь жалею...

— К чему вы этот разговор завели? — прямолинейно спросил Антон.

— Чтобы предупредить вас.— у Галины может быть негативное впечатление обо мне. Не каждому слову надо доверять.

— Мы обычно не только доверяем, но и про-веряем.

— Конечно, конечно...

Милосердов, похоже, успокоился и вроде позабыл о недавно пережитом потрясении. Говорил он, как правильно подметил следователь-лейтенант, с некоторым замедлением, будто взвешивал каждую фразу. От этого речь получалась задумчивой, плавной. Внимательно слушая, Бирюков никак не мог представить его в роли «вежливого хама». Перед Антоном сидел культурный, сдержанный человек, сознающий прошлые свои ошибки и оценивающий их несколько иронично. Одет Владимир Олегович был в светлые, тщательно отутюженные брюки и перетянутую в талии пояском японскую пижаму с закрытым воротом и широкими, как у кимоно, рукавами.

Бирюков обвел взглядом необычную обстановку комнаты: старинный инкрустированный шкаф; часы с безжизненной медной тарелкой маятника, деревянный резной футляр которых упирался в потолок; огромный купеческий буфет с причудливой резьбой и золотыми полосками на дверцах. Несмотря на допотопное производство, мебель сохранилась хорошо, и Антон по достоинству оценил труд старинных мастеров, умевших делать вещи на века. Особенно прочно выглядел покрытый зеленым сукном письменный стол на точеных ножках. На столе возвышался бронзовый чернильный прибор с огромным взлетающим орлом. Современный телефонный аппарат рядом с ним казался игрушечным.

Вероятно заметив, что Антон рассматривает мебель, Милосердов, будто оправдываясь, сказал:

— Нравится мне старина — износу ей нет. У наследников знаменитого профессора купил.

В заставленной мебелью комнате было душно. Бирюков, чтобы вытереть вспотевший лоб, потянул из кармана пиджака носовой платок и услышал, как об пол стукнулась расческа. Нагнувшись за ней, Антон заметил у стола блеснувшую целлофановой оберткой коричневую книжицу. Вместе с выпавшей расческой поднял ее — это было водительское удостоверение Зоркальцева.

— Так... Объясните, каким образом этот документ оказался у вас?

Милосердов сверкнул стеклами очков.

— Наверное, у парня из кармана...— внезапно заволновался он.— Да, да! Парень, когда выхватил пистолет, стоял на этом самом месте. Честное слово! Не верите?..

— Верю,— сказал Антон, решив про себя, что пора начинать разговор, ради которого пришел сюда.— Владимир Олегович, где находится дача Зоркальцева?

— Представления не имею! — торопливо выпалил Милосердов, видимо, не ожидавший столь быстрой смены разговора.

— О том, что дача сгорела, конечно, знаете?

— Следователь говорил. Даже выписанный мною счет показывал.

— Так и не вспомнили тех клиентов?

— Так и не вспомнил.

Очень быстрый ответ насторожил Бирюкова. Антон еще острее почувствовал раздражающее влияние поблескивающих зеркальных очков, сквозь которые совершенно не просматривались глаза собеседника, и спросил:

— Почему, Владимир Олегович, даже в комнате не снимаете ваши очки?

— Глаза болят. В деревне помогал родственнику строить гараж и так посмотрелся на электро-сварку, что врачи предупредили: без темных очков — ни шагу.

Милосердов крепко сжал сцепленные в пальцах руки. Внешне он выглядел спокойно, и это показалось Бирюкову неестественным. По наблюдениям Антона, люди, подвергшиеся нападению вооруженных грабителей, как правило, очень долго не могли прийти в себя.

— Какие деньги требовал от вас парень? — опять задал вопрос Бирюков.— Задолжали ему?

— Первый раз в жизни его видел.

— Как он выглядел?

— Ростом — средний. В летней рубашке, джинсах, шляпе и в темных очках — типичный бандит. Цвет одежды, естественно, назвать не могу — у самого очки с темными стеклами...

Милосердов, видимо, машинально хотел показать Бирюкову цвет своих очков, на какой-то миг приподнял их, но, спохватившись, водворил на прежнее место. Однако Антон успел заметить, что на воспаленных веках нет ресниц.

— Что с вашими глазами? — спросил Антон.

— Говорю, электросварки хватался.

— Так сильно, что даже ресницы сожгли?

— Это врачи так... лечили...

— Первый раз встречаюсь с таким лечением, — хмуро проговорил Бирюков, осененный внезапной догадкой.— Владимир Олегович, ведь это вы сожгли дачу Зоркальцева.

— Ошибаетесь, — очень спокойно ответил Милосердов, но от взгляда Бирюкова не ускользнуло, как у того задрожали руки.

— В какой поликлинике лечили глаза? — пошел в наступление Антон.

Руки Милосердова задрожали сильнее.

— Какая разница?

— Сейчас позвоню, и врачи наверняка подтвердят, что у вас был ожог,— Антон протянул руку к телефону.— Так где лечились?

— Нигде не лечился,— вроде бы со злостью сказал Милосердов после долгого молчания.— А глаза действительно обжег... у костра, на рыбалке.

— Кто может подтвердить?

— Со мной никого не было. Перепил и сунулся сдуру в пламя.

— Зачем же об электросварке и врачах солгали?

— Без задней мысли. Неудобно в пьянстве признаваться.

Бирюков интуитивно почувствовал, что Милосердов изворачивается. Надо было действовать решительно. Антон набрал номер Шехватова. Едва в телефонной трубке послышался знакомый голос, сказал:

— Виктор Федорович, звоню из квартиры Милосердова. Приезжайте срочно со следователем и прокурором. Придется делать обыск...

— Не надо! Не позволю!.. — Милосердов внезапно вскочил с кресла-качалки, протянул руку к трубке, словно хотел вырвать ее из рук Бирюкова.

Антон отстранился.

— Почему не позволите? Мы ведь не самодеятельный спектакль разыгрываем. Все будет по закону.

— В моей квартире нечего искать! Ищите бандита, который хотел меня ограбить.

— Виктор Федорович, срочно приезжайте, — сухо сказал Антон и, положив трубку на аппарат, встретился взглядом с зеркальными очками Милосердова.— До приезда оперативной группы у вас есть время искренне рассказать всю правду. Поймите, что с вами не в бирюльки играют и что на языке юристов есть определение, называемое чистосердечным признанием...

Милосердов обмякше опустился в кресло. Какое-то время он в упор глядел на Антона. Затем его будто прорвало:

— Я действительно поджег дачу Зоркальцева. Из ревности поджег! Хочу жениться на Анжелике Харочкиной, а Зоркальцев роман с ней завел, выпивончики стал на даче устраивать! У меня разум помутился, взял канистру с бензином. Когда поджигал, пламя опалило лицо. Я готов возместить Зоркальцеву причиненный ущерб. Все заплачу, все... — И заплакал по-детски, навзрыд.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

РИСУЕМ МИР!..

Владимир ВЯТКИН

У темно-серой стены рейхстага, на которой в виде победных росчерков советских солдат сама история запечатлела заключительный акт Великой Отечественной войны, нарисован солдат с винтовкой в руке. Стройный и подтянутый, в темно-зеленой гимнастерке, украшенной орденами и медалями, он выглядит молодо и празднично.

Это рисунок девятилетней Нади Брюрочевой. Она учится в художественной школе г. Богдановича и, готовясь к выставке детского художественного творчества, изобразила родного и любимого человека — своего дедушку. Надя много слышала от него о тех далеких днях, когда солдат шел с боями в сторону Берлина, освобождая родную землю от страшного врага. Она слышала и о том, как замолкали пушки и раздавался гром салютов. Тот первый день мира был великим днем Победы.

Завоеванный мир находится в крепких руках нового поколения. Сегодняшнее детство не знает трагедии разрушений и гибели людей. Для детей на земле растут цветы, а в голубом небе сияет жаркое солнце. Но, как писала в одной из своих статей Агния Барто, «наши атомные дни еще обостряют необходимость пробуждать в душе человека с малых лет чувство Родины и готовность стать ее защитником». Мир неспокоен, и тревоги взрослых передаются детям.

На выставке творчества учащихся детских художественных школ и школ искусств Свердловской области под девизом «Я голосую за мир», которая демонстрировалась в театре юного зрителя, было немало работ на тему войны. Многие из них удивили и пафосом глубокого драматизма, и настроением яркого радостного ликования.

Четырнадцатилетняя Оля Гурченко из города Асбеста изобразила цех, в котором работают подростки. Непоседливый народ мальчишки, такие разные в жизни, на рисунке одинаковы. Девочка нашла выразительный пластический мотив согнутых спин. Подростки склонились над верстаками, так что не видно их

лиц. В том тесном ритме, в каком нарисованы фигуры, в характере самих фигур ощущается и тяжесть труда, и его продолжительность. Но рисунок без лиц был бы мало интересен, и Оля изображает на первом плане подростка в профиль, показывая тонкие черты юного и неулыбчивого лица — ведь это лицо военного детства.

В цехе, где работают дети, висит плакат «Все для фронта!». Так и назвала свой рисунок Оля. Серо-коричневый колорит, тонко разработанный на множество нюансов, прибавляет эмоциональности ее работе. В карандашном рисунке свердловчанки Оли Новиковой «Похоронка» изображено одно из самых трагических явлений войны. Невозможно воспроизвести ту работу ума и чувства, какую проделала тринадцатилетняя девочка, чтобы ясно «увидеть» внутренним взором горестную сцену потери сына.

Она нарисовала старую женщину, скорбно опустившую руки. В оцепеневшей фигуре как будто остановилось время, сжаты пальцы, лицо исказила мука. И тут уже передано движение — легкое и печальное: со стены срываются и падают фотографии сына.

«Ум формирующегося человека впитывает в себя идеологию и психологию народа, — писал Сухомлинский, — а в народе память о войне неугасима». Но детям свойственен оптимизм. Восторг — движущая сила детского творчества. Он ярко проявился в работе ученика Свердловской детской художественной школы №2 Олега Бадьина. Олег назвал свою акварель «Вестник». На ней изображен бегущий мальчик, в руке которого трепещет красный галстук. Озаренный пучком солнечных лучей, он торопится сообщить всем о Победе. Легкий его бег похож на полет, и кажется, что он со своей счастливой вестью обегит всю землю. Вселенская радость наполняет этот лист. Такой откровенности и полноте чувств может позавидовать взрослый художник.

Ира Елизарова учится в той же школе, что и Олег. Известный сюжет о нашей Великой Победе, ка-

залось бы, не предвещающий самобытного решения темы, разработан ею творчески, оригинально. Она изобразила мать и отца (он одет в военную форму), которые, радуясь победе, качают свою дочь как победительницу. Два времени слились здесь в один образ: время первого Дня Победы и время счастливого детства, которое переживает сама автор. Как просто и глубоко бывает мышление ребенка, которому доступно так свободно оперировать временем и создавать высокие по содержанию символы!

Победная тема нашла свое продолжение в рисунке Алеши Нефедьева, который учится в детской художественной школе №1 г. Нижнего Тагила. Он не зря назвал свой лист «Мирное небо». Перед зрителем распростились летное поле, густо заросшее большими красивыми цветами. Если мирное небо, значит, можно радоваться жизни — так, как радуются участники праздника русской зимы в рисунке Тани Лапиной из Асбеста или девочки на качели в работе Лены Арцеуловой из Качканара, можно строить города («Комсомольский строится»), осваивать космос («Вперед к звездам» Оксаны Костылевой из Верхнего Тагила), а можно просто устраивать игры в снежки в зимний день так весело, как показал в своей акварели житель Качканара Олег Сметанин. Его работа называется «Ура, каникулы!».

Мир — естественный атрибут бытия, и нет людей на земле, более нуждающихся в нем, чем дети.

ПОХОРОНКА.
Новикова Оля, 12 лет. Свердловск,
ДШИ № 2

МОЙ ДЕДУШКА. Бирючева Надя, 9 лет.
г. Богданович, ДХШ.

БОГАТЫРЬ. Шмыгарев Алеша, 8 лет.
г. Свердловск, ДХШ № 3.

ПОБЕДА. Елизарова Ира, 14 лет.
г. Свердловск, ДХШ № 2.

МОЯ УЧИТЕЛЬНИЦА. Чигвинцева Ира, 10 лет.
г. Краснотурьинск:

ВДОХНОВЕНИЕ. Демидов Володя, 15 лет.
г. Асбест, ДХШ.

ЛЕТОМ. Катаева Анжела, 13 лет.
г. Кировград, ДХШ.

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ БЫТЬ ЗДОРОВ... Исупова Наташа, 10 лет. г. Асбест.

Слайды И. Горячева

ЛЕТЯЩИЕ В НОЧИ

Олег КАПОРЕЙКО

Снимки автора

**НЕ СТРАШНО ПОТЕРЯТЬ УМЕНЬЕ УДИВЛЯТЬ.
СТРАШНЕЕ ПОТЕРЯТЬ УМЕНЬЕ УДИВЛЯТЬСЯ!**

А. Городинский

В одну из последних весен мой приятель по лесным делам Геннадий Бачурин сообщил в письме: «Нынче сов возле Зайково загнездились необычно много. Видимо, благоприятно сказалась на птицах на редкость теплая и малоснежная уральская зима. Есть все виды неясителей: бородатая, серая и длиннохвостая. Но самое интересное, что мохноногий сыч спустя несколько лет вновь поселился в дупле, сработанном давно дятлом-желной. Это недалеко от избушки, где тебе придется жить».

Далее он настойчиво не только просил, а требовал приехать в начале мая, упорно ссылаясь, что не каждый год лес зайковский бывает таким «урожайным» на почтовых птиц, тем более на мохноногих сычей.

И я невольно вспомнил прошедшие весны, строительство вышек, многочасовые и многодневные наблюдения за совами... Но то были неясители. С ними я был знаком неплохо. О сычах же, откровенно говоря, знал очень немного, кое-что из справочника-определителя птиц, где каждому пернатому, проживающему на территории нашей страны, отведено от силы полстраницы. Мохноногому же сычу, с которым мне предстояла теперь встреча, и того меньше.

С надеждой приоткрыть еще одну неизвестную мне страницу я отправился в зайковский лес, что в Ирбитском районе Свердловской области.

В нескольких метрах от меня сосна. В свете уходящей вечерней зари, в стволе дерева темнеет не круглое, а чуть приплюснутое отверстие. Это и есть то самое жилище сыча, о котором мне сообщал Бачурин. Мое же жилище — вышка для наблюдения за птицами, построенная только вчера, с площадкой и квадратным укрытием из мешковины на уровне дупла.

Дом сыча — это не то что мое временное укрытие. Он нужен птице, чтобы отложить яйца, выходить потомство, поставить его на крыло. Придет время — разлетятся малыши, но дупло старшие сычи будут держать за собой. Если, конечно, не отыщут лучшего.

И еще их деревянный дом может пригодиться холодной зимой, чтобы сычам укрыться от сильного ветра и мороза. Случится, сделают в нем и запас «продуктов» на голодное время.

Сейчас, в наступивших сумерках, дупло кажется не-

жилым. Но я-то знаю, что в «гнезде» полно птенцов. Просто, заслышав меня, малыши затаились. Надолго ли?

Включаю фонарик и в его луче вижу, как будто в открытое настежь окно, — смотрит на меня своими круглыми глазами сычик. На невесть откуда взявшийся в ночи свет торопится глянуть и другой птенец. Третий малыш упорно протискивается в оконце...

С покосного луга сворачиваем в ельник. Всего несколько шагов — и упругие ветви, будто автоматические двери, закрывают то место, где мы вошли. Под ногами мягко лежит ковер мха, а по нему разбросаны белые звездочки первого цветка лета — одноцветки. Будто столбы, а не деревья темно-зелеными пирамидами тянутся ввысь, к небу вековые ели. Они как бы прячут под своими шатрами потаенные уголки земли от яркого солнца и постороннего глаза.

На одном из деревьев гнездо совы. И не какой-нибудь, а грозной и бесстрашной бородатой неясити. Вот оно, темное, лохматое, чернеет в еловых ветвях. Осматриваем гнездо в бинокль.

— Пустое. Похоже, что совы со своим потомством покинули его, — говорит Геннадий. — На сей раз нам повезло, а ведь будь здесь совы, дали бы они бой. У нас же ни масок, ни защитной одежды.

Чуть заметная тропка подводит нас к осиннику. На кромке его — сосна. Она без единого сучка, лишь на вершине в пышный букет собрались ветви. На высоте более десяти метров замечаем дупло.

— Сейчас проверим, как там дела, — говорит мой спутник.

Бачурин несколько не смущает ни высота дерева, ни то, что ствол его совсем гладкий. «Лестница» у Геннадия — в рюкзаке. Это «когти» особой конструкции, совсем не похожие на те, что мы привыкли видеть у электромонтеров. Всего несколько минут потребовалось Геннадию, чтобы достичь дупла и, осмотрев его, спуститься обратно.

— Пустое, — укладывая снаряжение в рюкзак, сообщает Бачурин. — Куда исчезли сычата?

Три недели назад Геннадий поднимался к дуплу. Тогда в нем, тесно прижавшись друг к другу, сидели птенцы. Это была ранняя кладка. Неужто успели подрасти и покинуть свой дом? Загадка даже для такого лесовика, как Бачурин. Впрочем, сычи во многом загадочны и для ученых, постоянно ведущих за ними наблюдения. Скажем, кто может точно ответить, как покидают свой дом птенцы? Вылетают ли они сразу,

как скворцы из скворечников, или сначала просто выпадывают из гнезда, а уж потом тренируются, перепархивают с ветки на ветку? Может, повезет мне ответить на этот вопрос...

Но все же куда делись сычата? Мы еще и еще раз обходили участок леса, где поселилась семья бородатой неясыти и мохноногого сыча.

И вот... Возле корневища дерева лежали остатки каких-то птиц. Неужели сычиков? Да, тут, видимо, не обошлось без трагедии. Сова жестоко разделалась с целой семьей сычей. По-разному можно объяснить причину случившегося. Может, виной всему был неожиданный майский снегопад, вызванная этим бескормица, а может, маленькие совы оказались на территории леса, занятого неясытями, конкурентами по добычанию пищи. Ведь те и другие питаются мышами.

А теперь представляю моего спутника... Геннадий Николаевич Бачурин. Около десяти лет назад окончил Свердловский лесотехнический институт, работал лесничим, главным лесничим, сейчас директор межколхозного лесхоза — и все здесь, в Ирбитском районе Свердловской области. Ростом невысок, плотный, крепкий, выносливый. Может целыми днями с раннего утра и до позднего вечера быть на ногах, с рюкзаком за плечами пройти десятки километров.

А как же птицы? Это особая страсть Бачурина с детства. Не потому ли встреча наша и знакомство с Геннадием состоялись не в зайковском лесу, и даже не на Урале, а в ямальской тундре, куда он и забрался, как и я, впервые. В тот год весна, шумная, бурная, с большой водой, не шла, а катилась по тундре.

Нам поначалу крупно не повезло: забарахлил двигатель катера, пришлось коротать время в маленькой каюте. Вот тут-то и разговорились о птицах. Бачурин же нет-нет да и сводил разговор к совам, к ним у него пристрастие особое. Тогда-то я и пообещал ему, что в следующий раз встретимся в его родном зайковском лесу.

Все дупла в лесу, как прочие «квартиры»-гнезда, имеют свою историю. Есть она у дупла, возле которого мы с другом Бачурина, Сергеем Гладких, лесничим из Нижнего Тагила, построили наблюдательную вышку.

Выдолбил это дупло в стволе сосны дятел-желна, прозванный еще за свое темное оперение черным. Устроил он его в совершенно здоровом дереве. Такое случается нечасто. Почему? У основания подломившегося сучка сосны дятел усмотрел скопище насекомых, начал бодлезни дерева. Не раз прилетал сюда обедать юркий «доктор». И что же? Дерево подлечил, а заодно клювом, будто долотом, соорудил для себя вполне удобную просторную квартиру. Но по какой-то только ему известной причине не поглянулось жильё мастеру. Решил строить новое. Зато понравилась квартира в сосне мохноногому сычу.

Лес еще был набит снегом, а по почам, там, где сыч облюбовал дупло, ночью слышались призывные крики самца, отца будущего семейства. Низкие протяжные

звуки будили лесную тишину. Самец призывной трелью своей брачной песни давал знать другим сычам, что территория возле дупла занята. Невидимая в ночи птица как бы рассказывала будущей супруге: место выбрано на славу, есть большая, теплая, удобная квартира, пора подумать о потомстве.

Птичий концерт длился каждую ночь по несколько часов и даже тогда, когда в деревянном домике появилось первое яичко, за ним второе, третье. Так семья обжилась. Впрочем, потом сычи почему-то предпочитали «сдавать» жильё другим птицам: за несколько весен выходили в нем потомство горихвостка, галка, поползень. Но вот снова занял свой дом хозяин-сыч.

Где пропадал он все это время? Может, жил в другом дупле. Известно одно: от количества готовых деревянных квартир полностью зависит численность мохноногого сыча. Не зря ученые-орнитологи утверждают, что зависимость сыча от дятла-желны прямая. Там, где человек своей хозяйственной деятельностью сократил лесные угодья, нарушил жизненную территорию, обе эти птицы — сыч и желна — исчезают одновременно. Гнезда других птиц мохноногий сыч занимает редко, так как в леток самка протискивается с большим трудом.

У Геннадия Бачурина в зайковском лесу не только гнезда, но и дупла, новые и старые, на учете. Он знает, какие птицы жили в них раньше, какие поселились нынче. Зимой Геннадий вместе с братом, лесотехником Виктором, в обязательном порядке обходят лесные квартиры, осматривая их, и, если нужно, чистят и ремонтируют. Иначе большинство из них пустовало бы: не всем птицам под силу такая работа. Поползень, к примеру, заделывает дупло глиной, оставляя лишь маленькое отверстие — леток, чтобы только пролезть самому. Был в практике Геннадия случай, когда поползень, эта маленькая птичка, чуть не замуровал в дупле сидящего на яйцах сычка...

Поднимаюсь на вышку. Устраиваюсь поудобнее. Где-то за лесом сердито разговаривает невидимая гроза. Назойливо поют в сумерках комары. Но мне не до них. У меня работа. В нескольких метрах дупло. Сквозь стеклянный глаз длиннофокусного объектива вижу квартиру сыча совсем рядом. Хозяева затаились. Но знаю, как их можно выманить. Сейчас проверю, как живут мои малыши. Начинаю шуршать куском полиэтиленовой пленки. И что же? Любопытство пернатых берет верх над страхом. И вот он, сычик, выглядывает из летка, вначале с опаской. Но шуршание пленки напоминает возню мыши. Сычик высунулся из летка, вот-вот выпадет, качает головой, будто здороваётся.

Взгляд сычка из дупла... В нем не только какое-то необыкновенное птичье кокетство, но и детское любопытство. У орнитологов эти милые мордашки сов зовутся лицевыми дисками. Верно: когда смотришь прямо на «лицо» сыча, оно очень похоже на плоский диск из перьев, пуха, с большими выразительными глазами и темным клювом-крючком. По бокам перьевого диска упрятаны

невидимые ушные раковины. Вращая головой (у сыча удивительно гибкая шея), будто локатором, старается он высмотреть все, что находится перед ним. Малышей, появившихся на свет слепыми, как котята, и прозревших на вторую неделю жизни, интересует многое. Сычки проявляют любопытство к шелесту листьев, каплям дождя и росы, скатывающимся с веток, пению птиц, к мухам и комарам. И, конечно, к моему присутствию тоже. Ведь что ни говори, разве могло их не заинтересовать, когда перед ними то и дело появлялись в самой близости блестящие предметы, раздавались сухие щелчки, жужжание затвора, яркие вспышки в ночи?

Мохноногие сычи — это совы, но только в миниатюре. Представьте, самка крупнее самца и весит около двухсот граммов. Общая длина тела двадцать с небольшим сантиметров. Оперение бурое, в белых пятнах, лицевой диск светлый, резко выраженный. Питается сыч мышевидными грызунами, землеройками.

В отличие от своих собратьев сычи — скрытные птицы. Их не только не увидишь днем, а даже в сумерках. За все время наблюдения мне всего несколько раз повезло увидеть взрослых птиц в светлое время. И то, думаю, случайно.

После того как птенцы подросли, они уже могут согреть в дупле самих себя, тесно прижавшись друг к другу. Им уже не требуется для этого родителя.

А где же те в это время? Здесь, недалеко, в районе гнезда. Днем они прячутся, таятся так, что пройдешь рядом — не увидишь. Только при усердном поиске посчастливится обнаружить серенький комочек на сучке, прижавшийся к стволу елки.

Скрытное поведение птиц вошло в поговорку. Про нелюдимого человека говорят, что он живет, как сыч. И, действительно, лишь с наступлением полной темноты вылетают сычки на охоту.

Пришел я на первое дежурство рано, только что ушло за горизонт солнце. Вскоре ночь окутала лес.

У гнезда сыча никакого движения. Неужели сегодня по случаю моего первого дежурства птицы устроили выходной? Может, кормят птенцов через день? Или родители накормили сычат еще днем, как это частенько делают другие совы?

Хоть уходи. От долгого неподвижного сиденья затекли ноги. Терпения на каких-то еще полчаса... Вспомнил недавно вычитанные слова немецкого орнитолога Оскара Хайнрога: «...наблюдая за животными, всегда приходится помнить, что последние располагают временем!» Это в полной мере относится к совам.

Непроницаемую, безлунную, беззвездную ночь — вот что ждали мои сычи. Когда все стоящие вблизи от моего укрытия деревья и кусты нельзя различить, когда они слились в одну сплошную стену.

...Только что принес отец семейства корм. Свой прилет он обозначил, как и вылет на охоту, отрывистым поканьем. В дупле шум, писк. Мамаша, приняв добычу у охотника, порциями делит между малышами. Инте-

ресно: через какое время отец семейства снова появится у гнезда с трофеем? Включаю секундомер. Идут минуты. Вот уже час отмерили стрелки, пошел второй. Похоже, что охотнику не везет. Но все же прилетел, передал добычу. И — вновь писк. Засаею время. На сей раз сычу повезло: вернулся к дуплу через восемь минут.

Окончено дежурство, укладываю на всякий случай от дождя фотоаппаратуру под пленку, спускаюсь с вышки. И опять меня пугает сыч, который не торопится покидать гнездовой участок. Птица не только стремительно облетает, но и голосом старается выразить недовольство, словно бы прогоняя меня со своей территории. Ударить же когтями, как делают более крупные совы, мохноногий не может. Но как ни странно, однажды все же осмелился...

Было это днем. Лесничий Сергей Гладких поднялся к дуплу, чтобы проверить, что там происходит. Но невесть откуда появившийся сыч с лету ударил его по плечу. Целился же явно в голову — Сергей успел уклониться. Вот тебе и тихоня!

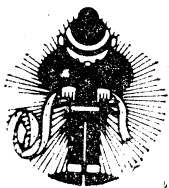
Когда я рассказал о необычном поведении сыча Бачурину, он выслушал, но не поверил.

День за днем с наступлением сумерек приходил я на дежурство к сычам, поднимался на вышку, включал лампу-вспышку и слушал ночь, моих подопечных. И вот в одну из ночей услышал знакомый разговор птенца. В его просящем голосе не было ничего особенного. Но голос сыченка доносился не из дупла, а откуда-то снизу. Неужели покинул свой теплый дом? Когда? Не показалось ли? Спустился с вышки, включил фонарик и по звуку голоса быстро отыскал малыша. Он сидел на маленькой елочке, прижавшись своим коричневым оперением к ее сучковатому стволу и громко требовал корма. Шел тридцать шестой день, как появился на свет первый птенец, и вот он вылетел из гнезда.

Выключив фонарик, присел я на валежник, слушал переговоры птенцов, сидевших в дупле, с тем, что уже оставил его. Похоже, те, наверху, спрашивали у смельчака: как там, в большом мире?

Через три дня дупло опустело, сычки покинули его. Но как? Малыши не выпадали из дупла, они вылетали из него, на своих еще слабых крылышках, как вылетают птенцы скворцов, когда их выманяют кормом родители. Первый полет у малышей был прямолинейный, до первой елки. Теперь они в лесном списке значились слетками. Могли неуверенно, но все же перелетать с дерева на дерево, с ветки на ветку.

Продолжая жить в лесу, слышал в ночи просящие голоса малышей. Детство сычков не заканчивалось. Еще несколько месяцев малышей будут опекать родители, учить премудростям охоты, познавать тайны и секреты большого лесного дома.

СЛЕДОПЫТСКИЙ
ТЕЛЕГРАФ

НАВЕЧНО В ПАМЯТИ

Рисунок О. Шапкина

Сто лет назад...

Сормовская школа № 82 располагается сейчас в новом здании на улице Культуры. Нынче она отмечает свое столетие. Как во многих школах, есть здесь зал боевой славы, экспонаты которого рассказывают о фронтовиках, о подвигах земляков на фронтах Великой Отечественной войны. Но есть и другие материалы в следопытских «хранилищах», которые столь же дороги учащимся...

Там, где стояло старое здание школы, пересекаются две улицы: улица Коминтерна и улица Баррикад. Сто лет назад здесь была возведена первая школа, построенная на средства рабочих и для рабочих — первая и единственная. В стенах ее обучались такие прославленные сормовские революционеры, как Иван Чугурин, Павел Мочалов, Дмитрий Павлов. Шестьдесят детей числилось сто лет назад в школе, и все они были детьми рабочих.

Поэтому для сегодняшних школьников не удивителен один примечательный исторический факт: в дни жарких декабрьских боев 1905 года школа была штабом вооруженного восстания сормовских рабочих...

Перед большой датой

Историко-партийный мемориальный музей имени Я. М. Свердлова в Свердловске — памятник истории союзного значения. В дни, когда вся страна отмечает 80-летие первой русской революции, в музее дополняется экспозиция, ярче «высвечиваются», представляются экспонаты, рассказывающие о пролетарском движении начала века.

В 1905—1907 годах жизнь уральского «буревестника» Якова Михайловича Свердлова наиболее тесно связана с революционной борьбой одного из главных промышленных районов страны. Сотрудники музея добавляют к уже имеющимся документам новые воспоминания ветеранов партии о работе Я. М. Свердлова в рабочих ячейках, о пребывании его в городах Урала, продолжают исследования. Свыше двух тысяч историко-партийных документов, личных вещей выдающегося революционера и его соратников, печатных изданий, фотографий, диаграмм рассказывают о начале организованного рабочего движения в стране, о борьбе за создание большевистской партии. В период 80-летия первой русской революции свердловский музей окажет большую помощь пропагандистам

города, руководителям семинаров, активистам комсомольского просвещения, поможет в проведении пионерских сборов.

Сотрудники музея помогут обновить экспозиции однопрофильных музеев страны: в селе Максимкин Яр Томской области, где отбывал политическую ссылку Я. М. Свердлов; музеев городов Свердловск в Бухарской и Ворошиловградской областей; музеев крейсера «Яков Свердлов» и одноименного теплохода, с которыми свердловчане поддерживают постоянную связь.

Ветеран двух революций — друг школы

Восемь десятилетий назад его называли Саша Красный... Он писал стихи, и эти стихи теперь хранятся в музее Маркса — Энгельса — Ленина 12-й бакинской школы-интерната — так же, как фотоснимок, где А. Д. Брянский запечатлен на Красной площади, в негласной охране Ильича, рядом с Лениным и Дзержинским...

А. Д. Брянскому — Саше Красному посвящен целый стенд в музее. Александр Давидович Брянский — москвич, ему 105 лет. Активный участник первой русской революции и штурма Зимнего, он избран почетным членом ученического научного общества «Искатель». Его воспоминания о памятных страницах истории записаны школьниками следопытами.

Ценные экспонаты собрали ребята в свой музей. Они хранят письма праправнучки К. Маркса Фредерики Лонге, письма основателя Коммунистической партии Италии Антонио Грамши; землю, собранную у Стены коммунаров на парижском кладбище Пер-Лашез, и землю с места расстрела двадцати шести бакинских комиссаров...

Были бунтари!..

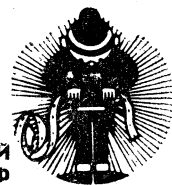
Есть в Несвижском районе Белоруссии поселок с необычным названием Снов. Есть и средняя школа в нем, а при ней — музей.

Попалась следопытам сновской школы старая книга — «География Российской империи», изданная в 1914 году. Со странным чувством читали ребята, что пишут авторы о их предках-белорусах: «...По характеру белорус смирен

НАРОДНОЙ

СЛЕДОПЫТСКИЙ
ТЕЛЕГРАФ

и смотрит забитым, он притерпелся к нужде и беспечен относительно своего положения». Вот так-так!.. А все, что собрано в школьном музее, говорит совсем о другом...

Экспонаты музея рассказывают о мужественной борьбе белорусских партизан, о подвигах земляков на фронте.

Рассказывают они о большевиках, боровшихся за Советскую власть в 1917-м — могут ребята назвать день, когда над зданием сновского ревкома впервые взвилось красное знамя.

Есть в музее и материалы, повествующие о том, как в 1905 году в Снове была организована группа РСДРП, входило в нее четырнадцать сновчан и жителей окрестных деревень. Под их руководством крестьяне оказывали сопротивление местным помещикам и церковникам.

Так о каком же «смирненном и забитом» белорусе рассказывает книга, вышедшая в царские времена?

Не поверили этой книге сегодняшние ребята...

У следопытов шахтерской Горловки

Шахтерская Горловка не осталась в стороне от развивающегося пролетарского движения в России. В летопись великого пролога — первой русской революции — вошло и вооруженное восстание в одном из городов Донецкого угольного бассейна, поднятое шахтерами-пролетариями в 1905 году. Три дня власть в Горловке удерживал боевой стачечный комитет.

Учащиеся 52-й горловской школы собирают в свой музей экспонаты, рассказывающие о неизвестных страницах восстания. Ребята узнают фамилии руководителей стачки, членов боевого комитета, устанавливают их биографии, собирают документы, свидетельствующие о борьбе стачечников, о пролетарском движении тех лет.

О чем рассказали древние бумаги

В развалинах старого дома, где раньше жили железнодорожники, нашли следопыты кишиневской средней школы № 55 эти пожелтевшие, полуистлевшие листки: «Сведения в правление нефтепромышленного и торгового общества «Мазут» в Москве»... Мало ли торговых и

промышленных обществ было в России, мало ли канцелярских бумаг ходило по стране — не все они потерялись, не все были уничтожены, не все сожжены в холода...

Эти сохранившиеся деловые бумаги оказались непустыми. Вот что «прочитали» по ним ребята.

Все листки помечены одним годом — 1905-м. Годом, когда начиналась первая русская революция. Взрослые руководители обратили внимание ребят на проставленные в бумагах даты: 2, 3, 7-го октября и на другие цифры. Записи в квитанциях указывали объем продукции, доставлявшейся в Кишинев из Москвы. На эти дни и последующие поставки резко снижались. Вывод сделать нетрудно: грузы задерживались на Московской железной дороге, где уже разворачивалась всеобщая стачка...

Так в музее кишиневской средней школы № 55 появился документ, связанный с историей первой русской революции в России.

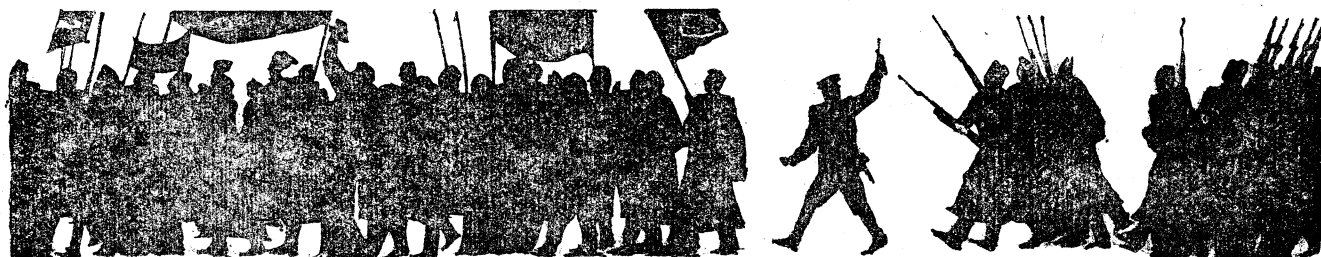
Видному революционеру посвящается...

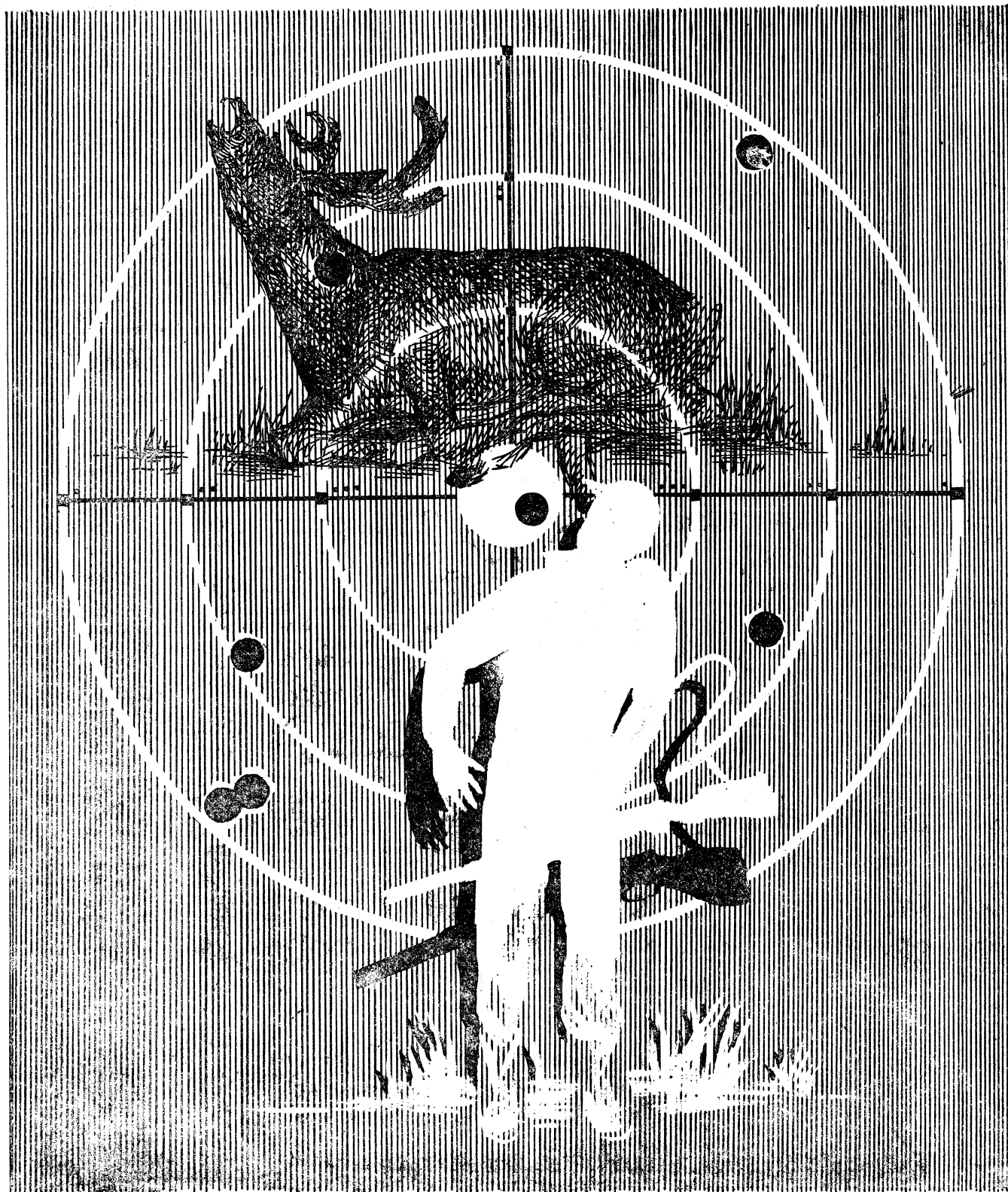
Более пятнадцати лет существует в средней школе одного из районных центров Вологодской области, носящей имя Бабушкина, комната-музей выдающегося революционера Ивана Васильевича Бабушкина. В ней создана большая экспозиция, рассказывающая о всех периодах его жизни; представлена переписка с авторами книг о рабочем-революционере, фотокопии документов.

...Иван Васильевич Бабушкин был видным деятелем социал-демократического движения в России, стоял у истоков создания РСДРП, вел революционную работу среди пролетарских масс, принимал участие в выходе первого номера «Искры».

В 1906 году, во время первой русской революции, Бабушкин вез с пятью другими товарищами большую партию оружия в Иркутск, где незадолго до того была разгромлена социал-демократическая организация. На станции Мысовая Байкальской железной дороги поезд был остановлен карательной экспедицией царского генерала Меллера-Закомельского. Все шестеро революционеров были расстреляны без суда на краю наскоро вырытой братской могилы. Перед смертью Бабушкин отказался называть себя...

В школьном музее есть копия картины художника А. Мазина «Расстрел на станции Мысовая».

Тимур СВИРИДОВ

Рисунки С. Копылова

КОНЕЦ ОХОТНИЦЬЕГО СЕЗОНА

1.

Раннее холодное утро знобило тело. Теперь уже, слава богу, не моросило, как на рассвете, но трава вокруг была сыра и скользка. Силвер отер мокрую щеку о грубую ткань куртки на плече и вновь глянул в редкий туман, клубящийся меж молодых елей впереди.

Звонко и резко засвистела наверху какая-то птаха, тут же, глухо захлопав крыльями, сорвалась с ветки и унеслась прочь.

Вновь стало первозданно тихо. Лес пребывал в сонном оцепенении, словно не зная, что сегодня — первый день открытия...

Рядом, сзади справа, послышался шорох. Силвер медленно обернулся и увидел, что это лежащий подле него егеря меняет позу. Мог бы и потише!

Куртка и комбинезон, слава богу, не промокли, но хранить тепло было все труднее. Холод тонкими ледяными щупальцами пробирался к телу, онемевшему от неподвижности.

Сколько они уже лежат? Два часа? Три?

Силвер вздохнул полной грудью и прикрыл глаза. Тяжелый, длинный, удобно расположившийся в руках механизм тоже был холоден. Но рождаемое им чувство уверенности и предвкушения согревало душу. Парадокс?

Вновь зашевелился егеря.

«Черт побери, а вдруг Он уже поблизости? Чего этот болван расшумелся? — озлобился Силвер, но тут же одернул себя: — Спокойно, Бак, собак-то не слышно. Нет еще собак!»

Себе Силвер шевелиться не позволял. Еще бы! Если бы этот егеря выложил столько, сколько содрали с него, Силвера, за один только день и за один только удачный выстрел, он бы тоже сейчас лежал камнем, тоже пыхтел себе под нос и терпел.

— Силвер! — послышался сзади тихий свистящий шепот, и Силвер задохнулся от возмущения. — Силвер, вы меня слышите?

— Заткнитесь! — по-змеиному прошипел охотник.

— Не дурите, Силвер. Вы же слышите — облавы еще нет. Может, они вообще стороной пройдут.

Силвер не ответил.

— Поболтаем, а? Так ведь и околеть недолго...

— А вдруг Он уже здесь? — Силвер позволил себе обернуться к егерю. Тот лежал, приподнявшись на локтях и подперев голову руками. Ружье, словно бесполезный кусок металла и дерева, легкомысленно валялось рядом, прямо на мокрой и холодной траве. Загорелое лицо егеря, его блеклые голубые глаза и короткая бородка с усами вызвали у Силвера прилив отвращения, и он отвернулся, опять впившись взглядом в рваные ключья тумана впереди. Там должен был появиться Он.

— Он — здесь? — уже громче повторил за ним егеря и почему-то рассмеялся коротким каркающим смехом. — Не-ет. Он не умеет красться. Когда Он будет приближаться к нам, даже вы услышите. Он пойдет напролом сквозь кустарник...

— Да замолчите же вы или нет? — отчаянно взмолился Силвер, и егеря замолчал. Обиделся? Тем лучше. Хорош егеря — болтун, каких мало! Странный они народ — егеря. Неужели не хватает терпения спокойно лежать и ждать?

Сзади опять зашуршало. Потом сопровождающий засопел и пару раз негромко кашлянул.

«Черт! — подумал Силвер. — Да он просто хочет сорвать мне охоту. И плевать ему, сколько я ждал и сколько платил!»

Он осторожно, стараясь не производить лишнего шума, размялся, сильно, до изнеможения напрягая по очереди разные мышцы. Пошевелил затекшей шеей, повертел головой. Застоявшаяся кровь тугими толчками побежала по телу. Холод отступил.

Далеко впереди, за дальним лесом, на взгор-

ке, где уже не властен был туман, поднялась стая черных птиц, отсюда казавшихся точками на фоне розовых полос рассвета. Силвер замер, напряженно вглядываясь, но ухо не ловило никаких звуков. Ни шороха.

— Не могу понять, что приводит сюда таких людей, как вы,— раздалось сзади.

Силвер прикрыл глаза от досады и выругался одними губами.

— Почему вам хочется их убивать?

«Ну почему? — затосковал Силвер. — Почему мне все время попадают такие мерзкие егеря? И в прошлом году, когда открыли сезон и посчастливилось попасть в список участников первого дня, другой парень, как две капли похожий на этого, только без бородки и усов, тоже зятянул душеспасительную беседу. Слово здесь не охотничий заповедник, а богадельня! Мне охота их убивать, потому что я охотник. Глубоко в душе, в крови. Потому что во мне все звенит и поет, когда я вижу несущегося зверя, потому что момент, когда плавно спускаешь крючок, дает самые захватывающие ощущения, которые можно получить за деньги. Почему... Да потому, что я люблю это делать, осел бородатый!»

— Они же, как и мы с вами, из плоти и крови. По их жилам течет такая же, как и в нас, красная кровь. Им так же больно и страшно.

Силвер молчал, решив больше не обращать внимания на егеря.

«Пусть развлекается словесами... Кровь, как у меня? Так что же? Мои предки были хищниками и прокладывали себе путь в этом мире когтями и клыками. Уж таковы законы, таковы правила игры, именуемой жизнью...»

Опять стало тихо. Егерь молчал, подбирая слова, которые могли бы задеть за живое. Пусть старается парень. На самый главный вопрос он ответа дать все равно не может: если уж так им всем противна охота, то почему же раз в году, две недели подряд, они разрешают охотникам отстреливать дичь в этих и других лесах? Ага? Да потому, что таковы правила игры, и ничего они не в силах сделать, им негде больше взять средства на содержание своих великолепных заказников, черт их дер! Вот и остается читать проповеди тем, кто уже уплатил свой взнос!

— Идут,— обреченно ухнуло сзади.

Силвер хмыкнул и замер, прислушиваясь.

Далекий собачий лай неосознано тонкой волной летел над полем и лесом, согревая сердце и лаская слух. Идут!

Скоро в общем далеком шуме стали различаться отдельные голоса — тонкий заливи́стый лай и низкий, басом, прерывистый гав. Судя по

голосам, собак было штук пять-шесть. Хорошо! Вот уже слышны и неразборчивые крики загонщиков, стремящихся послать зверя точно на охотника.

Звонко клацнув, Силвер взвел оба курка.

— О, боже! — прошептал сзади егерь.

— Тихо! — шикнул на него Силвер и энергично пошевелил пальцами правой руки, готовя их к необходимой плавности и твердости.

— Помните, Силвер,— зашипел напористо егерь,— до первого попадания!

Силвер мотнул головой, отмахиваясь от него, и приложил щеку к прикладу поднятого с земли ружья. Лакированное дерево было холодно и скользко. Он несколько раз прицелился и опустил ствол, выжидая.

Гон был уже близко. Оба замерли, взвинченные ожиданием, один — зорко высматривая добычу, другой — следя за первым.

— Вон! — выдохнул Силвер, когда на взгорке возникло темное пятно и стремительно мелькнуло вниз. Прошла секунда, другая, и там же показалась свора — рыжие большие собаки.

Ружье словно ожило в руках, рыча стволем по лесу, приклад уже нагрелся и теплом отдавая в руку. Все в Силвере клокотало и бурлило. Миг, так долго ожидаемый миг охоты наступил!

Наконец послышался треск ломаемых сучьев. Силвер вскинул ружье.

Ох, как великолепен Он был! Поджарое стройное тело с широкой грудной клеткой, на которой светлым треугольником виднелось белое пятно. Величественная осанка, гордая голова чуть отнесена назад, словно отяжеленная огромными раскидистыми рогами. Он летел стремительно, ломая напрямую сквозь растения, что преграждали ему путь.

— Маури! — ошеломленно и отчаянно вскрикнул егерь, но было уже поздно. Олень мчался прямо на них!

Силвер поймал великолепного зверя в прицел, но медлил — пока еще слишком далеко.

Внезапно волна острого сожаления захлестнула грудь. Нет, нет, дело было не в звере: как жаль, что он только один — этот прекрасный, упоительный миг охоты! Стоит выстрелить — и все закончится...

Лай уже рвал барабанные перепонки. Олень то исчезал за стволами, то вновь появлялся, но прицел следовал за ним, как приклеенный.

Не уйдет! — радостно билось в сознании. Силвер видел, что зверь уже в пределах досягаемости, но медлил, выжидая момент. Стрелять только наверняка!

— Ну, стреляйте,— еле слышно за лаем прошипел егерь.

Зря старается. Раньше времени выстрелишь — все пойдет прахом. Неточное попадание. Всего лишь ранение. Никаких трофеев. Нет! Он привезет домой эти роскошные ветвистые рога, обязательно привезет!

Этот миг пришел. Силвер почувствовал — пора! И нажал на спусковой крючок.

— Ба-бах! — рвануло над самым ухом и отдачей больно дернуло плечо.

Олень вздрогнул всем телом, но продолжал нестись дальше, взяв вправо.

— А-а! — радостно завопил егерь.

— Промазал? — удивленно воскликнул Силвер и, чуть отстраня от себя ружье, возмущенно и горько посмотрел на него. — Тогда за мной еще один выстрел!

— Нет! — бородатое лицо егеря искажала злорадная гримаса. — Вы его ранили!

Силвер не отрывал взгляда от удалявшегося зверя и тут же заметил, что шея и часть еще видного светлого пятна обгабрились кровью.

— Отдайте ружье! — требовательно крикнул егерь.

Силвер, не глядя, сунул ему ружье и, униженный, поднялся.

Ранил! Всего лишь ранил!

Ну, конечно, он метил в голову, чтобы наверняка, а попал в шею. Но ведь шея — тоже важный орган, — лихорадочно соображал Силвер, — неужели только задел?

Внезапно у оленя подкосились ноги, он словно споткнулся и упал на землю.

— Маури! — крик егеря перекрыл лай и визг. — Ну, Маури!

Олень дергался на земле. Судороги сводили его конечности, пена у темных губ была алого цвета.

«Только бы рога не поломал», — вдруг подумал Силвер, и тут до него дошло, что он-таки его прикончил. Да! Он все-таки застрелил оленя! Силвер отер трясущиеся от возбуждения руки о штаны, облизнул пересохшие губы и помчался туда, к поверженному зверю. В ту же секунду где-то рядом в воздухе затарахтел вертолет, и голос, усиленный до рези в ушах, скомандовал:

— Попадание! Силвер Бак убил оленя Маури. Всем покинуть зону! Бак, вам пришлют его рога. Уходите. Повторяю — всем покинуть зону!

Но Силвер, словно не слыша, продолжал бежать к своей жертве. За ним, тоже молча и быстро, бежал егерь. Слыша его шумное дыхание за собой, Силвер прибавил ходу, хватая воздух широко открытым ртом.

— Стойте, Силвер! — крикнул сзади егерь.

Но тот продолжал бежать, преодолимое чув-

ство влекло его к поверженному лесному красавцу. Он бежал, упруго переставляя ноги, перепрыгивая через канавы и уворачиваясь от хлестких колючих ветвей, слыша сзади сопенье, крики и лай...

И вдруг все переменялось.

Непонятным фокусом над миром повис смертельный мрак, и только небольшой освещенный круг остался в нем. В круге — олень и он. Внезапная тишина. Силвер по инерции пробежал еще несколько шагов и остановился, тяжело дыша, с выпученными глазами.

— Что это? — услышал он сзади, оглянулся и увидел, что тут оказался и егерь.

— Вам виднее, — судорожно глотнув, сказал Силвер, — ведь это ваш заповедник.

В тишине отчетливо слышался предсмертный храп оленя, словно усиленный микрофоном.

— Что это? — опять тонко взвизгнул егерь.

Пространство за освещенным кругом было непроглядно черным. Но Силвер не испугался — бывал в переделках и посерьезнее.

Оглядываясь по сторонам, они заметили, как из черноты выплыло что-то непонятное, жирно блестящее и извивающееся. Тоже черное, оно наконец оторвалось от черноты, его породившей, и замерло, как Силвер с егерем.

В молчании протекла долгая минута.

— Земляне! — вдруг раздался голос.

Черный червяк перестал извиваться и замер.

Силвер и егерь, сами того не замечая, попятиться друг к другу, инстинктивно стараясь держаться поближе.

— Всем гуманоидам: уюркская охота начнется через пол-студы, по-земному — через три дня. Столь огромный предварительный срок назначен в связи с неподготовленностью земных гуманоидов к подобным охотам. Уюркская охота будет вестись по правилам среднего агбала нашего заповедника Жуст.

Голос говорил, и кожа Силвера словно покрывалась ледяной коркой от страха по мере того, как до него доходил смысл сказанного.

— Согласно этим правилам сотня гуманоидов будет подготовлена к выживанию путем устранения опасности для них от второго и, главное, третьего рода оружия — пульпы. Благодаря этой гуманной мере не должно быть места страхам по поводу уничтожения вашего вида в целом. Он, несомненно, сохранится. Итак — удачной охоты!

Что-то произошло в окружающем пространстве — чернота стала меркнуть, просветляться.

— Стойте! — заорал вдруг егерь, и Силвер вздрогнул от истошного вопля. — Но ведь мы же разумные! Вид гомо сапиенс!

— Конечно! — процесс высветления приостановился, и вновь возникший черный червяк с интересом направил в их сторону голову или, может быть, хвост. — У нас отмечены именно вы — Земля, гомо сапиенс, класс двуруких, подотряд гладких, семейство речевых... Короче — вы!

— И на нас — охотиться? — негнуцимся губами прошептал Силвер.

— Охотиться... Не на вас конкретно — повторяю, сотня индивидуумов с различным генофондом сохраняется для спасения вида в целом.

— Так мы... — начал было Силвер, но его перебил егерь:

— Этого не может быть! Где уважение к разуму? Вы должны с нами установить интеллектуальный контакт! — его крик, сорвавшийся в конце на тонкую визгливую ноту, жутко и дико прозвучал в тишине.

Снова слышались хрипы умирающего оленя.

— Казимеж! — прозвучало в ответ. — Только что Силвер убил на ваших глазах оленя Маури. Где же был ваш интеллектуальный контакт?

Егерь бросил испепеляющий взгляд на Силвера, словно это он был повинен во всем происходящем.

«Так его зовут Казимеж? — пронеслось в мозгу Силвера. — Вот не знал, что он — поляк».

— Но ведь они — неразумные, — упавшим голосом сказал Казимеж.

— А вы — разумные? — Силверу почудилась в этих словах ирония, на самом деле голос был лишен всяких эмоций. — Галактическое Уложение Ж — 1145/25 предписывает, что цивилизация, вышедшая из зачаточного состояния, должна рассматриваться согласно установленным ею законам. Что касается данной ситуации — то, поскольку у вас существует понятие охоты, вы автоматически переводитесь в разряд подохотных цивилизаций. Полтора труда назад в жеребьевке выпала ваша планета. Так что, Силвер и Казимеж, готовьтесь к продолжению вида и постарайтесь не обращать внимания на охоту.

— Подождите! — крикнул егерь. — Этого не может быть!

Но черный жирно блестящий червяк уже всосался в окружающую их тьму, и та сразу же начала рассеиваться. Вместе с яркими солнечными лучами вернулись крики, лай, визг и тараканье лопасти над головой.

— Силвер, срочно покиньте зону! — опять гаркнул динамик, но он продолжал стоять, словно оглохнув, не замечая ничего вокруг, кроме оленя, возвышавшегося тяжелой темной горой. Олень больше не хрипел.

2.

— Вы бы проваливали отсюда, — тусклым тихим голосом сказал Казимеж.

Силвер огляделся, сделав вид, что не слышал. Домишко, в котором жил егерь, ему сразу понравился, и теперь, оказавшись внутри, он исподлобья рассматривал убранство. Поляку не откажешь во вкусе — никакой стеклянной и пластиковой дребедени. Везде дерево, дерево, дерево. Пожалуй, таким и должно быть жилище человека, связанного с природой. Немного странно отсутствие растений в доме, зато их избытком снаружи.

Казимеж сидел за грубым деревянным столом, уронив голову и закрыв лицо ладонями. В душе Силвера шевельнулось теплое чувство.

«Странно, — подумал он, — неужели дом может лучше сказать о человеке, чем его лицо? Впрочем, что — лицо? Тогда, на охоте, егерь просто мешал ненужной суетой и болтовней... Может, поэтому и родилось отвращение? А теперь мы — в одной упряжке...»

— Казимеж, — негромко сказал он, сразу, чего церемониться, переходя на «ты». — Как ты думаешь, они серьезно?

Поляк поднял голову и пристально посмотрел на него, не отвечая.

— Угу. Значит — серьезно, — решил Силвер.

На стене, освещенные солнечными лучами, висели ружья — три штуки. Одного взгляда было достаточно, чтобы оценить их достоинства: простая и удобная охотничья двустволка, карабин десятизарядный 22 калибра, а над ними сверкал своим великолепием «спрингфилд» с оптическим прицелом — дорогое ружье, из которого запросто можно с полутора метров уложить и буйвола. Зачем бы этому поляку оружие, если он такой противник охоты? — внутренне ухмыльнулся Силвер.

— Я не стрелял ни из одного, — Казимеж, видимо, перехватил его взгляд.

— Подарки?

— Можете считать, что так... — поляк помолчал и добавил: — Эти штуковины мне отдали клиенты, которых я все-таки сумел убедить.

— Не стрелять?

Казимеж кивнул.

Силвер подошел к стене и любовно погладил светлое дерево дорогого приклада. Потом обернулся к поляку:

— Интересно, кто это в состоянии преподнести такие подарки первому встречному. Ведь, насколько я понимаю, ты не был раньше знаком с обладателем «спрингфилда»?

— Не был. Это Сэндай.

— Японец?— удивился Силвер.— Вот уж не думал, что буддиста легче обезоружить, чем христианина!

— Прекратите, Силвер!— вдруг вскипел Казимеж.— Слышите, прекратите! Что вы мелете всякую чушь, в то время, как...

— Не вздумай убеждать меня,— перебил его Силвер,— что вся ответственность за этот грядущий апокалипсис ложится на нас — охотников! Так уж устроен мир. Сильный всегда преследует слабого — душит, рвет когтями, стреляет! Мы потому и стали людьми, что умели противопоставить окружающему нас злumu и страшному миру свою волю и силу. Мы отвечали ударом на удар, и раз от раза у нас это получалось все лучше и лучше. У нас башка посообразительнее — и мы наносили удары сначала палкой, камнем, а потом стрелой, пулей, ракетой...

— Ядерной бомбой,— язвительно вставил поляк.

— Да, и ядерной бомбой! И еще черт знает чем будем,— сказал Силвер и осекся.

Повисла тишина.

— Доброта, любовь,— тихо промолвил Казимеж.— Лишь они...

— Какая, к черту, доброта?— яростно обрушился на него Силвер.— Где она? Ты же сам

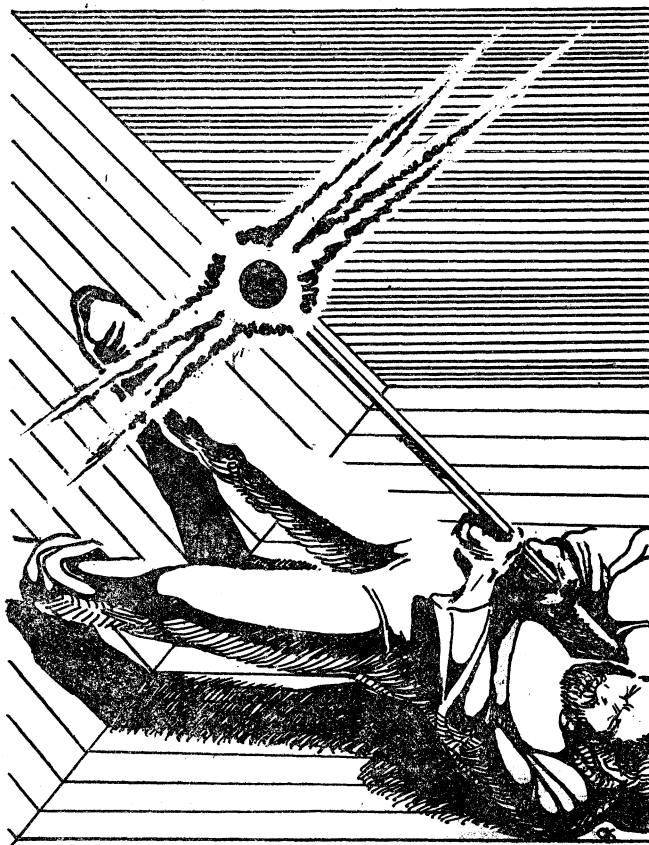
был свидетелем — в космосе нет понятия доброты, как нет справедливости, любви, гуманности и еще многих других понятий, существующих лишь в воображении сопляков. Плевали они на нашу доброту! Через три дня начнется охота на людей, самая захватывающая охота из тех, которые нам доводилось когда-либо видеть!

Казимеж поднялся из-за стола, опрокинув при этом стул, на котором сидел, и подскочил к Силверу. Он был среднего роста, и его глаза находились на уровне подбородка Силвера. При желании Силвер мог бы рассмотреть редкие светлые волосы на его начинающей лысеть макушке.

— Уходите,— тихо и угрожающе начал поляк, и стало заметно, что у него подрагивает нижняя губа.— Убирайтесь отсюда к...

— Что-о?..— удивленно протянул Силвер и легонько оттолкнул от себя поляка.— Послушай, ты, славянская шелупонь...

Казимеж ударил его в лицо. Силвер успел среагировать, и удар получился слабым, лишь скользнул слева по нижней челюсти. Тут же качнувшись вперед, Силвер нанес противнику подряд два хлестких крюка — правой и левой, по

корпусу, словно по мешку в тренировочном зале. Казимеж отлетел к стене, но устоял на ногах, опершись спиной о тесаные бревна.

Это поразило Силвера.

— Тебе мало? Хочешь еще? — начал было он, потирая рукой зудевшую скулу, но, на какую-то секунду выпустив из поля зрения поляка, увидел направленный в свою грудь ствол «спрингфилда».

— Брось, там же нет патронов, — храбро сказал Силвер и протянул вперед руку, но тут же услышал оглушающее:

Ба-бах!.. Ба-бах!.. Ба-бах!

В глаза ударили короткие снопы огня, словно током пронзило тело. «Все! Конец...» — подумал Силвер, но не почувствовал никакой боли. В голове помутилось. Он не ощущал страха, только было бесконечно обидно, что все кончается так до смешного глупо. Открыв глаза, увидел перед собой перекошенное лицо поляка.

Ба-бах! Ба-бах! Ба-бах! — снова загремели выстрелы.

Странное дело, но Силвер действительно ничего не чувствовал. Ни пуль, ни боли, ни толчков. «Этого не может быть, — тупо соображал он. — На таком расстоянии меня отбросило бы на несколько метров...»

Поляк растрелял все патроны и побелевшими пальцами продолжал стискивать бесполезное оружие.

Силвер дрожащей рукой, еще не веря, ощущал себя — сначала грудь, потом лицо. Ничего!

Поляк тихо обмяк и закрыл глаза.

— Забыл, — тихо сказал он. — Совсем забыл, что мы теперь...

Резко зазвонил телефон.

Силвер взглянул на него и словно очнулся. Смахнул со лба щедро выступившие капельки пота, зябко передернул плечами. Стиснул зубы, глядя на Казимежа.

Жив, жив, — молотом стучало в висках.

Он почувствовал, что под мышками и на спине рубаха липнет к телу, влажная и холодная.

Телефон продолжал трезвонить — голосисто, требовательно. Силвер заметил, что губами считает звонки — восемь, девять, десять...

— Подними трубку! — крикнул он Казимежу, но вместо голоса услышал какое-то хрипенье.

Поляк открыл глаза щелочками, изучая Силвера, словно видя его перед собой впервые.

— Трубку подними, — повторил Силвер, и на этот раз у него почти получилось.

Казимеж отшвырнул блестящий «спрингфилд» и оторвал спину от стены. Оружие отлетело и звучно, прикладом, шлепнулось о зеркало. Стихим хрустом посыпалось расколотое стекло.

Силвер не шевелился.

Поляк нетвердой походкой подошел к надрывающемуся аппарату и сорвал трубку.

— Да! — Не отрывая трубку от уха, он повернулся к Силверу и, рефлекторно накрыв микрофон ладонью, спросил: — Капитан Силвер Бак — это вы?

— Да.

Казимеж положил со стуком трубку на подоконник и отошел в сторону.

Силвер, по привычке подтянувшись, подошел к телефону и сделал строгое лицо.

— Капитан Силвер Бак на линии! — сами собой вылетели чеканные слова.

— Это Фэрфилд. Какого черта, капитан! Я разыскиваю вас по всему району, — голос его звучал сухо и напряженно.

— Что случилось? — удивился Силвер. — Я в увольнении и, насколько мне известно...

— К черту увольнение! Объявлена готовность Р-Р. Самое большое через полчаса вы должны быть в штабе. Вы все ясно расслышали?

— Да, — после небольшой паузы сказал Силвер, — через полчаса в штабе.

— Действуйте! — Фэрфилд повесил трубку, и Силвер тут же кинул свою на рычаг телефона.

Воцарилась тишина. Силвер продолжал стоять, тупо соображая, что через полчаса ему надлежит уже находиться в штабе дивизии, что сейчас ему надлежит быстрее молнии бежать, приводить себя в порядок, сломя голову нестись в расположение... Это как-то не вязалось с тем, что в него только что выпустили обойму из «спрингфилда» и он остался живым...

Однако нужно было и в самом деле что-то предпринимать, и Силвер наконец решился.

«Почему я стою здесь? — пронеслась в голове обжигающая мысль. — Если объявлена готовность Р-Р, значит, командование уже в курсе происшедшего, значит, по-прежнему армия готова к молниеносной реакции. Почему я до сих пор еще здесь, ведь именно меня — неуязвимо-го солдата — им больше всего и не хватает для борьбы с инопланетчиками! Откуда взялась эта пагубная отчаянность и покорность судьбе? — он ощущал в душе необычный подъем. — Земляне — не кабаны или олени, они не так уж и безоружны перед лицом неведомого врага, и они не позволят превратить родную, милую Землю в охотничий парк! Мы вовсе не собираемся сдаваться на милость победителей без борьбы!»

— Я уезжаю! — бросил Силвер Казимежу. — Там я нужнее.

3.

Сон был нескончаем.

Казимежу мерещились уюрки — страшные уроды, помесь рыб и динозавров, они злорадно и хищно разевали зубастые пасти. Уюрков было много и становилось все больше и больше. Они рыскали по городам, и у каждого сверкал в лапах новехонький «спрингфилд», изрыгающий язычки пламени. Толпы людей в страхе металась по улицам, прятались в закоулках квартир, но везде их настигали разящие пули и хищные пасти.

Над всем этим чудовищным зрелищем стояли они с капитаном, оцепенев от ужаса...

Казимеж даже не сразу понял, что его разбудило. Он еще мотал головой, стряхивая остатки сна, когда телефон прозвенел во второй раз. Казимеж поднялся и тут же заметил, что спал не раздеваясь, перепачкав покрывало сухой грязью сапог.

За окном едва светало.

— Да!

— Слушай меня внимательно, — послышался четкий голос Силвера. — Как можно скорее... Ты спал, что ли? Одевайся, и чтобы через полчаса быть там... Ну, знаешь, где мы лежали в засаде.

— Зачем? — осведомился Казимеж.

— Объясню потом. Это очень важно! Быстрее, нас, возможно, прослушивают. До встречи! — трубка тихонько загудела ритмичными тире. Казимеж не успел еще повесить свою, как в ней что-то щелкнуло, и незнакомый властный баритон произнес:

— Сидите на месте, Казимеж, и никуда не выходите! Вы поняли — никуда!

От этого баритона повеяло мертвящим холодком безвыходности, но Казимеж лишь улыбнулся и швырнул трубку на рычаг. Он был одет, часы на руке. Немного подумав, поднял с пола «спрингфилд», из ящика стола достал и сунул в карман две коробки патронов — все, что у него было. В прихожей, уже натягивая брезентовую куртку защитного цвета, решил, что не мешало бы подкрепиться, забежал на кухню и быстро покидал в пакет нашедшуюся там снедь. Теперь, пожалуй, можно бежать к Силверу.

На дворе было свежо. Светлый сизый полумрак уже начинал расступаться. Птицы проснулись и проверяли голос.

«Сколько же времени?» — подумал Казимеж, стараясь пристроить незачехленный «спрингфилд» так, чтобы на бегу тот не бил по бедру.

От его избушки до места вчерашней засады на Маури было что-то около трех километров. Он должен успеть вовремя...

Метрах в трехстах от условленного места Казимеж услышал вдруг далекое тарахтенье. Удивленно и настороженно повернув головой, он определил направление источника звука и замер, присев у молодого невысокого деревца.

Звук — это был треск лопасти вертолета — постепенно нарастал, приближаясь, пока не превратился в грохот. Вот меж вершинами деревьев скользнула огромная серая тень и, притормозив, опустилась на поляну.

Двигатель огромной стрекозы выключился, некоторое время лопасти еще крутились по инерции. Откинулся люк машины, и оттуда показалась фигура капитана.

— Казимеж! — проорал он. — Ты здесь?

Казимеж поднялся и побежал к Силверу.

— Скорее, скорее! — орал тот. Потом скрылся в чреве вертолета, и через несколько секунд вновь ожили уже было остановившиеся винты. Казимеж, пригибаясь от ветра, подбежал к машине и по трапу поднялся в кабину.

— Закрой люк! — Сидевший в кресле пилота капитан был в шлеме, в зеленой форме с погонами и смотрелся в этом виде очень естественно.

Схватившись за поручень, Казимеж со всей силы хлопнул дверцей, она со щелчком закрылась.

— Садись рядом! — крикнул, перекрывая шум мотора, капитан.

Казимеж подчинился. Он пристроился в кресле второго пилота и, разобравшись в ремнях, пристегнулся. Тут же пол дернулся под ногами, и окружающий лес поплыл вниз.

Силвер вел машину над самыми верхушками деревьев. Он, вероятно, был асом своего дела. Бросил взгляд на «спрингфилд», примостившийся меж коленями поляка, усмехнулся.

— Оставь эту хлопушку, Каз. Здесь есть кое-что получше. А это что? — он кивнул на кулек.

— Еда.

— А, хорошо. Хотя, мне кажется, неуживым и без пищи не обязательно помирать с голоду, — он весело заржал, и Казимеж обратил внимание на то, что Силвер вообще пребывает в боевом, приподнятом расположении духа.

— Ты не спрашиваешь, почему я тебя поднял в такую рань?

Поляк пожал плечами, словно что-то в этом роде он давно ждал и ничуть этому не удивился.

— Ну так вот, — мельком глянув на него, сказал капитан. — Я думал, Р-Р объявлена в связи с тем, что наверху прочухали про уюрков. Не тут-то было! Эти ослы задумали поиграть в маневры в Карибском. Представляешь, через два дня — уюркская охота, а они маневры!

— И что же вы решили?

— Да брось ты это «вы», в конце концов! Я понял, что мой прямой долг — лететь к президенту и лично рассказать ему обо всем. Может быть, мы еще успеем подготовиться.

— Подготовиться — к чему?

— К охоте! У нас все-таки одна из самых сильных армий!

— До президента далеко...

— Ерунда. Насколько мне известно, он сейчас на своей вилле «Ноев ковчег». В трехстах километрах отсюда. Мы дойдем до него и все расскажем. Все как есть, и пусть он отдает приказ о готовности к дополнительной мобилизации...

— Силвер! — вдруг крикнул Казимеж. Он почувствовал, как ком поднялся к его горлу и мощно затучало сердце. — Силвер, я придумал! Здесь, сейчас, придумал!

— Что придумал? — удивленно покосился на него капитан.

— Запретить охоту! Понимаешь, повсеместно запретить охоту! Помнишь, — от волнения у него задрожали губы и увлажнились ладони, сжимавшие пакет с едой, — они говорили, что, ржим у нас существует понятие охоты, нас перевели в разряд подохотных цивилизаций... Надо скорее запретить охоту, везде, по всему миру, и тогда мы из этого разряда выбываем!

— Ты думаешь? — усомнился Силвер, одновременно удивившись, как такая простая мысль не пришла ему самому. — А если им вообще не важно, охотились ли мы или нет?

— Все равно, — загорячился Казимеж, — что мы теряем? У нас нет выбора, а это все-таки шанс!

— Хм, — хмыкнул Силвер и собрался что-то сказать, как в кабине вдруг тонко запищало. — Черт, засекли! Посмотрим, что они скажут.

Силвер включил динамик, и тут же полился усталый, но встревоженный голос, лишенный интонаций и твердящий одно и то же:

— Бак, Бак, ответьте. Бак, ответьте!

— Что тебе, Фэрфилд? — поинтересовался Силвер.

— Бак! — сразу же оживился тот. — Ты что, с ума сошел? Какого черта ты угнал вертолет, что все это значит?

— Старина, — весело откликнулся Бак, — зря ты мне не поверил. Вот теперь я лечу без тебя к президенту.

— Осел! Тебя даже на пушечный выстрел не подпустят!

— Посмотрим!

— Капитан Бак, — ворвался третий, властный и низкий голос, — приказываю сейчас же посадить вертолет и выйти из машины.

Силвер повернулся к Казимежу, пояснил:

— Полковник, — и тут же закричал: — Сэр, я не могу выполнить ваш приказ! Интересы государства требуют от меня обратного.

И отключил своих собеседников.

Казимеж зачарованно глядел, как на лбу капитана выступали крупные бисерины пота и, скользя, скатывались по вискам.

— Они попытаются нас сбить? — спросил он.

— Попытаются! — уверенно сказал Силвер. — А нам никак нельзя, чтобы нас сбили. Без вертолета будет трудно одолеть оставшиеся двести километров, тем более что нам постараются помешать. А времени так мало!

— Что же делать? — растерянно проговорил поляк.

— А ничего. Сиди и смотри. Я иду на минимальной высоте. Ракетами им меня не достать.

Впереди по курсу появились в алеющем небе четыре крупных точки.

— Ага! — сказал капитан и попытался прибавить ходу, но двигатель надсадно выл, и без того работая на пределе.

Точки постепенно росли, на глазах превращаясь в маленькие копии их вертолета. Когда они увеличились до размера жуков, поочередно у каждого что-то вспыхнуло на маленьких подкрылках, мгновенно приблизилось и с жутким визгом промчалось мимо. Но перед тем капитан нажал на какие-то кнопки, и, сорвавшись отсюда, уже от их собственной машины ринулись вперед два темных продолговатых предмета. Каждая из ракет угодила в цель — беззвучно вспыхнули вдалеке, плюясь белыми искрами, два вертолета, задымили, повалились вниз.

— Капитан! — что было духу заорал Казимеж. — Не стреляйте больше!

Силвер взглянул на него из-под опущенных бровей — губы сжаты в нитку, в лице ни кровинки — и кивнул. Он тоже понял уже, что сбить их вертолет не могут.

Внизу, рассекая гущу леса, промелькнула автострада с мчащимися по ней военными машинами. Оттуда грянули по ним наводящейся ракетой, но она опять прошла мимо.

— А ведь мы так, пожалуй, и впрямь дойдем до президента! — крикнул Силвер.

Армейские вертолеты уже взяли их в кольцо и вели, изредка пробуя на прочность выстрелами из крупнокалиберных пулеметов. Вдруг один из них отделился от общего строя и направился в их сторону. Его громада неумолимо росла.

— Кажется, они хотят нас протаранить! — крикнул поляк.

— Пусть попытаются.

Вертолет приблизился к ним почти вплотную и тут, словно зацепившись за что-то лопастями, заскрежетал и ухнул вниз. Казимеж проследил за ним взглядом, насколько позволяло окно иллюминатора, и, потеряв из виду, вновь посмотрел вперед. Минут десять они летели довольно спокойно. Потом Силвер вновь что-то переключил на пульте:

— Внимание! Говорит капитан Силвер Бака! Не пытайтесь меня уничтожить — это невозможно. Мне необходима встреча с президентом. Рандеву на десять минут, не более. Доведите это до его сведения.

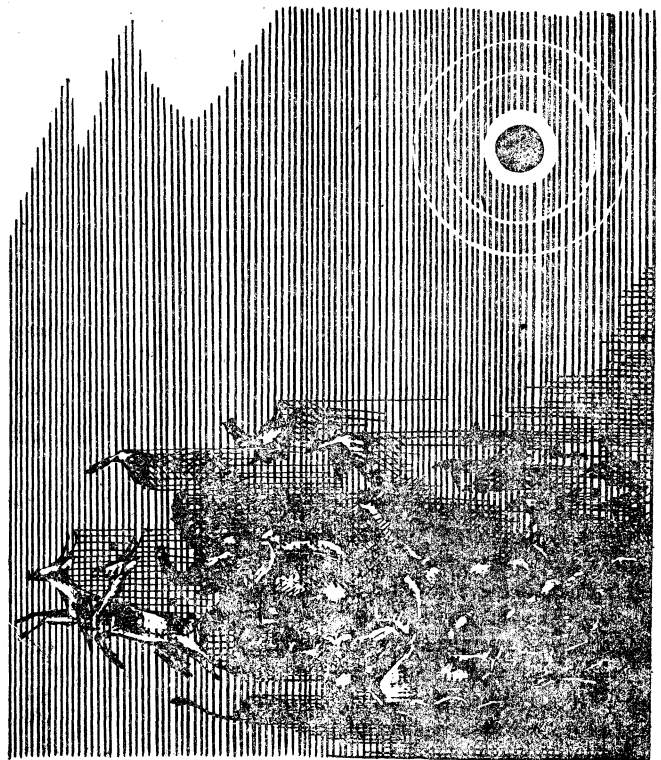
Впереди, удобно и изящно расположившись посреди расчищенного зеленого поля, виднелся плоский розовый дом с пристройками.

— Это и есть «Ноев ковчег»? — спросил Казимеж. Ответить ему Силвер не успел.

— Бака, — раздался вдруг знакомый голос. — Это президент. Чего вы от меня хотите?

— Президент, — снизив тон, сказал Силвер. — Через минуту я буду у вас. Вы могли бы уделить мне десять минут?

— С удовольствием, — весело ответил тот,

порадив этим всех, кто слышал их беседу. — О'кэй!

Лужайка с озером приблизилась моментально.

В динамике послышались команды:

— Вертолетам эскорта прекратить огонь! Наземным службам прекратить огонь! Вертолет Бака посадить у «Ноева ковчег»!

Силвер уверенно снизил машину и повел ее на посадку. Розовый дом можно было уже разглядеть в деталях. Перед главным входом, украшенным чересчур массивной каменной лестницей и стройными деревцами, виднелась фигура человека, который приветственно махал рукой, глядя на них и прикрывая глаза ладонью другой руки. Солнце било ему прямо в лицо. Этому человека можно было узнать сразу.

— Смотри-ка! — крикнул, облизывая губы, Силвер. — А я думал, что он поглубже закопался в свое подземелье...

Легкий толчок известил их о том, что приземлились они нормально. Силвер заглушил двигатель, сорвал с головы шлем и бросился к люку. Прокопавшийся с ремнями Казимеж юркнул следом. Они добежали до подножия лестницы и легко поднялись по ней.

Президент улыбался им знакомой телевизионной улыбкой.

— Мы пришли...— тут же начал было Силвер, но президент остановил его жестом.

— Я думаю, в холле нам будет удобнее.

— О, конечно,— ответил капитан.

Холл был невероятно огромен и светл. Президент прошел к столику и поднял в руке стакан:

— Виски?

Силвер кивнул, не зная, как вести себя в этой обстановке. Казимеж отрицательно мотнул головой.

— Понятно,— президент наплескал в стакан из темной квадратной бутылки и подал его Силверу. Казимежу и себе налил тоника.

— Я слушаю вас, джентльмены!— Он сел в кресло, закинул по-свойски ногу на ногу.

— Сэр!— начал Силвер. Он продолжал стоять. Отставив стакан, он слишком громко хлопнул им по деревянному подлокотнику кресла и заметно смутился.— Мы сочли своим долгом сообщить вам о деле государственной важности, иначе не рискнули бы так...

— Врываться в мой дом!— закончил за него сидящий и ослепительно улыбнулся.

— Вчера я был на охоте, с ним,— Силвер кивнул на Казимежа, и тот чуть поклонился,— и там произошло нечто из ряда вон выходящее. Мы беседовали с пришельцами из космоса, и они нас предупредили, что через три дня, то есть послезавтра, начнется на Земле уюрокская охота. Согласно Галактическому Уложению те планеты, на которых разрешена охота, сами могут стать объектом охотничьей экспансии... Мы решили,— снова кивок в сторону Казимежа,— что лучшим способом уберечься от агрессивного вмешательства инопланетчиков будет повсеместное запрещение охоты. Разумеется, параллельно должна вестись усиленная подготовка армии к военным действиям против захватчиков...

— Джентльмены!— снова перебил его президент. Тоже отставив свой стакан, он сидел, упев локти в подлокотники и сцепив пальцы на уровне груди. Теперь, когда он перестал улыбаться, стали заметны многочисленные морщинки, сетью покрывавшие его светло-коричневое лицо.— Джентльмены, я могу вас упрекнуть в невнимании к прессе,— он резко поднялся, схватил со столика кипу газет и швырнул их в кресло рядом с Силвером.— Посмотрите их!

Строчки прыгали перед глазами Силвера, но он все же смог разобрать жирный заголовок передовиц: «КОНЕЦ ОХОТНИЧЬЕГО СЕЗОНА: ЗАПОВЕДНИКИ ТОЛЬКО ДЛЯ ЗВЕРЕЙ!» Все стало на свои места. Значит, президент в курсе!

— Как видите, капитан, на свете, кроме вас, еще есть умные люди.— Он скромно улыбнулся.

— А там, в других странах?

— Везде одно и то же. Охоте — конец. Эти уюрки здорово просчитались — мы среагировали достаточно быстро.

— Слава богу,— Силвер наконец устало плюхнулся в кресло и отер лоб рукавом.

«Так вот в чем дело! — сообразил Казимеж.— Вот откуда эта необъяснимая храбрость президента. Он тоже — неуязвимый!»

— Капитан,— продолжил президент,— забота об общественной безопасности заставляет меня просить вас и вас...

— Его зовут Казимеж,— вставил Силвер.

— И вас, Казимеж, остаться здесь, у меня, в «Ноевом ковчеге». Вы сами понимаете, что ваши необычайные качества должны послужить интересам нации, а не расплытаться в бездействи. Угроза нападения лишь отодвинулась, и мы должны общими усилиями бороться против нее...— президент продолжал говорить, но слов его не стало слышно из-за ужасающего свиста, от которого у Силвера завибрировало все тело.

Дневной солнечный свет, лившийся в широкие окна, внезапно померк, уступив место странному зеленоватому полумраку. С зажатыми ушами, согнувшись от боли в барабанных перепонках, они — все трое — корчились на полу... Наконец визг прекратился, наступила оглушительная тишина.

Казимеж и Силвер помогли подняться президенту. Он был пожилым человеком, и на него было страшно смотреть...

— Земляне! — вдруг металлически проскрежетал голос, исходящий, казалось, отовсюду.— Я, Зри-Имур, уполномочен довести до вашего сведения, что отныне вы переходите в мое подчинение. Согласно правилу X—25467/45 Галактического Уложения, Земля, как вступившая в Единение Миров, рассматривается в соответствии с установленными на ней законами. Невооруженным глазом у вас видна отработанная методика ведения войн и регулярная армия. В связи с этим уведомляю вас, что через пол-студая, равные трем вашим дням, вы вовлекаетесь нами, цивилизациями блока Имур, в Галактический военный конфликт с представителями Шор-Шела. Готовьтесь! Через три дня мы проведем у вас всеобщую мобилизацию.

Зеленый свет начал меркнуть с тем же ужасающим свистом. Президент лежал в кресле, закинув кадык к потолку. Казимеж загнанно оглядывался по сторонам. И только капитан Силвер Бак, сохранив полную ясность сознания, невзирая на боль в ушах сосредоточенно рвал с плеч погоны.

О ФАНТАСТИКЕ — ВСЕРЬЕЗ...

Поговорим?... А чтобы не начинать с азбучных истин, выясним главное — или, во всяком случае, попытаемся.

Кто вы — сегодняшние фантасты? Каков ваш возраст? Что успели сделать в жизни? И что — написать и напечатать? Как пришли к фантастике, чем она вас к себе притянула? Зачем вы ее пишете — и почему? Что считаете в ней самым важным? Что в ней категорически не приемлете — и чего ей, на ваш взгляд, не достает сегодня!

По нашей прикидке, фантастику в стране пишут — профессионально или близко к тому — примерно полтысячи человек. Это и маститые, чьи имена у всех на памяти, и авторы первых книг, и те, кто на пути к такой книге. И, наконец, те, кто еще не шагнул дальше одной-двух журнальных публикаций или эпизодического участия в коллективном сборнике, но — внушает надежды...

500 человек. Сразу оговоримся: цифра эта, конечно, во многом условна, ибо основана на наших собственных наблюдениях; у другой редакции, другого специалиста она может быть иной; но каких-либо общепринятых данных на этот счет нет — и потому будем все-таки исходить из нее. И тотчас зададимся еще одним вопросом: 500 фантастов — много это или мало? Поразмышлять есть над чем!

От еще нескольких цифр. За пятнадцать лет (1980—1984) наш журнал напечатал 11 повестей и полсотни рассказов, принадлежащих перу 45 фантастов. 28 из них (почти две трети) — новички для «Уральского следопыта», а для десяти наша публикация вообще стала первой в жизни.

При сугубо ведомственном подходе цифра «500» может, пожалуй, и напугать, не так ли?

Но фантастика печатается не только в «Уральском следопыте». И если смотреть на дело достаточно широко — не окажется ли, что полтысячи фантастов для нашей страны — все-таки маловато в век НТР?

Что ж, в таком случае примем во внимание, что у этой полтысячи отчетливо просматривается резерв: те, чей удел покамест — коллекционирование вежливых (и не очень) отказов из редакций. Вот уж их-то — тысячи

и, пожалуй, даже многие: если лет пятнадцать назад школьники старших классов, к примеру, в массовом порядке атаковали редакции стихами, то теперь... теперь не менее массово пишут фантастику. Пишут — начиная со второго класса, тотчас по овладении начатками грамоты! Что за этим стоит — понятно: на дворе-то двадцатый век на исходе. НТР! Могучее веяние того, что кроется за этой аббревиатурой, ощутимо ныне повсеместно, в том числе — и в творческих устремлениях школьников.

С резервом у жизнестойкого племени фантастов, похоже, все в порядке. Однако — все ли? До сих пор мы говорили лишь о чисто количественной стороне...

Настораживают, не могут не насторожить некоторые тенденции... Одна из них связана отчасти с клубами любителей фантастики.

Эти клубы, костяк которых составляет активная, творчески не бесталанная молодежь, являют собою своеобразный коллоид, питательную среду, в которой вызревают таланты. Уместно вспомнить, что именно из среды любителей вышли, скажем, почитаемые сегодня во всем мире Рэй Брэдбери, Айзек Азимов...

Но!.. Давнее писательское кредо гласит: «можешь не писать — не пиши». В клубах принято на вооружение обратное: «можешь написать — напиши!» Плохого в том нет, пожалуй, скорее наоборот — поскольку помогает полнее раскрыть творческий потенциал членов клуба. Однако писательство при этом почти неизбежно приобретает игровой, несерьезный оттенок. Конечный продукт таких игр — бесчисленные юморески об инопланетянах, о роботах, о путешествиях во времени... — может, разумеется, иметь выход и на страницы печатных изданий. Вплоть до коллективных сборников и антологий НФИ! И однако не стоит все-таки эти игровые, шутейные формы творчества отождествлять с фантастикой в целом. В клубах же это делается сплошь и рядом, а потому автор одной-двух газетных публикаций нередко без тени иронии полагает себя равновеликим если не Рэю Брэдбери, то уж любому из отечественных фантастов — по крайней мере!

Так ли безобидно это запанибратство игры и литературы? Не смещает ли оно, в конечном счете, акценты в восприятии уже и вполне серьезной фантастики, не принижает ли выстраданный ею опыт, утверждающий, что она безусловно может быть полноценной художественной литературой, не возвращает ли времена обидных «скидок на жанр» — на его искусственность, легковесность, несерьезность?

Не прошло бесследно и активное знакомство с зарубежной фантастикой: исподволь, незаметно прослоло отношение к фантастике как к «игре компонентами мира», как к «полуабстрактному «моделированию». Американец Мак-Рейнольдс написал цикл рассказов, в которых изобразил самые разные варианты будущего: и анархистский, и промышленно-феодальный, и технократический, и — в том числе — коммунистический... Он — может, а мы — чем хуже? И сочиняются в немалом количестве всевозможные «предупрежденческие» вещи, причем сочиняются — на вполне приличном уровне. Вроде бы все в таких вещах — на месте, и акценты расставлены как надо, но — нет за ними искренней, выстраданной авторской позиции, авторской боли душевной, а есть — холодное равнодушие, черствость, в лучшем случае — холодное, опять-таки любопытство стороннего наблюдателя.

Это равнодушие к «материалу», нехватка человечности, доброты, глухота души, парадоксальное отсутствие любви к собственным героям представляется нам болезнью мировоззренческой, крайне опасной для всей нашей фантастики.

...Для начала разговора — серьезного, откровенного разговора о фантастике наших дней — наверное, пока и достаточно?

Ждем от молодых сегодняшних фантастов (к ним относим и «резервистов», о которых шла речь) развернутых ответов на вопросы, выделенные в начале этих заметок.

Надеемся, что к разговору подключатся и те, кто, не числя себя среди пишущих фантастику, тем не менее близко к сердцу принимает ее заботы.

Отдел НФ

Наш юный читатель!

«Уральский следопыт» открывает для тебя
диалог-клуб «ПОДРОСТОК»

Нам видится этот клуб как бы местом встречи с тобой. Соответственно теме разговора он превращается то в актальный зал, то в заводской цех, в стадион или в дискотеку...

Обо всем, чем ты мог бы, без боязни быть непонятым, поделиться со своим другом, близким, — поделись с нами. На вопрос: «А какой же он, современный подросток?» — хотелось бы, чтобы ты ответил и сам.

На повестку встречи сегодня выносятся тема, быть может, неожиданная для тебя: «Практичность, деньги, деловитость». Но она не случайна. Заметим, что взрослые чаще именно эту черту ставят вам в вину — раннюю деловитость и практичность...

Не так? Защитите свое, докажите.

ПРАКТИЧНОСТЬ, ДЕНЬГИ, ДЕЛОВИТОСТЬ

ЗАЧЕМ РУБЛЬ ОТРОКУ?

Анна ЛЮБАРСКАЯ

«Купи, купи машинку», — кричал малыш. «Сынок, у тебя их много», — уговаривала мама. «Купи, купи, купи», — малыша будто завели тем же ключиком, что и машинку, которую он требовал. «Алеша, — резко одернула мальчика мать. — У меня денег нет». И тут лицо ребенка просияло, он гордо вынул из кармашка пятак...

Да, машинка была все же куплена.

Не вспомнила б я эту сценку, не случись подобный же разговор с дочерью, только концовка у него несколько иная, обидчивая: «Вы же зарплату получаете...»

Не пора ли, подумала я, познакомить ребенка с деньгами несколько ближе? Тут же испугалась:

может, опоздала? Деньги уже идут через ее руки — то за билеты в кино, то, прибежав со двора довольная, сообщает, что подружка купила ей булочку. («Мама, дай Наде десять копеек!») «Тебя дома не кормят? Захотела есть, попроси у меня эти десять копеек». Ответ: «Ты мне не разрешаешь в магазин ходить, я в деньгах не разбираюсь».

Рано или не рано говорить о деньгах?

Вот дочь пошла в школу, стала понимать, что кроме личной жизни есть жизнь общественная. И главное место в ней — труд, учеба, дежурство, уборка класса, сбор макулатуры. И труд в школе оценивается баллами, отметками. Теперь дочери легче объяснить про деньги — они тоже оценка за труд: Заработанная плата!

Но я-то лично не хочу, чтобы дочь оценивала работу по принципу: «Чем больше покупают — тем больше любят».

Ох, отрочество, возраст переходный, трудный, критический...

Открываю книгу «Подросток» из серии «Педа-

голика». «За несколько лет ребята взрослеют не только физически, но и умственно, нравственно, социально. В это время все находится в движении: одни черты постепенно исчезают, появляются другие. Это возраст неожиданностей и сюрпризов».

Сюрпризов? И вот я читаю ответы восьмиклассников и десятиклассников нескольких школ Свердловской области на предложенную им анкету «Зачем школьнику деньги?»

«Есть ли у меня личные сбережения? Нет, так как я считаю, что сбережения можно делать из денег, которые заработал сам, а если я их не зарабатываю, зачем я буду делать сбережения из родительских денег, не лучше ли в случае необходимости попросить их?» Ира Долгачева, 10 класс, школа № 47.

«На неделю мне хватает 25 рублей. Часть денег беру у родителей, часть... Думаю, что деньги зарабатывать легко. Постоянно бывают разногласия с родителями из-за денег... Знаю многих ребят, которые занимаются фарцовкой, иногда, когда нуждаюсь, сам этим занимаюсь». (Без подписи).

«Мне приходилось сталкиваться с ребятами, занимающимися спекуляцией и фарцовкой. К ним я отношусь резко отрицательно. Я знаю такого человека, который говорит, что родители его только кормят, а одеждой себя он полностью обеспечивает сам. Как? Достают вещи компанией по госцене, все складываются деньгами, а затем на барахолке, как они говорят, «сдают». Я с такими и разговаривать не хочу. У них на языке только тряпки да еще кабаки (у десятиклассников!), никаких духовных интересов. Это же не их заработанные деньги!» Лена, 10-класс.

«Когда наступают летние каникулы, я помогаю родителям на заводе. Этим летом я работала у мамы в цехе уборщицей. Некоторые говорят, что деньги зарабатывать легко — очень они ошибаются, просто они никогда не работали так, чтобы к вечеру так устать, так устать...»

Да, мелькают пока среди подростков этикие «бизнесмены», наловчившиеся приобретать, не работая, деньги, вещи.

Вот написала «бизнесмены», и сразу всплыли в памяти страницы книги публициста-международника Владимира Николаева «Американцы». Что греха таить, наши подростки иногда равняются на некоего парня в джинсах с далекого Запада, умеющего «делать деньги». Специально отыскала в библиотеке книгу. Приведу довольно большую цитату, но, думаю, она поможет нашим молодым читателям ответить на вопрос далеко не праздный: «А стоит ли подражать?»

«Газетная полоса. Крупный заголовок — «Дети-капиталисты». И подзаголовочек: «Частное предпринимательство умерло? Никогда!» В центре полосы большая фотография — трое юнцов и одна девушка. Это о них идет речь. Они самые юные капиталисты США.

— Поработаем?..

Фото Н. Медведевой

В ТВОЮ ЗАПИСНУЮ КНИЖКУ

Я смеюсь над так называемыми «практичными» людьми и их премудростью. Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о своей собственной шкуре.

К. МАРКС

Жить дурно, неразумно, невоздержанно — значит не плохо жить, но медленно умирать.

ДЕМОКРИТ

Вечная тревога, труд, борьба, лишения — это необходимые условия, на которых не должен сметь думать выйти хоть на секунду ни один человек... Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать, и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие — душевная подлость.

Л. ТОЛСТОЙ

У семнадцатилетнего Эндриу Фаркаса уже пол-миллиона долларов, которые он «сделал» лично. Каким образом? Как рассказывает сам Эндриу, свою деловую карьеру он начал с четырнадцати лет. Ему пришла в голову идея приспособить компьютеры для мелкого бизнеса, что и положило начало его капиталу. «Я вполне обычный парень, — говорит Эндриу, — но у меня есть один глубокий интерес. Отметки в школе у меня средние. Ничего не читаю, кроме учебников и специальной литературы. Собираюсь специализироваться в уже избранной мною области и достичь большего. По убеждениям демократический консерватор. Считаю себя капиталистом...»

Карен Вашингтон, ровесница Эндриу, преуспела в жизни меньше, чем он, — у нее «только» 100 тысяч долларов. Карен рассказывает в газете о том, что она начала свой бизнес с пятнадцати лет (покупка одежды оптом и продажа ее в розницу), одолжив деньги для начала у деда. «У меня трезвая голова, — говорит она. — Фактически я работаю все время. И это на самом деле так. Ни личной жизни, ни развлечений для меня не существуют. Я решила пожертвовать всем этим и пожить в свое удовольствие потом. Мне ведь только семнадцать, все впереди. Я отнюдь не во всем сильна. Отметки самые средние, а в этом семестре дела у меня в школе вообще не важные, но у меня есть цель в жизни, и она движет меня вперед».

Эрик Шон имеет уже пятнадцать служащих, работающих на него, говорит, что в самом ближайшем будущем увеличит их число до девяноста. Его родители и родители других юных бизнесменов в восторге от своих предприимчивых детей. «Мой отец и бабушка, — говорит Эрик, — одобряют мою деятельность. Они ведь знают, что большинство ребят мечтают о машине, а для меня машина — моя корпорация». У Дэвида Роза тоже пятнадцать служащих. Успехи в школе средние, бизнес его развивается...

Итак, у этих детей есть цель, которая ими движет, — накопительство. Так устроен мир вокруг, близкие тоже не могут показать им другого пути. С помощью долларов они пытаются стать удачливыми, счастливыми. Смогут ли?

Американские подростки рано знакомятся с финансовой стороной жизни. А наши девочки и мальчишки? Может, стоит подольше держать их в стороне от денег, от вопросов заработной платы, бюджета семьи?

Что же думают сами сегодняшние 8—10-классники о деньгах?

«Какие могут быть у меня деньги? Ну, а если у тебя нет своих личных, заработанных денег, зачем о них задумываться?»

«О деньгах я думаю тогда, когда мне их надо».

«О деньгах я почти никогда не задумываюсь, может быть, потому, что всегда имею карманные деньги».

«Думаю каждый день, зависимость огромная».

«О деньгах нельзя не думать».

Прочитав и проанализировав более 150 анкет, я пришла к выводу, что не задумываются о деньгах в основном те, кто их всегда имеет, кто никогда не интересовался бюджетом своей семьи, а если даже знает о достатках, не претендует на их распределение. («Мы же еще дети»).

Такие ли уж дети?

«Я часто думаю о деньгах, потому что у нас в семье бывает, что их просто не хватает. Задумываюсь я и о том, как помочь родителям (так как считаю, что вполне, вполне могу). И вопрос о том, как зарабатываются деньги, мне тоже знаком, потому что я уже второй год хожу вместе с мамой подрабатывать в ДК «Урал». В этом полугодии нам приходится особенно трудно. Мама работает в школе преподавателем, у нее в расписании вся первая смена. Приходится каждый день вставать в шесть часов утра и идти на работу. Я знаю бюджет нашей семьи, и, может, хватало бы, но сестра замужем, и каждый месяц рублей 150 уходит на помощь молодой семье. Они оба студенты...»

«Мои карманные деньги 15—20 копеек в неделю, и мне хватает, зачем больше? Экономить приходилось — на питании в школе, у родителей брать совести не хватало, к концу месяца у нас бывает очень плохо с деньгами. И в долг брала, когда мы с группой ребят из турклуба были в Средней Азии, пришлось пять дней голодать, так как деньги ушли на книги. На шестой день я взяла в долг три рубля на еду, потому что ноги уже подкашивались, вернула на следующий день, когда руководитель выдал снова на питание».

«Если бы я выиграла в лотерею машину, то взяла бы деньгами и послала бы дедушке: у него пенсия 40 рублей в месяц».

Эти девочки знают, что такое труд и как его надо ценить. Не рано ли? Думаю — нет. Хорошо это или плохо? Конечно, хотелось, чтобы девочкам не приходилось экономить на еде, и все же не побоимся сказать: при необходимости они могут в чем-то себе отказать, не забудут о дедушке, хорошо, что могут встать в шесть утра, если нужно помочь маме.

«Вы задаете вопрос: легко ли зарабатывать деньги? Если работать на совесть, то работать всегда трудно и зарабатывать деньги не легко. Сколько раз от знакомых, да и от незнакомых людей я слышала: «Я, да я на работе ничего не делаю, только денешки мне в карман идут» или «Я за эту сотню с утра до вечера вкалываю». Вот и думаешь — все зависит от человека, от того, как он относится к своей работе». Ира, 8 класс.

Радует, что с Ирой согласны большинство ее сверстников: из ста пятидесяти ребят, отвечавших на анкету, лишь трое утверждали, что деньги зарабатывать легко, десять — «смотря каким путем», остальные — трудно.

«Деньги зарабатывать не легко. В этом я убедилась, работая на практике секретарем-машинисткой».

«...не легко, по-моему, это понятно каждому нормальному человеку».

«Трудно: я вижу, какими уставшими приходят с работы мама и папа».

«Зарабатывать деньги куда труднее, чем их тратить».

«Сам зарабатывал, знаю, что деньги легко не даются».

«Еще как трудно. В колхозе работали, так за три часа так уставали, что еле до автобуса доехали, в тени поехать легче было бы».

«Работать всегда трудно, я где-то читала, что слово «работа» происходит едва ли не от слова «раб». И все-таки я бы не пошла на легкую работу только потому, что, например, можно денег заработать. Мне хочется, чтобы было интересно, чтобы людей много. И если трудиться только ради больших денег, то это действительно как в рабство себя продать». Светлана, 8 класс.

Вообще-то отрадно, что к выбору профессии, взаимоотношению профессии — заработная плата практически все ребята подходят одинаково. Восьмиклассники думают о своем будущем рабочем месте, десятиклассники в основном определились.

Замечу, что подростки не придают большого значения деньгам ни при выборе профессии, ни в представлениях о «благополучии». На вопрос: «Если бы ты выиграл машину, взял бы деньгами или машиной?» все отвечают: деньгами. И хотя почти единогласно отдают их родителям: «Они нас воспитывают, кормят, одевают, а мне эти пять или пятнадцать тысяч куда?», все-таки предпочитают деньгами. Почему?

«На эти деньги купил бы аппаратуры. Все равно родители дали бы мне тогда сколько нужно, пришлось бы... А машина у нас уже есть».

«Деньгами, так как деньги нужны семье, их бы отдала родителям, а потом, обсудив, все вместе решили бы, куда и на что их применить, кому что купить».

«Если бы я выиграла машину, то взяла бы выигранные деньгами. На что потратила бы — сейчас сказать трудно. В первую очередь я бы хотела, чтобы моя мама съездила в санаторий на юг (как жаль, что девочка не назвала своей фамилии — пусть бы узнала мама, какая заботливая растет у нее дочь), а потом бы джинсы и прочее. Еще я хотела бы съездить в туристическую поездку за границу».

«Взяла бы деньгами, отдала родителям, они бы и решили. Мне деньги всегда дают. И вообще, я считаю, что нельзя обходиться без дорогих вещей. У меня подруги все одеваются хорошо, поэтому я и к ребятам, занимающимся фарцовкой, отношусь нормально, хотя знаю, что деньги достаются не легко — летом работала. Да и запросы у меня большие».

Итак, деньгами... В 14—16 лет они вполне осознают, какие расходы относятся к наипервейшим (все в голос заявляют, что нельзя экономить на еде), а какие покупки могут и подождать. Те, кто «брал машину», в основном объясняли это или страстной любовью к технике, или как, например, Лена, фамилию она не назвала: «Я бы взяла машину, о новой машине мечтает папа, это было бы для него просто счастьем, так как старая все время ломается».

КАРТотеКА МНЕНИЙ

УЧЕНЫЕ:

— Как нынешние подростки относятся к материальной стороне жизни? — такой вопрос мы задали кандидату философских наук, старшему научному сотруднику Института экономики Уральского научного центра Б. С. Павлову.

— Знаете что, — начал Борис Сергеевич, — давайте-ка я вначале приведу несколько цифр. И читатель сразу сможет сделать сам кое-какие выводы. Мы проанкетировали в Златоусте 1000 подростков, а в Каменске-Уральском — 550. Заполнение анкеты — это, по сути, обстоятельная беседа, мальчики и девочки отвечали на десятки вопросов. Вот вопрос: «Достаточно ли денег на карманные расходы дают вам родители?» Посмотрим, что ответили школьники и учащиеся технических училищ. Более 70 процентов детей считают, что родители дают вполне достаточно денег. Двадцать процентов ребят не совсем удовлетворены толщиной своего кошелька. И остальные, их около десяти процентов, совсем не удовлетворены карманными суммами. Отметим: родители-служащие щедрее, чем родители-рабочие, эти осмрительнее тратят заработок.

А теперь я попытаюсь представить характер взаимоотношений между взрослыми и детьми в семье. Сейчас политику ведения домашнего хозяйства во многом определяют также и подростки. Их голос учитывается при покупке мебели, бытовой техники, ковров и т. д. Ну, а купить теперь большинству подростков рубашку, брюки, обувь или куртку без их санкции нельзя. Чревато конфликтом. Куртка, если она не соответствует вкусу молодого человека, так и будет висеть в шифоньере... Нет, дети — не тираны. Родители сами стали ручными. Мальчик говорит: «Хочу дипломат, как у Васьки, а шапку, как у Димы!» И родители, порой развивая бешеную деятельность, даже через черный рынок исполняют желание: «Чем мой сынок хуже Васьки или Димы!»

Важный психологический момент: родители в историях с покупками реализуют и свое представление о престижности. У них это чувство расцвело чрезмерно. Но все, что приобретает человек, движимый беспредельным желанием быть выше всех, всего лишь мишура, позолота. Сними ее — откроется бедность внутреннего мира. Престижны не только вещи, а и связи, впечатления, знакомства, хотя и мимолетные, например, с представителями редких профессий.

Итак, человек оснащается побрякушками: модная одежда, уважаемые знакомства и т. н. И у таких взрослых дети проходят школу тщеславия. Разумеется, в хороших семьях престижность понимают шире. Разве не престижно быть воспитанным, доброжелательным, трудолюбивым, наконец, благородным? Здесь престиж понимается не как присвоение чужих достоинств, а как обретение своих высоких качеств.

КАРТОТЕКА МНЕНИЙ

РОДИТЕЛИ:

В. Н. Шаболни, радионаладчик:

— У меня сын. Ему пятнадцать лет. Думаю, что парень в таком возрасте должен уже прилично одеваться. А магнитофон мы ему купили, правда, в рассрочку, но хороший, дорогой. Самим тоже хотелось магнитофон иметь, но все время какие-нибудь денежные трудности... Для себя не скоро еще, наверное, купили бы, а вот желание сына подтолкнуло.

Никуда от этого не уйдешь: в школе уже начинают судить друг друга по одежде. У них в этом возрасте и так много комплексов, а тут еще один добавляется. И еще заметили — сэкономишь на чем-нибудь, потом еще дороже обходится. Вот купили ему вроде бы приличную спортивную сумку (он дзю-до занимается), а форма не входит, пришлось еще одну приобретать — побольше, подороже. На две сумки денег действительно больше ушло.

Чем старше дети, тем больше на них тратишь. Размеры уже взрослые, следовательно, и цены... А «горит» на них все с невероятной быстротой, да еще и растут, да мода меняется... только успевай выкладывать.

Большие расходы — отдых. Стараемся, чтобы сын обязательно куда-то поехал. Считаешь — взрослый билет туда и обратно, путевка, карманные расходы... Но, в общем-то, это добрые подсчеты, не от скрупи и расчета. Для родного же человека траты...

В. В. Березовский, полиграфист:

— Моему сыну 13 лет. Подросток. Знаю одно, на Игоря (о старшей дочери не говорю — у нее уже своя семья, хотя и ей помогаем) уходит меньше, чем в некоторых других семьях на мальчишек его возраста. К нему же друзей много ходит — видим, слышим. Один хвастается — то мама на день рождения десятку подарила, то за хорошее окончание четверти поощрила, а он эти деньги не тратит, нет, он их копит — на мотоцикл.

У нас дочка, девочка, на одежду меньше просила. Все-таки в более трудное время воспитывалась, а сейчас подростки просто болезненно стали относиться к тому, как они одеты.

Не скажу, что мы плохо одеваем сына, но джинсы пацану, да еще за 120—150 рублей не купим. И он это знает. Понимает, все понимает, порой сам скажет — не нужны, но по глазам видно: ущербным себя чувствует, когда у его друга то новая куртка, то кроссовки.

И еще одна проблема. Вот магнитофон. Он для кого? В основном для молодежи. А стоит сколько? Даже самый дешевый (а чаще всего и самый плохой, за такой вдвойне жалко деньги отдавать) больше сотни. Где взять подростку деньги? У родителей. У родителей на магнитофон, у родителей на «вельветки», сумки — вот так иждивенчество и воспитываем. Возможности зарабатывать нет, а вещи очень дорогие.

Мнение большинства: не стоит чураться дорогих и красивых вещей, пока молод. Анкета показала, что девочки гораздо серьезнее относятся к деньгам, к их трате, чем их сверстники мальчишки.

Опять же почему? Причин здесь несколько. Прежде всего, наверное, возрастная. Не в обиду «сильному полу» будет сказано, взрослеют будущие мужи медленней.

Девочку раньше начинают воспитывать как будущую хозяйку, учить делам домашним.

Читаем в анкетах девочек:

«Мы всегда всей семьей решаем, что купить в первую очередь, что во вторую».

«Я всегда в курсе наших сбережений».

«Всегда интересуюсь нашим бюджетом, знаю, когда у нас денег не хватает, тогда экономно трачу те, что мне дали на еду, но это меня не тяготит».

«Я всегда знаю, где у нас лежат деньги, и если надо что-то срочно — могу взять, но считаю своим долгом отчитываться перед родителями. О всех своих расходах свободно говорю, без родителей ничего крупного не покупаю». Королева Лариса, 10 б.

Интересное ответвление проблемы — «сильного слабого пола» — сын вдалеке от деда семейных; дочь: «такова жизнь, уже сейчас думаю о том, что надо будет побольше зарабатывать, чтобы семье хватало на жизнь». О своей семье как о реальности написали ТОЛЬКО ДЕВОЧКИ. Большинство из них считает, что о бюджете семьи обязан заботиться муж, отец, но о том, как распределить деньги, «должна думать хозяйка».

«О бюджете будущей семьи я уже думала. Чтобы моей семье хватало на жизнь, я должна от многого отказаться, то есть сейчас у меня есть то, что надо и что не надо...»

«Я, честно говоря, думаю о бюджете своей будущей семьи. Может, это наивно, но я собираюсь (уже или пока) замуж за будущего летчика. Он учится в институте. Считаю, что денег будет хватать, потому что никогда не увлекалась вещами, и мой друг тоже. Нужно только знать меру в своих запросах. И если придется экономить, буду экономить на чем угодно, только не на еде».

Шелестят анкеты...

Посмотрите, какие они разные, наши отроки и отроковицы: преданные в привязанностях:

«Если бы выиграла машину, взяла бы деньгами, отдала их родителям, но чуть-чуть все-таки взяла бы себе — купила бы собаку».

Добрые:

«В основном деньги в семье, помимо еды и платы за квартиру, должны уходить на детей. Я это говорю не потому, что сейчас я сама ребенок, а потому, что дети должны быть счастливы, здоровы, веселы. Но и не эгоистами, конечно, мол, подавайте все мне, но чтобы дома хорошо, тепло было».

Наивные:

«Разногласия с родителями редко, но бывают. Нужно,

чтобы родители давали детям на неделю три рубля и чтобы дети умели правильно их расходовать».

Деловые:

«В первую очередь хотел бы приобрести машину, красивую одежду, стереоаппаратуру. А больше всего потратил бы на поездки по различным городам, чтобы увидеть, узнать побольше».

Веселые:

«Беру автомобиль «Волга». «Запорожец» прошу не предлагать!»

Разные...

ОСКОЛОК ЗЕРКАЛА

Картинка с натуры

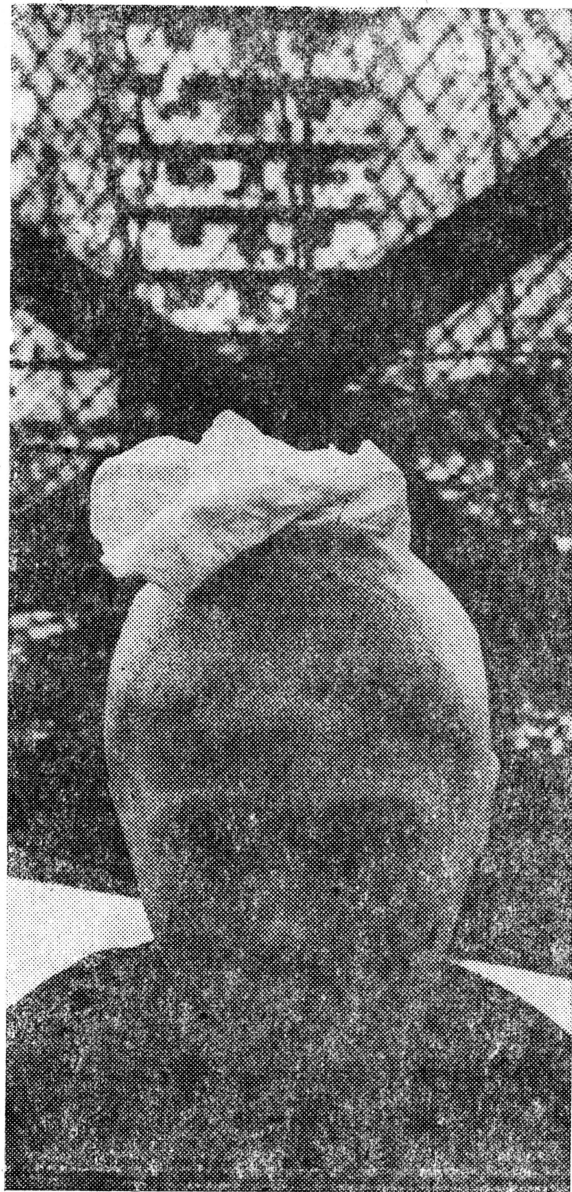
Ирина КОРНИЕНКО

Говорят, самые важные ребячьи дела решаются в школе у зеркала. Здесь принимаются решения, отсюда шествуют по школе новости, слушки... Во всяком случае, у нас так было, и зеркал в школе было три: первое — большое, в которое все входили по щиколотку, у раздевалки — чтобы привести себя в порядок сразу же, попав с улицы в помещение; второе — у столовой, узкая ленточка, куда вмещается только лицо, — это на случай, если чернилами щеки измажешь; и третье — над умывальником — мало ли проблем — реснички подкрасить, прическу поправить... В общем, не много, но достаточно, всегда есть возможность оглядеть себя.

Сегодня не то. Во всяком случае, я обежала пять школ, прежде чем в шестой наткнулась на зеркало. «Что вы, бьют ведь нещадно, где денег взять?» — сказали в одной школе. «Было, да кто-то унес», — сказали в другой. «Зачем это школьникам зеркало? В учительской есть, и хватит», — сказали в третьей. А в шестой, в вестибюле, висел огрызок. Иначе как назвать брусок зеркала, приделанного так высоко, что младшие проходят под, а старшие видят лицо без подбородка?

Но и эта малость меня обрадовала — значит, это единственное место, где можно услышать про школьные дела.

Я пришла за полчаса до второй смены, в которую занимались старшие классы. Спустилась на пролет лестницы, ведущей в подвал, в раздевалку, и сделала вид, что жду какое-то определенное лицо. Входя в школу, никто у зеркала не задерживался, все мчались в раздевалку... Только дежурный по школе — тщедушный мальчик лет тринадцати — раза два-три подходил к огрызку и растягивал губы, обнажая зубы до десен, — как видно, он отмечал желтизну на зубах от курения и, не-

Фантомас не из вашего дома?

Фото Н. Медведевой

КАРТОТЕКА МНЕНИЙ

ЧИТАТЕЛИ:

«Дорогая редакция! Обращаюсь по делу. Значит, так: «Монтано» (джинсы), «Адидас» (кроссовки), «Аляска» (куртка). Напишите цены перечисленных вещей. Далее, нарисуйте или напечатайте рисунок от джинс с орлом и надписью на американском. Если не напечатаете в журнале, то вышлите мне на дом карточек десять с видами фирменных вещей — мне надо украсить свой уголок и мотоцикл «Ява». Лучше бы цветные карточки или чтоб поблескивали. Очень вас прошу и жду скорейшего пакета...»

Толя МИЛЮТИН.
Свердловская обл., п. Арти.

«Знакомы ли вы с одним из спекулянтов поближе? У меня есть два друга. Один продавал пластинки, а другой — джинсы. Теперь у каждого своя квартирка с маломальской обстановкой, и они спокойно могут жениться и не ютиться после свадьбы по общагам да на частных квартирах. Больше уже не спекулируют — и вполне милы и симпатичны...»

Алена З.
г. Свердловск.

«...Наберитесь терпения и прочтите мое письмо. Я живу в Каменске-Уральске, но часто езжу к родственникам в Свердловск. Недавно с внучкой поехала на электричке. У Шарташа в вагон вломилось до двадцати молодых, еле втолковали им, что этот поезд не на Шивакиш, а в Ревду... На Первомайской история повторилась, и вдруг на нас сверху понеслась лавина молодых людей! Мы летели кто куда, сколько ушибов получили! Внучка до сих пор вздрагивает при упоминании, что нужно ехать в Свердловск.»

Откуда молодые люди берут этот «дефицит», будь он проклят? У меня его нет, почему?

Давайте хоть школу оградим. А то моя старшая внучка говорит со слезами: «Не буду на физкультуру ходить, у меня нет фирменного спортивного костюма!» И плачет... Что же мне делать?

С уважением ЛЕБЕДЕВА.
г. Каменск-Уральский.

«Да, спекулянтов нужно наказывать. Но, если копать глубже, где спекулянт берет вещи для продажи? Говорили мне — в других городах. В каких других? Специально в этом году все наше семейство ездило по «другим городам» в поисках сапог. Увы, ничего. Думаю, никуда спекулянты не ездят, все берут на местах. Выходит, вещи поступают на базу, а оттуда идут в продажу... через спекулянтов. И это не вымысел. В ПТУ нашего города два года назад один ученик одел в джинсы всю группу. Мама, видите ли, у него завбазой. Вот и весь секрет!»

Е. МИХЕЕВА,
г. Алапаевск.

довольный этим ярким признаком, кончиком языка пытался поправить дело.

На обратном пути — иное. И была в этом какая-то закономерность: у кого в школьной форме не было никаких излишеств, только платье, фартук, значок, тот взглядывал только в свои глаза, не замедляя шага... Если же присутствовал изящный, кокетливый воротничок, какая-нибудь ленточка на шее, больше того — кофточка под предлогом холодов поверх формы, тогда обладательницы этих индивидуальных штришков ставили портфельчики (чаще дипломаты) к стене, поднимались на цыпочки, и начинался тщательный осмотр завитков, челочек, очей...

Надо сказать, что и юноши, считающие себя привлекательными, с удовольствием поправляли челки и прядки волос; многие имели расчески, кое-кто — носовые платки. В общем, ничего особенного не происходило.

Я вздохнула. Что тут можно было взять в работу? Ничего.

Со стороны раздевалки послышался шум, я поплелась туда просто из любопытства. В унылом подвале, рядом со входом в раздевалку, стояла группа подростков из тех, что могут себе позволить опоздать на урок, в центре — девочка в ярком салатном свитере и бабушка-вахтер в темно-синем спецхалате. Бабушка, раскрыв широко глаза, говорила: «Ах ты, негодяйка такая! Кто же тебя научил по чужим карманам лазить? Родители? В чем они тебе отказали, что ты не стесняешься вытащить копейки из детского пальто?» Девочка смотрела вниз. Окружавшие мальчики смотрели на нее и на бабушку почему-то с насмешкой... Один сказал: «Да ладно, бабуся, прости Лельку, она девочка ничего...» А другой добавил: «Какая она воровка, бабуль, мелочь — не деньги, ведь не украли же она у тебя сто рублей!» Бабушка беспомощно заозиралась: «Как же не деньги, может, это на пирожок или на мороженое...»

«На сигареты!» — засмеялся кто-то, и тут они хором стали отговаривать старого человека от приглашения этой «маленькой тайны» по инстанции, поклялись помочь всячески в наведении порядка в раздевалке и в довершении Лелька расплакалась с детским всхлипом «больше не буду», и дело, в общем, уладилось.

Ошарашенная бабушка еще стояла у двери, пожевывая губами, а группа свидетелей вместе с обвиняемой двигалась ко мне, похохатывая и хлопывая друг дружку. Я прижалась к стене, давая им дорогу, и тут услышала нечто, от чего, может быть, бабушка получила бы разрыв сердца: «Вечером с тебя сухач за избавление, поняла?» — «Ладно, — быстро ответила Лелька, — будет вам сухач, где собираемся?»

В этот момент группа поравнялась с зеркалом, и девочка привычно заглянула в него. Губы ее невольно дрогнули (ведь салатный цвет необычайно шел к зеленым глазам), и — кто назовет это неправдой? — зеркало отразило самодовольную улыбку, гордо вздернутый подбородок, лукавые глаза...

Кумир или идеал? Нужны ли юности кумиры? Должны ли быть в жизни идеалы?

ПОДУМАТЬ НАД ЭТИМИ ВОПРОСАМИ МЫ ПРЕДЛАГАЕМ ТЕБЕ, ЧИТАТЕЛЬ, И ПРИГЛАШАЕМ НА ЗАСЕДАНИЕ ДИАЛОГ-КЛУБА.

«У меня, конечно, есть идеал, но идеал собирательный, людей таких я не встречала и не встречу; видим.»

«Вообще в нашем поколении нет идеалов настоящих...»

«Каждая личность стремится создать вокруг себя соответствующий ей мир. Этот мир и есть тот идеал, к которому она стремится. Я не верю, чтобы у кого-нибудь не было идеала. Он может просто этого не замечать...»

«А зачем идеал? Каждый должен быть самим собой и не стремиться быть на кого-то похожим. Иначе будет слишком много двойников...»

«Кумир — это для фанатиков. Идеал — для восторженных людей.»

«Идеалом для меня является вполне определенный образ — Саня из «Двух капитанов». Его не назовешь «полностью идеальным человеком», но я хочу быть на него похожим. Свои поступки я всегда сверяю с поступками Сани.»

«У меня кумира нет, и даже слово вызывает у меня неприятные ощущения, эмоции. Могу только повторить слова поэта: «Я не создам себе среди людей кумира, чтоб солнце мне не заслонил никто.»

«Я хочу прожить жизнь так же, как и мой отец.»

«Раньше у меня был почти кумир: любимое слово, любой поступок приводили меня в восторг. Теперь кумир этот рухнул. Так ведь часто бывает. Все черты характера этого человека, перед которыми я преклонялась, перешли к моему идеалу (правда, кроме этих у него и так их очень много).»

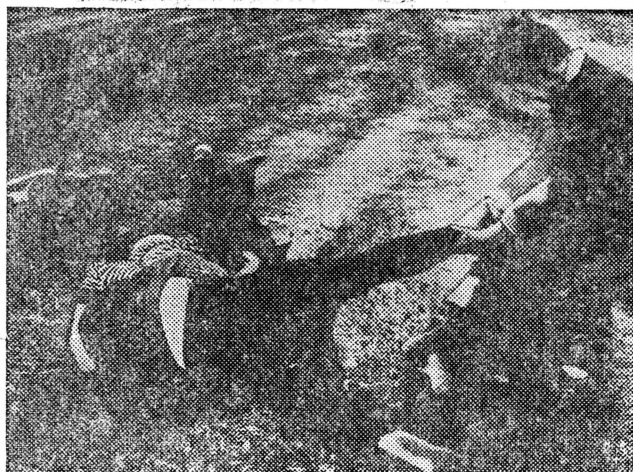
«По-моему, лучше быть «первым Козиным», чем «вторым Эйнштейном, Толстым, Суворовым» (А. Козин).»

«У меня нет кумиров. Есть цели, которые хотел бы достичь. И я достигну, чего хочу!»

ТАК ПИСАЛИ В СВОИХ СОЧИНЕНИЯХ СВЕРДЛОВСКИЕ СТАРШЕКЛАССНИКИ. А ВАШЕ МНЕНИЕ?

— Открой, бабуся, а то что-то засло!

Кто кого?

Фото И. Горячева

В ТВОЮ ЗАПИСНУЮ КНИЖКУ

Нужно жить всегда влюбленным во что-нибудь недоступное тебе. Человек становится выше ростом от того, что тянется вверх.

М. ГОРЬКИЙ

Я смотрю на праздность как на своего рода самоубийство.

Ф. ЧЕСТЕРФИЛД

Ни на что не годится тот, кто годится только для самого себя.

ВОЛЬТЕР

Люди, считающие деньги способными все сделать, сами способны все сделать за деньги.

П. БУАСТ

РЕКОРДСМЕН «СПРИНТА»

В течение двух месяцев студент Свердловского педагогического института Р. Мухаматулин выиграл по лотерее «Спринт» два автомобиля: «Волгу» и «Жигули».

Беседую с ним.

— Признаться, опасаясь, что не захотите отвечать на мои вопросы. Как-то пытался взять интервью у жителя Нижнего Тагила, который угадал номера в лотерее «5 из 36». Он отказался наотрез. Объяснил тем, что когда крупно выиграл первый раз и об этом появилась заметка в газете, знакомые начали брать в долг без отдачи. А когда он перестал давать деньги, неизвестно, из зависти или злости, — вкатили в его окно полуподвальной комнаты большой валун. Вас не настораживает эта история?

— Нет. Подобное мне не грозит. Я получил по выигрышам машины, а не деньги. И потом среди моих знакомых вряд ли найдутся люди, о которых говорите.

— Неужели никто не завидовал?

— Поздравляли все. Кое у кого в голосе зависть, правда, сквозила. Но на это как обижаться? Люди копят на машину годами, отказывают себе в чем-то... А тут с неба свалились два автомобиля — один за другим. Все мы люди, и каждый примеряет то, что произойдет с другим, на себя.

— Что вы испытали, когда вскрыли билет и обнаружили выигрыш — первый и второй?

— Я брал по 2—3 билета «Спринт» в разных районах города. Знал, конечно, что разыгрываются не только денежные суммы, но и автомобили. Однако, когда прочел в билете: «ГАЗ-24», остолбенел, глазам своим не поверил.

Второй выигрыш потрясения не принес. Хотя, думаю, что нельзя привыкнуть крупно выигрывать.

— Как вы распорядились автомобилями?

— Тогда я как раз собирался жениться, а потому «Волгу» оставил себе — как свадебный подарок. «Жигули» отправил в Омскую область. Там живут мои родители. Это подарок отцу.

— Лотерей много. Чем вы объясните свою привязанность к «Спринту»?

— Я занимаюсь легкой атлетикой. Отсюда симпатия к «Спортлото». А к «Спринту» — потому, что не надо ждать розыгрыша.

Мне, конечно, повезло крупно. Да и мелко тоже везло. В промежутке между выигрышами двух машин я получил по билетам «Спринт» в общей сложности 70 рублей. Но хочу сказать, что если б я даже не выиграл, деньги, потраченные на билеты, жалеть не стал бы. Ведь для спорта лотерея «Спортлото» беспроигрышна.

— Тогда похоже, что наша беседа с вами не последняя?

— Возможно.

К. ВЛАДИМИРОВ

ПЯТЕРКА ПО ЭТИКЕ

Мария ПИНАЕВА

Зал судебных заседаний только назывался залом — простая комната, немного напоминает классную. Плотные ряды скамеек, перед ними — стол. Судья кутается в теплый платок. Словом, проза жизни: молодые супруги разводятся и делают имущество через суд...

СУДЬЯ: Попрошу всех встать. Товарищи, руководствуясь статьей 34 частью 5, статьей 165 пунктом 2, статьей 315 Гражданского процессуального кодекса РСФСР суд определил: утвердить мировое соглашение, по которому ответчик передает истине ее личные вещи: бо-соножки — 35 рублей, плащ — 220 рублей, зонг — 35 рублей, сумочку — 28 рублей, итого 318 рублей. Из общего имущества ответчик передает истине следующие вещи: стенку мебели производства Великие Луки — 730 рублей, набор мягкой мебели (два кресла, диван-кровать, журнальный столик) — 292 рубля, холодильник «Бирюса» — 350 рублей, стиральную машину «Сибирь». Всего имущества...

После, когда начну расспрашивать судью Любовь Яковлеву Бухарину, она ответит невесело: «Бывает, и тапочки домашние через суд делают».

Я сижу со своим магнитофоном рядом с ответчиком и истицей — и нет в них раздражения против меня и моего микрофона на длинной ноге, который никуда не спрячешь и держишь перед собой, как автомат. Им просто на все это наплевать: «Записывайте, сколько хотите». Судебное заседание окончено, и они могут еще раз поговорить...

ОН: Дочери, мне кажется, хватит алиментов...

ОНА: Конечно! Хватит! Прямо! Дочери хватит 60 рублей твоих несчастных! Поживи-ка сам на 60 рублей. Твоя ходит в мутоновых шубах, а они стоят не 60 рублей!

ОН: Наташа, ты пойми...

ОНА: Да что ты говоришь! Ну все, хватит, надоело переливать из пустого в порожнее, хватит, не о чем нам говорить!..

Все там было традиционно: машины с кольцами и куклами, серьезная женщина в загсе. Цветы, свидетели, фотографии... Потом появилась дочка, а семья почему-то развалилась. Можно бы исследовать — почему. Но сегодня таких исследований, даже социологических, очень много. Да и жизнь многолика, конкретных причин можно выдумать уйму: жена не умеет варить картошку, муж не хочет ходить за хлебом, у тещи плохой характер и так далее. Все эти причины можно систематизировать, даже составить что-то вроде таблицы, но мы не пойдем по пути систематизации отрицательных явлений, а лучше покажем нечто положительное. Ведь умеют жить люди счастливо, существует, наверное, какая-то наука уживаться, сохранять теплые чувства вплоть до бриллиантовой свадьбы. Было бы любопытно хоть слегка познакомиться с этой наукой.

Николаевы, Вандышевы... Может быть, они нам могут выяснить, почему до сих пор многовато разводов

и маловато детей? Николаевы — это типично многодетная семья из маленького северного поселка, Вандышевы — типичная свердловская городская семья с двумя детьми. И те, и другие живут благополучно — по крайней мере в том смысле, что не думают разводиться, бросать детей, искать семейного счастья где-то еще дальше — за высокими горами. Николаевы, например, уже сейчас живут за высокими горами. Там, в северном уральском поселке, снег не тает на вершинах даже летом.

В Кытлым я приехала перед Днем работника леса. Наш «газик» уже проскакал по деланкам и остановился возле конторы. И тут я увидела Ницу. Она вышла на конторское крыльцо в телогрейке, под пуховым платочком ясные, ясные (сильные, это верно, не в этом же дело!), очень ясные глаза. Мои попутчики, местные пачальники, закивали: «Это Нина Николаева, наш завхоз, женщина редкостная, к тому же героическая и единственная на район, у нее девять детей. Да еще и депутат».

...На завалинке сидели молодые ребята — семечки дождем. Мне кажется, я научилась безошибочно вычислять таких ребят. Из компании «трудных». И вот Нина к одному: «Да как давно не видела — да как вырос — да когда в армию — да не узнать — да какой хороший, да какой пригожий — да когда-то и мой Вовка таким будет...» Ох, знала я, что значит для такого парня и это материнское причитание, и эта малепькая рука на глупой и лохматой его голове.

В дом Николаевых, на улице Строителей, 48, я пришла, когда Нины не было дома. У ворот стоял мальчик-с-пальчик и выкручивал дыру на колготках. Не отрываясь от дела, он прыгал на одной ноге до крыльца — меня проводил — и сразу дал обратный ход, таким же скоком. Видимо, приносить в дом дыры на колготках за доблесть не почиталось.

На крыльце сидел сам Николаев, Виктор Петрович, чего-то колотил. Познакомились. Действительно, в дому четыре сына и пять дочерей — старшему, Вовке, 13 лет, младшей, Раечке, четыре месяца. Я спросила, не страшно ли: столько детей!

— А чего страшиться? Вырастут, вода вымоет, хлеб выкормит. А то что — одного да двух... Так народу не будет совсем. Мы будем пополнять за всех (смеется).

— У меня двое — и то я считаю, что я мать-героиня.

Я и не слышала, как во двор вошла Нина, под ее прикрытием двигался, не отпуская дыры, маленький Саша.

— Здравьете, Нина.

— Здравьете. Дак почему вы сидите на крыльце-то?! Ой, ну надо же какой! Человека на крыльце принимает!.. А я в школе была.

— Мама...

— А ты колготки почему так? Идиними скорее, надень шортики. Он сам одевался сегодня, встал, еще и Настю в ясли отвел, он у нас взрослый.

— Сколько же этому взрослому лет?

— Четыре годика, пятый.

Это только самое-самое начало, я еще не вошла в дом. А потом, в доме, мы говорили о том о сем, ну и о семейных делах, конечно.

— Нет, пусть женщины рожают, государство помогает много. Вот смотрите: в школе бесплатное питание — а иначе мне за каждого надо было бы два рубля в неделю отдавать.

— Мама, у меня рука болит!

— Саша, я разговариваю, тихо. Болит рука, правильно, но я разговариваю — и тихо! Поговорю, потом с тобой буду разговаривать... Значит, по два рубля за каждого — это я говорила. Шестидесять рублей государство дает как пособие на детей. Конечно, желательно

бы получать его после восьми лет, а не до восьми, тяжело после восьми. И через почту я еще 27 рублей, получаю, горобес доплачивает. За многодетность, наверное. В магазине меня все пропускают без очереди, это безо всякого. В промтоварном тоже, если что есть, не отказывают: это, мол, на твой садик. Это продавец так (смеется)... Редко в глаза, а за глаза сплошь и рядом говорят: «Куда ты их». Некоторые просто смеются надо мной. Я не бываю в декретах, я просто стесняюсь, думаю, вот — люди осудят, а потом рожу — пусть говорят!

— Как без декретов?

— Да так, работаю, а потом — ну, день-два там отагается, чувствую — сдаю и ухожу (смеется). Я стесняюсь, просто стесняюсь.

— Вам сколько же лет, а?

— Мне много, тридцать три.

— Больше двадцати восьми не дашь.

— Женщина с каждым годом омолаживается на пять лет. Саша, принеси большие фотокарточки. Большие, где мы всей семьей сидим, которые дядя Саша Демин нас фотографировал...

Ну хоть бы в доме беспорядок был... Или хоть бы знала Нина, что корреспондент в гости зайвится — потому и прибрала. Вот начальники про нее сказали: «Женщина редкостная, героическая, единственная на район». А она обыкновенная, она нормальная — такая, какими были тысячи наших бабушек. У моей Татьяны Семеновны было двенадцать детей, а у вашей — сколько?.. Это мы в глазах бабушек — увидь они наши куцые семьи — редкостные и единственные на район. Я, конечно, понимаю: другие времена и все прочее, но — все-таки...

— Мне покоя никогда не будет — это я знаю... У меня подруга врач, она говорит: «Ой, Нина, это же тебе волянка на всю жизнь». Я говорю: «Надя, ну а что бы я делала?! Я не представляю... Ну что бы я делала?» Ну, для чего мы живем? Ну, не для себя же! Жить вот вдвоем, мне кажется... надоели бы друг другу. Не знаю, это мои такие понятия... В роддоме я потихонечку под одеялом вязала всем носки. Врач в последний день у меня нитку заметила в тумбочке: «Николаева, ну что ты делаешь?!» (смеется). Я не знаю... женщины спят, а я не могу даже спать.

Вот соображаю, сколько лет назад это было — наше первое знакомство, если тогда младшей Николаевой была Раечка и ей было четыре месяца, а теперь младший Николаев уже Ванечка, а не Раечка, и ему семь месяцев, а Раечке скоро четыре года. Они оба — и младший наследный принц Ванечка, пятый сын, и Раечка — были у меня в гостях этой осенью. Правда, не по веселому поводу. Нина приехала с ними и с Наташей, второй по старшинству, определять Раечку на операцию в институт травматологии и ортопедии — врожденный и просмотренный врачами вывих бедра. Мы с Ниной повели Раечку в больницу — в неведомую и страшную, и она кричала на все три этажа, когда две женщины в белых халатах отрывали Раечку от Нины. Наташа осталась с братом — деловито и спокойно, и Нина не делала ей никаких особых наставлений.

А вечером мы пошли с Наташей в зоопарк. Перед самым закрытием — мы были там совсем одни — бродили, сами слегка похожие на тех, кого осматривали. Те смотрели на нас, а мы — на них. Наташа рассчитывала потрясти рассказами кытлымских одноклассников. Что они видели в своей тайге? Только зайца? Только медведя? Только лисицу? Только рысь? Только лису? Разве они видели живого слона или бегемота? Или макаку?

Наташке четырнадцать. Она сама признается, что

любит «поговорить»... А Нина: «С работы приду — Наташа все приберет, обед стогоит». Ну, конечно, с помощницами, они у нее на побегушках: ты — картошку чистишь, ты — лук кропишь, ты — морковку трешь. А Наташа — шеф-повар. И в школе ни одной тройки, и пятерки в большинстве.

На обратном пути зашли в магазин канцтоваров. Наташа четыре дневника купила и несколько альбомов для рисования. А потом еще арахису в гастрономе: старшая сестра едет из большой столицы!

Недавно перебирала старые письма, нашла первое после нашего знакомства с Ниной письмо.

«Дети все здоровы, ходят в школу, в садик, в ясли. У нас две коровы, телка, одиннадцать овец, поросята. Николаев сейчас занимается хозяйством, мы его зовем завфермой. Маленькой моей восемь месяцев, очень интересная девочка. Она у нас вместо куклы, ребята все ее таскают на руках. Николаев, как обычно, говорит, что эта лучше всех. Это он на всех так говорил...»

Теперь, конечно, самый лучший — Ванечка. Но видеть, как дочка лежит в белой палате загнуванная, с пересохшими губами, Николаев не смог. В Свердловск не ездит. Нина сильнее его, умеет не плакать, а даже наоборот — смеяться и рассказывать сказки Раечке и другим малышам в воскресные часы свиданий. Эти часы достаются ей — дорога-то не с Химмаша на Уралмаш... Приезжает утром (почь в пути), а вечером уже надо уезжать — в Карпинске будет ждать муж с мотоциклом, чтобы быстрее к грудному ребенку.

Приглашает: «Приезжайте к нам в гости со своей семьей, места у нас всем хватит». Представляете: их двадцать человек и нас — восемь. Но знаю, что приглашения искренние, а значит, и в самом деле не будет тесно...

— Я другой раз — придут с улицы, ага: Вовка здесь, Наташа здесь, Витька здесь, Кольки нет, Настя, Саша, Лена, Ваня на руках, Вика... Ой, сколько же еще? Еще одной не хватает. Я сосредоточусь, потом уже начинаю искать (смеется).

Почему-то больше других я любила в детстве рассказы матери о том, как их семья — пятнадцать человек — саделась за стол и как без обеда оставался тот, кто опоздал хоть на минуту. Подозреваю, что к моим восторгам и хорошей зависти (дух захватывало: за столом столько детей, как гостей в праздник!) примешивался эгоизм единственного ребенка: уж меня-то мамочка никогда не оставит без обеда, скорее сама останется. Этот эгоизм рос вместе со мной и сейчас, наверное, во мне благополучно сохраняется. И, конечно, его я должна благодарить за то, что так неумело хватаюсь за руль семейного корабля.

...Вспоминаю Анну Александровну Рябинину. Она померла теперь уж, а для меня все живая. Она говорила: «Они умные были, наши деды и прадеды наши. Вы знаете, они очень умели растить людей, а это большое искусство. Можно гору сделать всего, а вот дите вырастить — очень сложное дело».

У нее было двое детей, больше бог не дал — так она взяла и еще пятерых чужих воспитала. Она умела это делать, потому что умела воспитывать... себя. Когда первый раз мы пришли в ее белоснежный кружевной дом с фотокорреспондентом Надей Медведевой, Надя не успела снять ни одного кадра: хлопнула в обморок. И мне, виды видавшей, стало головокружительно... Сидишь — как на облаке — на белоснежном диванном чехле, рука на белоснежной, измеренной вдоль и поперек, колом накрахмаленной скатерти, глаза слепит близина накидушек, подзоров, салфеточек, а в уши льется легкий неземной

перезвон коклюшек. Вот и попробуй тут не хлопнуться в обморок после того, как выпал сюда из битком набитого автобуса.

Анна Александровна жила на первом этаже современного пятиэтажного дома. В кухне она вырыла себе голбец: ну русский же человек — картошка, соленья-варенья. Как без подполья?

— Анна Александровна, а как же фундамент?

— А фундамент я, Машенька, обошла...

Не было для нее понятий «не могу» или «не хочу». Кружева она шила такие, что в руки брать боязно. В музее Суздаля хранятся...

— Я не устаю, только почему-то ноги не ходят. Видимо, они только устают, а я сама — нет (смеется). Я со всей душой — каждого бы научила! — ведь я бесплатно, никаких денег не беру ни у кого, не надо мне деньги, завтра мне умирать, какие там деньги, только учитесь, ради бога. Вот я с детьми сейчас с дворовыми все время... Ох, очень сложное дело — с детьми. Вы знаете, они один от другого портятся, как фрукты (смеется). А кружева плетут с азартом. Я и прошлое лето работала с ними — так мальчики лучше плетут, чем девочки.

— Вы прямо во дворе с ними занимаетесь?

— На улице, с одним работаю — остальные смотрят, в очередь стоят. Или руки ушли мыть, пока до них очередь не дошла. У человека основное — чтобы голова с руками была согласована. Ведь у конструктора если в уме мысль зародилась — он ее выкладывает на бумагу, если у художника зародилась мысль — он сейчас выкладывает. Вы знаете, никакими лекарствами, никакими лекциями ничего этого нельзя заменить, и когда человек кропотливо сам что-то делает — он очищается, он нравственно становится богаче. А если не создавать красоту — жизнь-то ведь серебряная будет. И ведь для этого времени специально никто не выделяет, а успевать надо. Мне вот 74 года, а я все по графику живу, все по графику (смеется). Жизнь, конечно, очень сложная, но надо ею уметь управлять. Прежде всего собой надо управлять. Я и говорю: прошлый раз налила кружку молока, поставила на край, ну а руки-то старые — тут же столкнула. Я и сказала: ты не будешь есть, пока не почувствуешь, что это делать нельзя — на край ставить (смеется).

— Себе сказали?

— Себе. Это было утром, и до вечера другого дня я не ела. Я так хотела есть! Но раз не дают, так что делать-то? Я смирилась. Так теперь наливаю — далеко ставлю.

Вот уж Нина Николаева у нее погостила бы, вот поговорили бы они на разные жизненные темы... Не получилось, не сошлось... Анна Александровна ушла, и пришла Нина:

— Раньше веселее жизнь была. Шестьдесят девятый год я вот помню... Народ как-то был победнее, победнее, а жили лучше, веселее, дружнее жили, а сейчас... Каждый старается: картошку не посажу, а куплю. А я — нет. У нас вот огород да еще на поле сажаем.

Уборочная на николаевских полях достойна кисти художника: на лопатах — сыновья, на ведрах — девочки, Ванька — в коляске, Нина с Виктором — повсюду.

...Помните разговоры в суде? Там, кажется, над всем «экономика» превозблдала: рубли, копейки, босопожники... Так и хочется рассердиться и сказать: вот если бы выбросить все эти презренные деньги и вещи, то было бы хорошо. Так ли? Упразднить трамвай, чтобы без билетов

не ездили? Мне кажется, все дело в том, что там осталась одна и только одна экономическая функция семьи — и ничего больше. Можно ли жизнь основывать на одной экономике? Прочна ли такая социальная ячейка (семья в данном случае), где разговоры только об одном: рубли, килограммы, сантиметры, килокалории? А эмпирей любви, сострадания, терпения? Мы сейчас даже на производстве, где, казалось бы, чистая экономика... мы теперь даже на производстве среди железа и алюминия стали понимать нечто такое, чего раньше чуть-чуть не понимали. Мы уже теперь разговариваем про морально-психологический климат в коллективе и так далее. То есть экономический экстремизм пошел резко на убыль, наверное? Но как бы не уподобиться маятнику, качнувшись совсем уж в противоположную сторону (мы ведь не можем так расчленить наше общество, чтобы поставить семью совершенно отдельно от всего прочего). Мы с вами знаем множество примеров, когда дети в семье ровно никакого отношения не имеют к ее хозяйственному бытию. А потом, уже в новой семье, начинаются раздоры супругов-белоручек: кому пол мыть, кому кашу варить. Создается парадоксальная ситуация: необычайное внимание к экономическим проблемам в масштабе общества и предельное невнимание к ним же на уровне семьи. Нет, без экономической семейной функции тоже не обойтись. В любом микросообществе, если не желать его распада, необходимо дело общее для всех. Для всех — до единого, как в семье у Николаевых. Пока что такое общее дело — это хозяйственные заботы. Тут терпение вырабатывается, чувство долга, ответственность. Еще сострадание, умение, способность побывать в шкуре другого, друга, супруга. Если каждый день надо принести в бак воды из колодца, а к печке — дров... Это уже коачто. А в доме со всеми удобствами каждый день надо следить, допустим, за наличием картошки и хлеба. За чистотой полов, белья и посуды. Терпение, ответственность... и чувство: если ты чего-то не сделаешь, то другим будет плохо (голодно, холодно, неудобно); и тут уж, при всеобщей экономической семейной разлуке, почва для конфликтов, распрей).

У Николаевых не бывает распрей.

— С мужем мы хорошо живем. Ну, я ему никогда поперек ничего не скажу. Если он запишует — вообще промолчу, у нас скандалов не бывает. Ну как... просто это... может быть, еще от меня это зависит... Все говорят, что, ой, Нина, он у тебя с характером! Это уж ты скрываешь там что-то... Я не скрываю. Если он сказал — значит, он правильно... Он старше меня, он меня всему научил, я ничего не умела делать, а он — все. У них в семье так было заведено: что мальчик, что девочка — делают одинаково. Он любую работу сделает лучше меня, я не спорю с ним, и мы... Я не знаю, я поперек ему ничего — и хорошо живем. Ну, где-то и поругаемся, но я никогда ничего поперек ему не говорю. Я знаю, что он всегда прав. Многое зависит от женщины, чтобы вот хорошо жить с мужем. Вот сейчас в поселке слышу: тут скандал, там скандал. Баба сама начинает: а, ты такой-сякой! Так он — мужчина! И уступать надо друг другу. Вот я сейчас промолчала, а он потом... может, сначала и не скажет... а потом: правда, ты права ведь...

— Мне кажется, Виктор Петрович, вы должны молиться на Нину, правда?

— Тогда церковь надо делать тут у меня (смеется), чтобы молиться.

— А как вы насчет воспитания, как делите, всегда ли приходите к единому мнению?

— Бывает, она вон скрывает потихоньку этих друзей у меня...

— Что скрывает? Их проступки какие-то?

— Вот-вот... Ей потом попадает за это дело. Этот что-нибудь набедакурит или этот, а мамка возьмет — и не скажет. Я ведь зря не строжу: сделал плохо — получи по заслугам.

— Ой, я их прикрываю... Как же, они ведь маленькие. Надо, чтоб у человека кто-то был, кто всегда простит и пожалеет...

«Нетипичная семья, — скажет современный горожанин. — Очень уж детей много. Да и хозяйство вон какое!» Но я и сразу сказала, что нетипичная. Это исключение, которое может стать правилом — при нашем большом желании. И при том, что мы поймем: не в числе детей и не в хозяйстве дело, а в духе доброжелательности, трудолюбия, терпимости. Да, подчеркнваю: в духе терпимости к чужим недостаткам и нетерпимости — к собственным. Это не совсем конечно, то, к чему призывают иные классные руководительницы на школьных собраниях. Однако не будем с ними очень уж спорить: может быть, культивируемая ими непримиримость к чужим недостаткам способствует сохранению атмосферы товарищества, но сохранить семью такая непримиримость не может.

Правда, для горожан семья Николаевых нетипична совсем в другом смысле: просто потому, что это — сельская семья. В городской семье много своей городской специфики: трудности с транспортом, ясли далеко, с продавцами отношения вовсе не патриархальные. И так далее. Так, может быть, это городская специфика работает на распад семьи? Может быть, в ней какая-то роковая предопределенность к разводам и прочим семейным неурядицам? Вряд ли. А чтобы не быть голословной, приглашаю вас в семью горожан Вандышевых, к Андрею и Наде. До некоторых пор, по крайней мере во время нашего разговора, у них был один-единственный сын, а недавно появилась дочка.

— Жили на ЖБИ на частной квартире. А думала: сдам все экзамены, сделаю за следующий семестр проект и тогда рожу сына (смеется). А он у меня родился восьмью месяцев, как раз в середине сессии. Вот я из роддома да сразу на экзамены. Я вообще не знаю, как я этот четвертый курс кончила, потому что у Андрея дипломная защита была, а у меня четвертый курс. Значит, там четыре курсовых, лабораторные... Вот... Жили на квартире, попеременно бегали в институт — то он, то я (смеется). Он дипломировался на заводе, так ему еще работать надо было. Вот до сих пор не знаю, как я этот курс кончила. Сережка тут ревет, Андрей не знает, как с ним справиться. Он соску в сгущенку макнул (хохочет), ребенку два месяца...

Андрей — он очень быстрый, он все делает удивительно быстро, но все до того некачественно — я смотреть на это не могу (смеется). А я вылизываю каждый уголок, но делаю все очень медленно. А потом он — жаворонок, я — сова, еще и из-за этого никак не могли друг друга понять. Как только приходит десять часов, он говорит: у тебя какие-то заботы, какие-то дела... Ему спать в это время надо. А у меня утром ничего не получается, посуду — и то не всегда успеваешь вымыть, вот... А потом, в общем-то, я говорю: бежать мне было некуда, совсем некуда, и кровать у нас всегда была одна (смеется). И поэтому деваться было друг от друга некуда: подуешься, походишь — потом опять вместе.

— Так вот трудности и не разломали вашу семью?

— Тут, наверное, дело не в трудностях, а в точке зрения на трудности, в нашем к ним отношении...

Здесь я непременно прерву течение беседы, чтобы попросить еще раз прочесть только что сказанное Наде: дело не в трудностях, а в нашем к ним отношении.

Тут, мне кажется, ответ на заданный в начале вопрос: почему много разводов и мало детей. Не трудности ломают семью и ограничивают число наших детей. Можно принимать их как должное и переносить с достоинством, а можно от них бежать всю жизнь, не так ли?

— Я только видела, что муж — очень хороший человек. И очень падежный человек. Я была уверена, почему-то я была уверена, что мы с ним не расстанемся, он никогда не предаст. Он был несколько эгоистичен, поскольку... Ну, там родители, конечно, баловали... Это поначалу, по-моему, у всех. Не привык просто он заботиться ни о ком, всегда ведь заботились о нем, он ни о ком не заботился. А потом, когда появился Сережка, а он, как вы видите, копия его, абсолютная копия... мы оба стали другими — надежнее. Я когда кормила Сережку и смотрела то на одного, то на другого, я была, наверно, самая счастливая в это время. Разве ж делима любовь к тому и к другому?

Они живут недалеко от Каменных Палаток, в Свердловске, на девятом этаже. Свили свое гнездо, как птицы — высоко. И облака близко, и лес — из окна, а им мало: еще и лоджии сделали садом.

— Сорок шесть ведер земли... Горох, цветы, земляника, клубника, гладиолусы.

— Земельный участок в поднебесьи...

— Да, висят сады Семирамиды... Мама у меня повар по специальности, она прекрасно готовит, а же ничего не умела. У меня родители считали: учись, только хорошо учись. Я училась без троек, им больше ничего от меня не нужно было. Я почти ничего не делала, и вышла замуж — ничего не умела делать, а научилась — куда денешься, научилась. Мне вот матушка-свердловская книгу подарила — «Кулинария». Большую вот такую — со мной одного года выпуска. Там куча рецептов — три тысячи с чем-то. Учусь... Для меня самое главное, чтобы из сына вырос хороший человек. Я очень хочу, чтобы из него вырос хороший человек. Главное, чтобы он был добрый и отзывчивый к людям. Сегодня нас разбили две девочки ему в кровь, он отмахнуться не мог — они же, говорит, девочки! То приходит: девочка какая-то ему букварем запустила, вот здесь вот остался след от букваря — ну что сделаешь... Помню случай такой: покупали апельсины, их было сначала много, а потом остался один и лежал, лежал долго на столе, никто не мог осмелиться к нему подойти. Как-то за ужином Сережка взял нож, поделил его на четыре части, разрезал: одну положил себе, одну Андрею и две мне. Ну все-таки ребенок, хочется лучшие кусочки ему положить. Я говорю: я не хочу, Сережка, спасибо. Тебе, значит, две, а мне одну. Он говорит: нет, ешь. Андрей, значит, тут же схватил: а я, говорит, хочу! Сережа на него очень строго посмотрел, говорит: ну и что же, что ты хочешь? Это — маме.

Здесь можно перецутать: кто Сережа и кто Андрей? Отец, сын... Может быть, отец сказал сыну: не тащи все себе на тарелку, будь мужчиной, не привыкай к самому-самому вкусенькому. А может, сын учит смеющегося отца, потому что сам успел чему-то у него научиться...

Правда, тут область сугубо личных побуждений и личных вкусов. В самом деле, другой отец будет говорить: молодец, тащи все себе на тарелку, иначе — пропадешь. Один говорит — тащи, другой — не тащи. Кто прав при такой самой абстрактной постановке вопроса? Смотрите: дети прямо-таки замерли в ожидании ответа, потому что очень часто и они, и мы принимаем многое просто на веру. Да, в слове «тащи» тоже свои преимущества и соблазны: сладко есть, мягко спать. А применительно к семейной жизни? Какой прин-

цип способствует процветанию семьи и какой ее разрушает?

Нет, морализировать под занавес я все-таки не хочу, но можно просто вспомнить в заключение, что есть такие старые слова: «мораль», «этика». Мы говорили раньше об экономическом воспитании и о воспитании трудом, делом. Но ведь и там, где вроде бы об этике человеческих отношений и речи нет (бери больше — кидай дальше, чего уж тут?)... И нам все-таки без этики не обойтись. Хорош будет отец семейства и педагог, который только учит: трудись, трудись, а сам палец о палец не больно ударит... И здесь этика — в совпадении слова и дела или просто в том, что хозяйственные распоряжения отдает человек, который работает больше всех.

Конечно, хотелось бы еще и слов, совпадающих с делом, хотелось бы правильных слов о правильной жизни. Ведь не бессловесные же мы создания? И сразу вопрос: а что такое правильная жизнь? Я знаю мать, которая ничего не могла ответить дочери: почему такие-сякие живут хорошо, все у них есть — и шубы, и кольца, а эти твои хорошие люди живут кое-как, одно демисезонное пальто пятнадцать лет носят? Что тут ответить? Может быть, так: пятнадцать лет носят пальто потому, что драп очень хороший...

Очевидно, должно существовать искусство отвечать на такие вопросы. Наверное, есть соответствующая наука... Давайте поищем в школьной программе: физика и геометрия, биология и зоология, русский язык и французский язык. География... Есть все, даже эстетика и кружок балльных танцев, только этики нет, нет науки о нравственных отношениях в обществе, нет науки о нравственности. Много внимания внешнему миру и мало — внутреннему. Нет книжки со множеством увлекательных картинок и поучительных историй, с разбором житейской практики, с изложением тысячелетних взглядов на хорошую жизнь, на приличную жизнь и на жизнь неприличную, плохую. Разумеется, это не тот рычаг, с помощью которого Архимед собирался перевернуть землю. Но появление такой книжки означало бы, что наша с вами точка зрения на мир человеческих отношений стала чуть более сложной и богатой, а значит — менее примитивной. Правда, с 1985 года в школьной программе появился предмет «Этика и психология семейных отношений». Можно бы сказать: подход к делу тут чересчур узкий, какой-то утилитарный, почти технологический. Почему только семья? Но, может быть, есть надобность и такого подхода. А несколько шире посмотреть на проблемы этики поможет талантливый учитель литературы. У него столько помощников: Пушкин и Гоголь, Достоевский и Толстой, Белов и Распутин, Трифонов... Они могут объяснить очень многое, в том числе и правила поведения в семье: будь терпелив, не прячься за печку, когда другие работают; не будь упрямым, то есть не добивайся своего любой ценой (часто цена — распад семьи); имей мужество самому расплачиваться за свои ошибки (стыдно, когда за твои ошибки расплачиваются брошенные тобой дети); поэтому — будь терпелив, не тащи все себе на тарелку, не требуй: мне, мне! (мне — любви, милосердия, каши, сосисок, а другим — после, потом, что останется). Помните Нину Николаеву: «Муж всегда прав». Конечно, мы с вами такие умные, что понимаем, — это преувеличение. Но способны ли мы с вами, такие умные, на подобное самоотречение? Может быть, стоит учить нас этому в школе? А потом уж жизнь покажет, чего стоят наши пятерки по этике...

РАСПРОСНЫЕ РЕЧИ ЧЕРДЫНЦЕВ

Елена ПОЛЯКОВА

Неведомые земли... Их так много было в России в прошлые века. На этих обширных пространствах работы краеведам хватало.

XVII век оказался любознательным. Во все концы страны шли царские грамоты, где предписывалось воеводам «расспросить» местных жителей о неизвестных в Москве землях.

Москва здесь, конечно, выступала в роли купца: точно знай, чем владеешь и сколько можешь взять. Выполнили поисковую работу люди, влюбленные в свое трудовое дело, — первопроходцы, а чаще всего — рыбацкие и охотничьи артели...

Прислали царскую грамоту и в Пермь Великую — обширную провинцию в Верхнем Прикамье (ныне Пермская область). Особенно интересовали Москву земли на севере и востоке Предуралья.

«Распросные речи по государеву указу о горах, озерах, зверях, серебряной или медной руде на северо-восток от Перми» были составлены в ответ на царскую грамоту в 1667 году. Этот документ сохранился до нашего времени и вместе с другими чердынскими (Пермью именовали и административный центр Перми Великой — город Чердынь) деловыми актами прошлых эпох хранится в архиве Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР:

В документе говорится: «...воевода Борис Григорьевич Бухвостов в Чердыни, в съезжей избе, чердынцев, туточных людей, старожил, разумных людей перед собою расспрашивали накрепко... об озерах и реках, об их «прозваньях»,

есть ли в них рыба; имеются ли горы и высоки ли...»

Лучше были известны чердынцам земли, расположенные на северо-востоке. Им было известно Чусовское озеро, в документе — Чусовое. Так, земский староста Аписим Игнатьев сын Юмшанов рассказывал о нем: «...в длину то озеро десять верст, а сколько де то озеро в ширину, того де он подлинно не ведает. А то озеро не многорыбно.. А гор де каменных и песчаных при том озере нет. А от города де Чердыни до того Чусового озера 180 верст».

В распросных речах 1667 года о Печоре написано так:

«В той же северной стороне за печерским волоком на пустых де местех есть де река прозваньем Печора. А до той де реки от города Чердыни большаи трехсот верст. А та де река немногорыбна: рыбы де в той реке бывають нельма, лини, щуки, сига, язи, харьюзи, семга, а семги-рыбы в той реке мало и бывають не по вся годы».

Знали чердынцы те реки, которые связывали прямым водным путем Чердынь, стоящую на Колве, с Чусовским озером и далее вели к волоку на Печору. Описывая реки, они упоминали «каменные горы», располагавшиеся по берегам:

«Есть де вверх Колвы-реки на пустых местах горы каменные, прозванья им — гора Девья, гора Боед... В северной стороне на пустом месте есть де река малая прозваньем Березовка, а та де река немногорыбна, рыбы де в ней имеются мелкие харьюзи, лини. А при той де Березовке-реке есть на пустых местах горы каменные пустые, а прозванье им: гора Мульск, гора Кырниш, гора Дироватая, гора Яранкор, гора Пасынок, а сколько мерю те горы в высоту и имеются ли на тех горах какие звери, того де они не ведают».

Упоминали чердынцы и расположенные около реки Березовки озера Березовское и Тумское.

Путь к печорскому волоку был хорошо известен жителям Перми Великой в XVII веке: на Печору и ее падуны (притоки) ездил из Чердыни «рыболове» — рыбацкие артели. Сохранился ряд документов, свидетельствующих об этом. Например, в челобитной чердынцев воеводе 1648 года читаем: «Хотел ты, государь, Иван Васильевич, жаловать — отпустить на Печору-реку на рыбную ловлю».

Хуже чердынцам была известна местность к востоку от Перми Великой — по Вишере. Описывая Ви-

шеру выше мест, заселенных русскими, в частности села Говорливого, они упоминают только «каменные горы» по берегам реки:

«В восточной стороне на пустых местах по Вишере-реке, которая близко Чердыни прошла, мимо Чердынский уезд, есть де горы каменные, прозванья им: гора Сторожевая, гора Велгур, гора Лапина, гора Сыпучая, гора Писаная, гора Ябус, гора Золотая, гора Гостина, гора Витряная, гора Дироватая, гора Чувал, гора Корокорен... а те де горы близко вогульских юрт».

Сообщения чердынцев 1667 года свидетельствуют о том, что многие из упоминаемых ими местностей были уже хорошо освоены жителями Перми Великой, имели устоявшиеся русские названия (горы Боед, Сторожевая, Писаная, Ветряная, Сыпучая, Золотая, Дироватая). Возможно, они были переведены на русский или это результат фонетической переработки местных названий.

ПРОЕЗДОМ ИЗ ССЫЛКИ...

Борис ЧЕЛЫШЕВ

Книга была другом Тараса Шевченко еще в детстве. Не разлучался он с нею и в зрелые годы. Он разыскивал интересные издания, радовался, когда получал от друзей в подарок книги и журналы. А если в кармане заводился лишний рубль, не жалел его, чтобы купить книгу.

Сюжетом для увлекательного рассказа могут послужить поиски одной книги, так им и не найденной. И я вспомнил о ней потому, что случайно приобрел ее в букинистическом магазине в Саратове.

Освободившись в 1858 году от изнурительной солдатской лямки, Шевченко попал в Астрахань, чтоб с попутным пароходом отправиться в Нижний Новгород, а затем в столицу.

Обойдя город, поэт отправился в Астраханский кремль, чтоб осмотреть красивый собор. По пути вспомнил, что есть книга об Астрахани:

«По слухам знаю я о существовании книги под названием «Описание города Астрахани», — писал

он в дневнике.— Но о приобретении ее здесь на месте и помышлять нечего. Город, не имеющий книжной лавки, значит, и читателей не имеет, а как бы кстати иметь теперь в руках эту книгу: там, верно, помещены документальные сведения о времени построения кремля и собора как главного украшения города. Кто же заменит мне эту дорогую книгу? К кому обратиться мне с моим любопытством?»

И вот, поразмыслив немного, Тарас Григорьевич решил идти прямо в собор, надеясь найти книгу у священника. У дверей он встретил ключаря — отца Гавриила Пальмова. Тот, бросив взгляд на потрепанное пальтишко, на порыжелую шапку Тараса, сослался на занятость. Правда, тут же смилостивился и обещал побеседовать в воскресенье после обеда.

Сняв какой-то чулан с миниатюрным окошком, выходящим на помойную яму, Тарас Григорьевич снова отправился изучать город. А через день, 11 августа, отыскал отца Гавриила, и тот показал любознательному гостю собор и его достопримечательности: евангелие 1606 года, серебряный ковчег искусной работы — дар Петра и другие редкости. Книжки же об Астрахани Шевченко так и не раздобыл.

Доведись на месте Тараса Григорьевича быть другому, менее любознательному и настойчивому, он удовлетворился бы рассказами священника о городских достопримечательностях и забыл о книге. Но не таков Шевченко. Он так описывает в дневнике свои поиски:

«По наставлению отца Гавриила пошел отыскивать городскую библиотеку. Протит губернаторского сквера прочитал я на бледно-голубой вывеске: «Публичная библиотека для чтения». Браво, подумал я, в Астрахани публичная библиотека! Стало быть, и чтенцы имеются. Замарашка мальчуган указал мне вход в это святилище, и я благоговейно поднялся во второй этаж и вступил в единственную залу библиотеки. Библиотекарь, в шюртуке с красным воротником и с грендерскими усами, которого я принял за полицейского чиновника, сказал мне, что книги Рыбушкина «Описание города Астрахани» в настоящее время в библиотеке не имеется, а что она находится у бухгалтера общественного призрения Васильева».

Тогда неутомимый Тарас пошел отыскивать незнакомому ему Васильева. Бухгалтер оказался почтенным старичком. Он заверил обычного просителя, как снег славящегося ему на голову, что воз-

вратит книжку в библиотеку на следующий день к 9 часам утра.

13 августа Шевченко, с лоскутом бумаги и огрызком карандаша, пошел в библиотеку. Там сказали ему, что бухгалтер Васильев так и не заходил.

Не получив книги в этот день, Тарас Григорьевич на следующее утро по грязи в проливной дождь опять пошел отыскивать книгу. Но... «сия публичная библиотека, вероятно, по случаю дождя и грязи, была заперта, и я, поклонившись дверям сего недоступного, таинственного святилища, ушел восвояси с миром, дивясь бывшему».

Однако что это за книжка, которую так тщетно добивался получить Шевченко, и что бы интересное он вычитал, если бы получил ее?

Я достаю эту книгу с полки, на которой стоят у меня редкие старинные издания. Полное и точное название ее таково: «Записки об Астрахани. Собрал директор астраханских училищ М. Рыбушкин». Издана книга в Москве, отпечатана в типографии С. Селивановского в 1841 году.

Если бы Шевченко прочитал эту книгу, он узнал бы много интересного об основании Астрахани, о рыбных и соляных промыслах, о народонаселении города.

Во второй половине книги он нашел бы краткое описание постоянной выставки в Астрахани, основанной еще в 1837 году, сообщение о портретной, то есть картинной галерее. Имеются в книге сведения и о городской библиотеке, как раз о той, которую посещал Шевченко. Открыта она была в 1838 году, и спустя три года в ней имелось до 10 500 томов литературы. А читателей — всего 50 человек! Правда, при библиотеке имелась бесплатная читальня, которой пользовалось около двух тысяч человек.

...Расторопный молодой человек был явно обескуражен. Он предлагал мне и Александра Дюма, и Василия Шукшина, расхваливал томик Маршны Цветаевой и двухтомник Ремарка. Скромно запрашивал умопомрачительную цену. Но на все его настойчивые предложения я отвечал:

— Нет, не интересуюсь.

Мы стояли возле букинистического магазина в Одессе. Наконец, он воскликнул в сердцах:

— Да что же вы, в конце концов, коллекционируете? — И вдруг догадался: — А, понятно — антиквариат!..

Я вошел в магазин и намеревался было просматривать картотеку старых книг. Кто-то взял меня за локоть. Обернулся. Все тот же молодой человек.

— Есть стихи Шевченко, 1914 года. Нужно?

— А вы не путаете? Действительно этот год обозначен?

Дело в том, что в 1914 году был юбилей — 100-летие со дня рождения великого украинского поэта. Но правительство запретило его отмечать. В. И. Ленин писал в работе «К вопросу о национальной политике»:

«Запрещение чествования Шевченко было такой превосходной, великоленной, на редкость счастливой и удачной мерой с точки зрения агитации против правительства, что лучшей агитации и представить себе нельзя».

А тут мне предлагают не статью из газеты, а целую книгу! На этот раз сделка состоялась. Причем торговец, к моему удивлению, запросил за такую редкость всего-навсего три рубля! Видно, решил: куда этакой книжонке в мягкой обложке да еще потрепанной до ходоу современной продукции!

Придя домой, я внимательно рассмотрел книжечку. Собственно, это был не сборник стихов. Больше половины ее занимает очерк К. А. Иващенко о жизни и творчестве великого Кобзаря. Затем — небольшая статья А. Петровского «Берегите могилы».

На последней странице публикуется стихотворение Н. А. Некрасова «На смерть Шевченко». А открывается книжечка стихотворением «Завещание». Причем после слов

Поховайте та вставайте,
Кандалы порвите,
идут две строчки точек. Цензура не пропустила слов:

Вражескою злою кровью
Волю окропите.

Да и выше были пропущены строки. Вот в таком виде и был опубликован «Заповит»!

Да, книжечка «Т. Г. Шевченко, его жизнь и поэзия» была выпущена в 1914 году, к столетию со дня его рождения. Издание предназначалось, как сказано на обложке, «в пользу Тираспольского Педагогического Общества взаимопомощи»; цена ее 25 копеек, причем сбор предназначался в помощь учителям.

В какие бы музеи, архивы, библиотеки я ни обращался, мне письменно отвечали: такой книжки в их собраниях нет. Значит, сохранилась она в единственном экземпляре? И потому я ее особенно берегу.

ЖИВАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ УРАЛА

Сара ГОМЕЛЬСКАЯ

Подшивка газеты «Труд» за 1944 год. Номер 244 от 13 октября. Идет Великая Отечественная война. Еще семь месяцев до Победы. И поэтому главное место в номере занимают материалы с фронтов, о работе тыла. А на третьей странице — небольшая заметка «Юбилей старейшего уральского краеведа». В ней рассказывается о 60-летию Андрея Андреевича Анфиногенова.

Чем же замечательна жизнь краеведа, что сделал он нужного и полезного людям? Почему газета посчитала необходимым сообщить о его юбилее всесоюзному читателю?

Андрей Андреевич Анфиногенов — крупнейший уральский краевед и библиограф. Современники называли его «живой энциклопедией Урала».

Всю жизнь А. А. Анфиногенов прожил в Свердловске, в доме № 51 на тихой улице Февральской революции. И особое место в его творчестве занимал Екатеринбург — Свердловск, его история, улицы и дома, его люди. Биография краеведа бедна большими событиями. Неудач в жизни было немало, кроме того, бескорыстный, по-старинному вежливый и деликатный, Андрей Андреевич был очень мягок и уступчив. Но, несмотря на все это, он сумел сделать свою жизнь содержательной, плодотворной и общественно полезной.

Андрей Андреевич Анфиногенов родился 2 октября (20 сентября по старому стилю) 1884 года в городе Екатеринбурге (Свердловске). Отец его, Андрей Михайлович Анфиногенов, был мелким торговым служащим, происходил он из семьи крепостных крестьян Владимирской губернии. Дед Андрея Андреевича с отцовской стороны был офеней-коробейником. Среди семейных воспоминаний Анфиногеновых был рассказ о встречах коробейников с Н. А. Некрасовым и И. А. Гончаровым. Из семейных же воспоминаний мальчик получил первые сведения о России, так в те годы называли земли западнее Урала, где была родина отца, и о Москве. Мать,

Ульяна Ивановна, была дочерью швейцара Екатеринбургской городской управы, отставного николаевского солдата. Предки матери были уральскими заводскими мастерами. Андрею Андреевичу нравилось такое его российско-уральское происхождение.

Основной его профессией стала профессия бухгалтера. Андрею Андреевичу шел двадцать первый год, когда умер отец, и на его плечи легла вся забота о матери и о девяти младших братьях и сестрах. Приходилось очень много работать. Но жить только одной заботой о куске хлеба он не мог — он очень любил музыку и театр, много читал, собирал свою библиотеку, начал изучать родной край.

Всю жизнь Анфиногенову везло на встречи с интересными людьми. Одним из них был сосед Иван Васильевич Попов. Он хорошо знал Урал, был частым спутником Д. Н. Мамина-Сибиряка в многочисленных поездках писателя. Рассказы самого Ивана Васильевича, встречи у него с бывальными людьми — золотопромышленниками, старателями, лесниками раскрывали Андрею Андреевичу жизнь родного края. Навсегда оставили след в жизни и памяти Анфиногенова встречи с большевиками — Я. М. Свердловым, Л. И. Вайнером, С. А. Черепановым, Ф. Ф. Сыромолотовым, братьями В. М. и П. М. Быковыми, художником А. К. Денисовым-Уральским. Многолетняя дружба связывала его с Павлом Петровичем Бажовым.

В его библиотеке все большее место занимают теперь местные издания и литература о родном крае. Постепенно Анфиногенов становится владельцем замечательной библиотеки и очень интересного архива. Его огромная картотека содержит 23—24 тысячи географических названий, 65 тысяч вырезок, выписок, библиографических подборок. Эти богатейшие материалы стали источником многих его краеведческих трудов, библиографических работ.

В 1925—1926 годах, когда А. А. Анфиногенов был главным бухгалтером Уральского филиала Гипромеца (Государственного института по проектированию металлургических заводов), началось проектирование машиностроительного завода-гиганта — будущего Уралмаша. Когда дело дошло до выбора площадки для завода, помогли знания главного бухгалтера института Анфиногенова — великолепного знатока окрестностей Свердловска. Он обратил внимание проектировщиков на северную окраину города — место близ озера Шувакиши.

В 20-е — начале 30-х годов было издано несколько путеводителей по Уралу, которые и сейчас представляют большой интерес: «Советский Екатеринбург» (1922), «Свердловск — столица Урала» (1924), «По Советскому Уралу» (1928 и 1930), «По Чусовой» (1930 и 1931), «По Каме» (1931). Анфиногенов был одним из авторов этих путеводителей.

В 1930 году Уральский обком партии принял решение об издании Уральской советской энциклопедии. А. А. Анфиногенова привлекли к работе над ней. Он участвовал в составлении словника, 175 его материалов были приняты к опубликованию в томах энциклопедии. К сожалению, издание не было завершено, и большая часть статей осталась в портфеле редакции. В единственном вышедшем первом томе (1933) опубликованы 44 статьи Анфиногенова.

В 1937 году А. А. Анфиногенов сменил место работы — он стал библиографом-консультантом в Свердловской государственной публичной библиотеке имени В. Г. Белинского и трудился здесь до конца своей жизни — 19 марта 1948 года. В годы войны он трудится над темами, важными для военного времени.

Отвечая в 1946 году на вопрос корреспондента Совинформбюро: «Чему меня лично научила война?» — Андрей Андреевич писал: «Великая Отечественная война пробудила еще большую любовь к родному краю, его замечательным богатствам, его замечательным людям, научила еще более углубляться в литературу Урала, открывающую многое забытое... Научила забыть свой возраст и работать с юношеской энергией».

Последней большой работой Андрея Андреевича Анфиногенова стал первый библиографический указатель «Павел Петрович Бажов», посвященный автору замечательных уральских сказов. В годы Великой Отечественной войны творчество П. П. Бажова приобрело всеобщую известность. Его книга «Малыхитовая шкатулка» была удостоена Государственной премии, сказы стали переводиться на языки народов СССР и иностранные языки, появилась большая литература о писателе. Необходимо было учесть все эти материалы. Эта книжечка, скромно изданная Свердловской государственной публичной библиотекой имени В. Г. Белинского, вышла в свет уже после смерти ее составителя.

далёкое, но близкое восьмивековое „Слово“

Андрей КОМЛЕВ,
Константин БЕЛОКУРОВ

Рисунок Е. Охотникова

«Слову о полку Игореве» 800 лет. Однако сегодня это не только памятник древнерусской литературы, но именно и прежде всего живое и волнующее художественное произведение. Почему же нам, людям конца XX века с его космическими скоростями, научно-технической революцией и информационными взрывами, вдруг оказываются столь насущно близки «старые словеса», написанные для современников человеком своего времени, то есть конца XII века? Потому что «Слово» знаменует для нас непрерывность времен, пространство его не замкнуто в узкой сфере средневековья, а открыто и в прошлое и в будущее. В прошлом оно органически впитывает духовные истоки жизни народа, и в то же время в «Слове» не только подразумеваются, но уже наличествуют зерна тех духовных величин, которые проросли в нашем сознании именами классиков русской литературы прошлого и нынешнего веков. Главный герой «Слова о полку Игореве» не удельный князь Игорь Святославович Новгородец-Северский, а Русская земля.

«Смысл поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов...» — характеризовал «Слово о полку Игореве» Карл Маркс в письме Фридриху Энгельсу 5 марта 1856 года.

Менее полувека оставалось от событий «Слова» до начала монголо-татарских вторжений. И в гениальном предчувствии великих бед для земли и людей автор «Слова» на примере трагического похода северского князя отобразил главную опасность своего времени — недостаток единства Руси, губительное ослабление ее внешней обороны от натиска кочевников в результате бесконечных княжеских междоусобиц.

Судьба Киевской Руси на рубеже XII—XIII веков во многом аналогична судьбам стран и империй раннефеодального периода. Сложившееся вокруг Киева в X—XI веках древнерусское государство вследствие слабости социально-экономических связей в XII веке все более и более распалось на множество удельных княжеств — феодально обособленных полугосударств со своими «столами» (престолами, столицами) в Чернигове и в Галиче, во Владимире Вольнском и во Владимире Суздальском, в Полоцке и в Новгороде... В них возникли свой суд и управление, свое войско, проводилась своя политика — в основном местническая и своекорыстная... Традиционное первенство киевского князя становилось уже чисто

формальным. «Матерь русских городов» непрерывно переходила из рук в руки удельных властителей.

Однако нравственное сознание единства Руси никогда полностью не угасало в народе и должно было ярко вспыхнуть перед лицом великих испытаний. Это сознание порождено прежде всего исконной духовной общностью — общностью родного русского языка и народного творчества на всем пространстве русской земли от Сулы до Двины и от Галича до Суздаля с незапамятных времен — «веков Трояных» сквозь исторические времена «дедов» и «внуков», «от старого Владимира до нынешнего Игоря». И в постижении этого великая историческая правота «Слова о полку Игореве». Поэтому оно не только трагично, но и оптимистично. Оно народно. По выражению академика Д. С. Лихачева, «Слово о полку Игореве» — это плач о настоящем и до известной степени слава будущему Руси.

«Уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности» назвал «Слово о полку Игореве» А. С. Пушкин.

И в наше время, когда вполне выяснены принципиальные связи «Слова» с древнерусскими литературными традициями, достаточно изучены книжные и фольклорные истоки его поэтики, это произведение XII века остается совершенно уникальным явлением средневековой литературы.

Впервые здесь становится организующим именно лирическое начало. Трагедия Игоревы поражения — это личная трагедия автора-патриота. Этим трагическим сознанием организуется многообразный материал: эпический — разновременные планы, публицистический — обличение своекорыстной практики князей-современников и призывы к единству. Единая нравственная оценка связует пространственно-временные планы «Слова о полку Игореве», авторская мысль опирается на время бытия народа, на его поэтическое мышление и нравственные понятия. К этому же поэтическому времени принадлежит и будущее — желаемое, отмеченное мгновенным откликом стихий природы на зов жены Игоря Ярославны — значит, любви, родины, жизни...

Трудно назвать другое какое-либо произведение, в котором события жизни людей и изменения в природе были бы так тесно слиты. И это слияние, единство людей и природы усиливает значительность происходя-

щего, усиливает драматизм. Все события русской истории получают отклик в русской природе и тем самым оказываются «удесятеренными в силу своего звучания» — отмечает Д. С. Лихачев.

Вот и нам сегодня, в год сорокалетия Великой Победы, естественно близок природный патриотизм «Слова» — чувство Родины от исконных истоков в осознании становления героического характера русского народа.

Скоро исполнится 200 лет с начала нового обретения «Слова о полку Игореве» в русской литературе. В конце 80-х годов XVIII века собиратель российских древностей граф А. И. Мусин-Пушкин в Спасо-Ярославском монастыре города Ярославля получил у архимандрита этого монастыря Иония Быковского рукописную книгу, где среди летописных текстов и переводов византийских повестей находился единственный и поныне известный

список «Слова о полку Игореве». К подготовке издания «Слова» Мусин-Пушкин привлек лучших ученых-архивистов своего времени — Н. Н. Бантыш-Каменского и А. Ф. Малиновского, немалое участие в этой работе принял также выдающийся писатель и историк Н. М. Карамзин. «Слово о полку Игореве» было впервые издано в Москве в 1800 году тиражом 1200 экземпляров, но в большом московском пожаре 1812 года в доме Мусина-Пушкина на Разгуляе погиб вместе с другими рукописями богатейшего собрания исходный список «Слова»...

Неудивительно, что «Слово о полку Игореве» найдено в единственном списке. В одном списке дошло до нас немало произведений древнерусской литературы, например, «Поучение» Владимира Мономаха или знаменитая Троицкая летопись начала XV века, которой пользовался Карамзин в своей «Истории Государства Российского». Единственный список Троицкой летописи сохранился вместе с единственным списком «Слова»...

Но с этого времени «Слово о полку Игореве» было уже по-настоящему «услышано» и прочно заняло подобающее ему первостепенное место в культурной жизни нашей страны. Оно переведено на все славянские языки и на многие языки мира. Нам действительно повезло — ведь всякий любознательный читатель, владеющий современным русским языком, имеет возможность при желании оцифровать подлинный текст восьмивекового «Слова». Это возможно благодаря тому, что русский язык за восемь веков своего развития подвергся значительно меньшим изменениям, нежели другие европейские языки, скажем, немецкий или французский. Удивительно не то, что многие слова в древнерусском тексте не понятны, а то, что так много слов понятно!.. Есть немало научных комментированных переводов, а также столько хороших поэтических переводов и переложений, например, В. А. Жуковского, А. Н. Майкова.

Но возможно ли прочесть вслух подлинный текст «Слова о полку Игореве»? Ведь и при чтении с листа существует акт внутреннего проговаривания... Поколениями ученых наработано надежное основание для расшифровки ударения в древнерусских текстах, в акцентологической реконструкции профессора Ленинградского университета В. В. Колесова дано большинство исконых для «Слова» древнерусских ударений. По этой реконструкции сделаны попытки ритмического озвучивания древнерусского текста, сделанные московским поэтом А. Черновым и одним из авторов этих заметок.

Круг участников исследования и обсуждения «Слова» становится все шире, включая людей самых различных профессий. «Мы многое узнали благодаря всенародному интересу к «Слову»... — отмечает В. В. Колесов, — этот удивительный факт литературы стал точкой совпадения профессиональных и эстетических интересов филолога и историка, искусствоведа и поэта, биолога и военного — он стал фактом единения представителей различных современных специальностей в их общем интересе к своему прошлому».

Но, обращаясь к живому тексту «Слова», мы обязаны помнить, что это памятник культуры, который требует к себе не менее бережного отношения, нежели, скажем, храм Покрова на Нерли или рублевская «Троица»... «Слово о полку Игореве», как и другие великие произведения искусства, оказывается значительно шире рамок своего времени. Но «Слово», естественно, вырастает из своей эпохи, и не следует произвольно соотносить с ним примеры из литературы, истории, жизни других времен, скажем, XIX—XX веков... Конечно, по счастью, не в наших силах разрушить «Слово», но, обращаясь с ним излишне вольно и легковесно, мы способны характеризовать себя не с лучшей стороны по отношению к «Слову», возможно, и отвратить от «Слова» читателей. А ведь «Слово» — в будущем.

В ПЕРЕВОДЕ АЛЕКСЕЯ ДОМНИНА...

Василий ПЕТРОВ

Жил в Перми замечательный русский поэт и прозаик Алексей Домнин. Член редколлегии «Уральского следопыта», большой друг нашего журнала, он был страстным ревнителем русской старины. Древние предания, фольклор, сказки были любимыми его жанрами, он с увлечением перелагал их, переводил на поэтический язык. Предметом особой любви Алексея Домнина было «Слово о полку Игореве». Кстати, эту свою привязанность он унаследовал от отца — Михаила Константиновича Домнина. Он всю жизнь занимался изучением «Слова», «нашел имя» автора, как он был убежден, имел свои переводы поэмы, но постеснялся, что ли, при жизни обнародовать свои изыскания. За отца это сделал сын — и продолжил его дело, и перевел поэму.

Вот начало «Слова о полку Игореве» в переводе Алексея Домнина:

Не пора ли, русичи и братья,
Вспомнив были прадедов суровых,
Следуя их памяти и слову,
Нам сказать об Игоревой рати
И вернуть его былую славу
Удалому сыну Святослава.
А начаться песне той печальной
Не Бояна слогом величавым:
Тот Боян, сказание замыслив,
Серым волком рыскал по долинам,
Белкою струился по вершинам
И орлом парил в небесной выси,
Мысленным окидывая взором
Первых лет крамолы и раздоры.
И тогда, пленен папавом дивным,
Десять зорких соколов пускал
В клин высокой стаи лебединой,
И как первый сокол настигал
Молодую лебедь в подвесье,
Та и первой начинала песню:

Мудрому трубила Ярославу
Славу,
Или Храброму Мстиславу,
Что зарезал в смертном поединке
Пред полком косоного полудик
Редедю — их грозного кагана,
Или пела Красному Роману,
В дальнем поле сгнувшему рано...
То не сокол падал с высоты
И не лебедь пела молодая,
В смертный час в подоблачье рыдая,
То Бояна вещи персты
Над живыми струнами взлетали,
Струны ж сами славу рокотали.
Нам ли петь, его полету вторя,
Если Русь терзают ложь и горе?

Весьма любопытной и отнюдь не легкомысленной выглядит предположение Домниных, кто был автором «Слова». Они считают, что автором был Святослав Ольгович Рылский.

В походе на половцев участвовали четыре князя: Игорь Святославович Новгород-Северский, его сын Владимир Путивльский, его племянник Святослав Ольгович Рылский, а также дружина ковуев Ярослава Всеволодовича Черниговского. Однако в «Слове» героями выступают лишь трое. Не называется имя Святослава, даже не упомянут Рылский, которым он владел. Значит, о себе автор не хотел и не мог писать.

Отец Святослава, князь Черниговский, старший брат Игоря и Всеволода, претендовал на киевский престол. Он умер, когда сыну было 15 лет, и Святослав уже не унаследовал от отца крупного княжения. Дядья и деды сплавили его в захудалый Рылск.

Боян был любимцем в роду Святослава. Этим и объясняют Домнины особое отношение к нему автора «Слова».

И еще одно подтверждение вывода Домниных об авторстве «Слова». В «Изборнике» Святослава 1073 года есть работа Хоровоска «Об образах». Это — учебник по искусству письма и слова. Аллегория, или инословие, метафора, или перевод, гипербола, или лихоречье, о чем рассуждает Хоровоск, широко использует автор «Слова о полку Игореве». А ведь владельцем этого «Изборника» был Святослав Рылский...

КОМПОЗИЦИЯ

Борис ДМИТРИЕВ

Я в квартире сослуживца, преподавателя педагогического института Валентины Ивановны Кочубей. Ее муж, Владимир Зосимович, художник-любитель. Но некоторые из его произведений выполнены с большим профессиональным мастерством.

Рассматриваю его рисунки, этюды, скульптуры. И вдруг останавливаюсь, пораженный. Нет, пояснения не нужны: это — Боян!

Да, скульптурный портрет старика талантливо вырезан из могучего корня старой акации. Голова сказители запрокинута, чуть приоткрыт рот, слезы глаза, прядь седых волос падает на мудрый лоб.

— Я так и представлял себе вещего Бояна, когда вырезал его портрет, — говорит Кочубей.

...Моя личная фронтовая судьба была связана с Доном и Северским Донцом. Как раз там, где когда-то бились с половцами Игоревы дружины, находились наши полевые аэродромы. И, летая на разведку, я иногда возвращался мыслью к тем далеким битвам, что воспеты в «Слове о полку Игореве». А к сорокалетию со дня освобождения донской земли Владимир Зосимович Кочубей и подарил мне своего Бояна...

Наверное, каждый историк, литературовед, книжный следопыт тайне мечтает найти какой-нибудь древнейший сборник сказаний. Раскроет его и увидит ну хотя бы такие слова:

«Тогда вступил Игорь князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заграждало; ночь, стонучи ему грозою, птиц разбудила; свист звериный поднялся; встрепенулся Див, клочет на вершине дерева...»

Прочтешь эти строки и окаменеешь. Потом лихорадочно начнешь переворачивать листы, и вдруг в глаза бросится заголовок: «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ, ИГОРЯ СЫНА СВЯТОСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА».

И сердце словно пробьет тремя ударами: най-де-но!!! В истории мировой культуры это было бы величайшим открытием.

Вспоминаю, как еще до войны я внимательно просматривал в развалах у ярославских, костромских стариков-буккистов каждую мало-мальски старую книгу в вытертом кожаном переплете.

А двенадцать лет назад забросила меня судьба в Западную Сибирь. Я часто путешествовал по шорской, алтайской, саянской тайге.

Два фоллианта в грубой коже с медными застежками мне подарили наследники раскольников-кержаков; две рукописные книги нашел в заброшенной охотничьей избушке. Конечно, «Слова о полку Игореве» так и не встретилось. И все же почему-то именно эти кожаные с пожелтевшей бумагой могикане все время ассоциировались у меня с рукописью величайшего памятника древнерусской культуры.

Кипиневский скульптор Ниеле Игновна Мешките подарила нам с женой свою скульптуру из серого шамота. Названия у нее не было.

Как-то на досуге я перечитывал «Слово». Когда дошел до знаменитого «Плача Ярославны», взгляд невольно остановился на скульптуре женщины, прикрывшей руками лицо в глубокой печали. Да это же Ярославна! Она только-только произнесла: «О ветер, ветрило! Зачем, господин, бурно веешь? Зачем мчишь хиновские стрелы на своих легких крыльях на воинов моего милого? Мало ли тебе было в вышине под облаками веять, качая корабли на синем море? К чему, господин, мое веселье по ковылю развеял?»

Какая тишеческая схожесть в художественном изображении неутешного горя! Смотрю на скульптуру, и зримо представляется древний Путивль, крепостная стена, молодая женщина, что прикрыла лицо руками...

Совпадение четырех древних книг, двух скульптур не было случайным, хотя и жили они в нашем домашнем музее обособленно — сами по себе. Но однажды мы составили их вместе и назвали композицию «Слово о полку Игореве»...

ТАЙНЫ ТИБЕТСКОЙ МЕДИЦИНЫ

Октябрин БАЛАБАНОВ

Рисунки Е. Охотникова

В прошлом году на Свердловской киностудии был снят научно-популярный фильм «Тайны тибетской медицины», вызвавший большой интерес зрительской аудитории. Член-корреспондент АМН СССР, профессор Б. Петров так отзывался о работе свердловских кинематографистов: «Тема работы актуальна и заслуживает одобрения. Большой интерес к тибетской медицине как среди врачей и ученых, так и среди широких кругов населения наталкивается на полное отсутствие литературы по этой теме. Появление научно-популярного фильма о тибетской медицине отчасти заполнило этот пробел... Фильм правильно трактует сложную историко-медицинскую проблему, не преувеличивая и не преуменьшая значения тибетской медицины, верно расценивает как положительные, так и сомнительные ее стороны...»

Мы обратились к одному из авторов фильма, сценаристу Октябрину Балабанову с просьбой — вернуться к вопросу о тибетской медицине и рассказать о ее загадках для читателей нашего журнала.

На пути к источникам тайн

*Из прекрасных камней прошлого
сложите ступени грядущего.*

Ю. Н. РЕРИХ

Навстречу неслась разноголосая степь. Было такое чувство, будто мы летели над ней, похожей на огромный цветущий ковер. В этих местах даже солнце другое — огромное, оранжевое и, кажется, совсем близкое. Степной воздух, насыщенный настоем трав, кружил голову. В нем была острая пронзительность и в то же время какая-то особая мягкость, которая облегчала дыхание...

Встревоженные шумом сусулки

стояли на задних лапках и, вытянув шею, провожали взглядом убегающие машины.

Мы ехали в буддийский монастырь — дацан. От Улан-Удэ он всего в нескольких десятках километров. Впереди показалось строение, напоминающее древний иероглиф. На фоне неба очертания монастыря были четкими, словно кто-то обвел их тушью. Даже издали были различимы и позолота, и ажурная резьба, и многослойность крыши. Приятательный «восточный» колорит...

Молчаливые бритоголовые монахи в темно-синих халатах сдержанно поприветствовали нас и жестом указали на приоткрытую калитку. С первых шагов удивил перезвон сотен развешенных всюду колокольчиков и шелест разноцветных, играющих на ветру ленточек. Какой-то маленький человек стоял рядом с молитвенным цилиндром и вращал его. Монахи двигались неторопливо и, казалось, не замечали ничего и никого вокруг. Впрочем, иногда мы ловили их неожиданные и любопытные взгляды, тогда они опускали глаза и спешно уходили прочь.

Старший служитель, сопровождавший нашу маленькую группу киноработников, вел себя с достоинством. Он провел нас по территории монастыря к главному зданию. Внешняя роскошь, богатство цвета, множество статуй и статуэток будды Шакьямуни-Чжу, разнообразие ритуальных скалящихся масок — все это уносило в какой-то иной, непонятный мир.

В тесной келейке деревянного домика служитель предложил нам сесть на скамейки из тесаных досок, угостил ароматным зеленым чаем на молоке с солью и пресными лепешками. Голос его был высок и звонок, но говорил он негромко, с расстановкой, словно боялся упустить что-нибудь существенное. Потом он объявил, что уже пора: глава монастыря ждет.

Хамбо-лама принял нас в своей

«резиденции». Был полумрак, и стояла необычная тишина. Хозяин молча рассматривал гостей. Нам показалось, что длилось это слишком долго и даже бронзовые будды, стоящие вокруг, поглядывают на нас насмешливо... Мы представились, и хозяин пригласил в свою библиотеку.

Вдоль стен были аккуратно расставлены почти метровые рукописные книги...

— Это по философии, — указал хозяин на один ряд. — А это по медицине. Этим тысяча лет, а этим и того более...

Книг было много, и мы спросили, не переведены ли они на русский язык.

— Нет, пожалуй, только три, — ответил он. — Вот эти...

Мы приехали сюда не ради экзотики, хотя она была завораживающе интересна. Наша группа собирала материал для фильма о тибетской медицине — предстояло за короткий срок в самых общих чертах прояснить, что же это такое... О тибетской медицине родилось великое множество преданий, легенд, собрано столько полувывмыслов и полуфактов в самых разных концах земли, что не так-то просто отделить их от правды.

Почти три тысячи лет отделяют современного врача от загадочного и во многом еще непонятного нам искусства тибетских лекарей. Далеко вперед ушла современная медицина. Она создала удивительные приборы и инструменты, поставила на службу здоровью лазерную технику, научилась измерять напряжение сердечной мышцы и даже электропотенциал клеточной мембраны.

Эти факты гралят с чудом! Впрочем, разве не чудо уже то, что медики победили холеру, тиф, бешенство, чуму, оспу?!

Однако даже при всех этих сверхдостижениях совершенно естественна и глубоко диалектична закономерность: современный врач в той или иной форме обращается

к опыту прошлого, каким бы далеким оно ни было.

Научная медицина благодаря открытиям ученых добилась огромных успехов. Одновременно — и в этом парадокс — с улучшением медицинского обслуживания... становится больше больных!

Недуги объясняются «новыми» ритмом и условиями жизни — иным питанием, снижением двигательных и увеличением психических, эмоциональных нагрузок... Против недугов создаются самые различные лекарственные препараты. Они доверху заполнили полки аптек: бери, лечись, крепни! Лекарств много, но, к сожалению, подавляющим большинством они — синтетические. А по данным Всемирной организации здравоохранения, почти пятая часть больных, лечившихся от различных недугов медикаментами, получили... побочные заболевания. Данные говорят о том, что «лидерами» в этом отношении оказались высокоразвитые страны — Америка, Канада... Каждый год только в США люди употребляют тысячи тонн одного аспирина.

Наверное, именно эти факты все чаще требуют ответа на вопрос: не слишком ли современные люди увлекаются химическими лекарствами, усердны ли мы столь же в обращении себе на пользу лечебных возможностей природной «аптеки» с ее очевидными достоинствами — мягкостью и органичностью действия, малотоксичностью, то есть безвредностью для организма человека?

Именно природной «аптекой» очень широко пользовалась и пользуется тибетская медицина. Исследователи утверждают, что сильнодействующие ядовитые лекарства вообще исключены из ее арсенала. И потом: разве случайен факт, что и сегодня почти восемьдесят процентов людей из стран Востока обращаются за помощью не к европейской, а именно к традиционной народной медицине...

Лхаса... Лхаса...

Жалкий глупец, неужели ты настолько наивен, что думаешь, будто каждое наше слово следует понимать буквально и что мы откроем тебе самую удивительную из тайн?

Из трактата «Чжуд-ши»

Во все времена Тибет был краем запретных тайн. По приказу правителя Тибета далай-ламы никто, кроме паломников, не смел ступить на

его территорию. Ослушников карали беспощадно. И это в стране, где великим грехом считалось даже убийство насекомого на собственном теле! Трагически закончилась жизнь французского путешественника и исследователя Дютрейля де Ренса. Японец Кавагуци изучал Тибет в одежде паломника. Когда его разоблачили, то монахам, предоставившим ему всего лишь ночлег, выкололи глаза...

Не удалось проникнуть в глубь Центральной Азии и Н. М. Пржевальскому, который вынужден был вернуться, не дойдя 250 верст до столицы Тибета. Завершив первое тибетское путешествие, он с грустью писал: «Итак, нам не удалось дойти до Лхасы... Невыносимо тяжело было мириться с подобной мыслью... Пусть другой, более счастливый путешественник докончит не докопченное мною в Азии...»

Этим счастливым человеком оказался Гамбожаб Цыбиков, бурят-ученый из России. В начале века он сумел проникнуть в святая святых Тибета — город Лхаса. В переводе на русский язык Лхаса значит «страна небожителей», или «область богов».

Под видом ламы добирался туда Цыбиков на верблюдах, вместе с торговцами-монголами. Ни пустынные гобийские степи с высохшими речками, ни свирепые ветры, гнавшие песок пополам с пылью, ни крутые горные дороги, с которых не раз срывались вниз богомольцы, — ничто не остановило отважного путешественника. Он упорно шел в толпе тех, кто спешил приложиться лбом к бронзовым коленям будды Чжу, чтобы избавиться от недуга, или тех, кто мечтал поступить в медицинские школы древних монастырей. Гамбожаб Цыбиков исследовал Тибет, описал его и тайно сделал множество фотографий.

«Пускаясь в путешествие как простой буддист-паломник, я должен был особенно считаться с предубеждениями местного населения. Взятый с собою фотографический аппарат и термометр Реомюра пришлось держать под замком в сундуке вплоть до Лхасы. При себе я постоянно имел только маленькую записную книжку, куда заносил заметки ежедневно, даже и в этом скрываясь от любопытных глаз», — писал Г. Цыбиков.

Проделав огромную работу, посланец Русского географического общества не только благополучно вернулся в Россию, но и привез с собой свыше трехсот томов сочинений тибетских писателей. Среди них были и труды по медицине.

Гамбожаб Цыбиков льстил себя надеждой, что книги, привезенные им, с развитием в России изучения тибетского языка окажут специалистам значительную помощь как материал для научных исследований. И он не ошибся. Ученые Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР уже много лет ведут расшифровку трактатов, написанных на санскрите, старомонгольском и тибетском языках. Проблемы тибетской медицины заинтересовались ученые и других институтов Сибири, Дальнего Востока, Москвы.

Переводы уникального наследия прошлого показывают, что книги эти интересны не только потому, что являются памятником древней культуры народов Центральной Азии, но еще и потому, что имеют для нас смысл чисто практический.

Шифр веков, или „замок с секретом“

Прочитай эту книгу, непосвященный в медицине, не давший клятвы о сохранении тайн медицины, ослепнет или подвергнется мучениям в своих будущих перерождениях.

Из трактата «Чжуд-ши»

Древние книги... Они лежат на многоярусных полках в хранилищах музея Бурятии. Каждая книга бережно обернута в дорогой шелк. Да, умели наши предки ценить написанное на пергаменте слово. Умели беречь книги, словно уже тогда думали о нас, чтобы дошла до потомков их мудрость в неискаженном, первоизданном виде.

Странное чувство испытываешь в этом хранилище человеческой истории, где так плотно спрессован опыт почти трех тысячелетий. Он рядом с тобой — стоит только протянуть руку...

Собрать книги было нелегко. Но еще сложнее оказалось прочесть и понять их. Существует предание о том, что во дворец всемогущего правителя Тибета — далай-ламы — было 99 входов и только один выход. Это же с полным правом можно сказать и о тибетской медицине.

Главный канон тибетских лекарей — «Чжуд-ши» («Сущность целебного, или Четыре основы восьмичленного тайного учения»). Но жанру это не медицинский трактат, а огромная поэма (четырнадцать тысяч стихотворных строк).

Тибетологи считают, что поэти-

ческая форма избрана для лучшего усвоения огромной информации. Так было удобно и ламам, которые произносили стихи нараспев. Поэма имеет очень сложную аллегорическую форму, которая и сегодня не во всех частях доступна пониманию. И этот факт тоже не случаен: право читать и толковать боговдохновенные книги тибетское духовенство оставляло только за собой. Чем сложнее, запутаннее текст, тем больше шансов, что его не поймет простой, малограмотный, а то и вовсе неграмотный люд.

Письмена эти — настоящая зашифрованная тайна. Прописи имеют по двадцать, а иногда и по сто самых разных значений. Правда, к «Чжуд-ши» есть комментарий — «Вайдурья-онбо». Этот трактат написан значительно позже, но и он для современного ученого — «замок с секретом».

Необычные книги, испещренные вязью незнакомого языка, производят впечатление чего-то таинственного, загадочного, труднодоступного.

Расшифровать главные трактаты было бы невозможно без глубокого изучения «Бри-ша». «Бри-ша» — это иллюстративный атлас, как бы приложение, ключик к пониманию основных трактатов. Он был создан в одном из монастырей только в XVII веке. Копия атласа была тайно вывезена из Тибета в Россию, а в 30-е годы передана в музей Бурятии. Предполагается, что это единственный в мире экземпляр. Оригинал, по-видимому, утрачен.

На обложке «Бри-ша» изображен «царь врачей» с веткой лекарственного растения в одной руке и чашей в другой. На 77 листах почти метрового размера, по краям, обклеенных тканью, системно расположены десять тысяч рисунков, исполненных разными красками. На рисунках удивительно точно воспроизведена анатомия человека. Обозначены точки кровопускания, иглоукалывания, прижигания.

Но есть нечто и совершенно загадочное: центры скопления и пути циркуляции жизненной энергии...

Невероятно! Может быть, тибетские лекари знали то, о чем еще неизвестно современной науке? Ведь наши древние предки, оказывается, делали сложнейшие операции даже на глазном яблоке, зрачке!..

На одном из листов атласа — хирургические инструменты. Здесь и скальпели, и пинцеты, и зажимы. Инструменты с описанием их хирургического назначения и размеров перечисляются в 22-й главе второго тома «Чжуд-ши», но дословный пе-

ревод их в большинстве случаев не соответствует назначению. Ланцеты, например, почему-то называются «языком яка», зажимы и пинццы — «ключом вороны»...

Только «Бри-ша», на рисунках которого обнаружены эти инструменты, помог точнее определить, что есть что. Было расшифровано, что сосуды, похожие на самовары, — не что иное, как ингаляторы.

В атласе есть и лекарственные растения, и лекарственное «сырье» животного, минерального происхождения. Словом, атлас — своеобразное пособие лекарю. В нем даются четкие рекомендации: кому лечить, чем лечить и как лечить...

Шаг за шагом постепенно становятся понятными пришедшие из глубин веков загадочные письмены. Аллегории обретают прямой смысл, проясняются их загадочные намеки, туманные символы.

Вот на высоком престоле восседает царь. Рядом изображение, напоминающее человеческое сердце. «Царь», восседающий на престоле, символизирует сердце. Пять долей легких — «сановники царя», то есть сердца. А женщина-красавица, тоже сидящая на троне, рядом с изображением органа, похожего на два лепестка или летящую бабочку, — «царица пяти полей и шести плотных органов» — печень. «Два министра внешних дел, выполняющих тяжелую работу» — почки. И в подтверждение рисунок: два человека несут на плечах непосильный груз.

Много описаний симптомов болезней, рецептов оставили нам тибетские врачеватели, но понять их трудно. Вот пример, взятый из главного трактата: «Заболел король, сановники задыхаются, вельможи обливаются потом...» С помощью атласа можно понять: речь идет о заболевании сердца.

«Расшифровка придворной хроники того времени, — рассказывает научный сотрудник, зачинатель изучения тибетской медицины Э. Г. Базарон, — подтверждает догадку: сердечно-легочная недостаточность. Именно при этом заболевании в легких развивается застой кровообращения». «Вельможи» — крупные су-ставы...

Читая дальше, мы узнаем, что в таких случаях больному необходимо дать «жар-птицу», а затем еще и «бич». С помощью найденного ключа выясняем и эту шифровку. «Жар-птицей» оказалось двенадцатикомпонентное лекарство, а «бич» — это средство для очищения организма от принятого лекарства.

В «Чжуд-ши» изложение ведется в форме диалога между «царем вра-

чей) и «мудрецами-риши». «Царя врачей» обожествляют люди. Называют его длинным титулом Ухагану бэлгэ билик, или просто Мапла. Именно ему приписывается всемогущество, о нем слагаются легенды. Может быть, потому так величественна его поза в представлении художников древности?

Каким быть врачу?

Как огонь узнается по дыму, так по признакам может быть узнаваема болезнь. Врач, не умеющий установить диагноз и разобраться в действительных признаках ее, не узнает истины или ошибется подобно тому, как ошибаются, принимая дым за испарения.

Из трактата «Чжуд-ши»

«Какими качествами должен обладать хороший врач?» — спрашивает риши.

«Истинный врач — всегда личность, наделенная особыми нравственными качествами, — отвечает Ухагану. — Для высшего врача основной смысл врачебной науки ни в коем случае не может сводиться к ремеслу ради пищи и одежды. Он исполнен высокого стремления к милосердию. Он должен взирать на больных как на детей своих».

Итак, врач должен завоевать доверие больного. Вера во врача всецело надеждою на исцеление, а эта надежда как раз и есть существеннейшая часть лечения.

Не правда ли, мудрое и чрезвычайно современное положение! И сегодня оно является предметом пристального внимания медицины. Потому мы с особым вниманием читаем ответ на вопрос: «Как должен строить свои взаимоотношения врач с больным?»

«Больной может сомневаться в своих родственниках, сыновьях или даже родителях, но он должен верить врачу!» — учит Ухагану бэлгэ билик.

Обращаясь к мудрецам, «царь врачей» наставлял:

«Поклоняюсь держащим науку ришиям, которые, усвоив себе высокие знания, нашли таинственные средства, по которым получили власть над годами жизни. Врачу постигшую тяжелую болезнь, скорей назначь образ жизни и диету, лекарство, нож и, словом, что полезно. Подобно встрече на скале с врагом, ты примени все силы, что возможно!»

Основными методами диагностики в тибетской медицине являются опрос, осмотр, ощупывание больного. Столь же широко используется обоняние и даже определение на вкус выделений организма.

Самым любопытным, пожалуй, является установление диагноза по... пульсу. Согласно представлениям тибетской медицины, различаются двенадцать локализаций радиальных пульсов: первая, вторая и третья позиции на правом и левом запястьях, в каждом из которых исследуется поверхностный и, что особенно важно, глубокий пульс. Попросту говоря, врач накладывает на точки пульса, как это указывается в атласе «Бри-ша», сразу три пальца. При этом сначала мягким наложением пальцев на лучевую артерию исследуются поверхностные пульсы, а затем при усиленном надавливании — глубокие пульсы.

Пальпируя лучевую артерию, воспринимая еле заметные удары поверхностного пульса, тибетские лекари умели определять состояние каналов тонкой кишки, желчного и мочевого пузыря. Глубокий пульс в тех же позициях давал сведения о состоянии каналов сердца, печени и почек. Поверхностные пульсы правой лучевой артерии, согласно учению, характеризуют состояние каналов толстой кишки, желудка, а глубокие — легких, селезенки, сердца. Такая филигранная техника вызывает невольное восхищение многих современных врачей. Оказывается, тибетские лекари умели различать свыше 400 видов пульса в зависимости от показателей, связанных с сезонно-временными, суточными и циклическими ритмами.

Тонкое исследование пульса, его специфических свойств позволяет врачам тибетской медицины и сегодня точно диагностировать не только заболевание, но зачастую прогнозировать его за несколько месяцев до самого минимального проявления. Разумеется, это требует от исследователя высокой специальной подготовки и большой искусства. Не случайно древние тибетские врачи обучались мастерству с раннего детства в течение тридцати лет, получая при этом самые разносторонние знания — по философии, истории, астрономии, учились искусством...

Безусловно, представляет интерес для нас и другой метод диагностики. Обследуя больного, тибетский врач долго говорит с ним, подробно расспрашивает. Владение специальной техникой опроса — один из элементов тибетского врачебного искусства. И это тоже при-

влекает многих современных исследователей.

Больной не всегда рассказывает о своей болезни, а иногда ее просто скрывает в силу своего характера или других причин. В таких случаях — подчеркивается в трактате — врачу надо проявить «терпение и настойчивость». Если врач затрудняется в определении причин заболевания, то он должен некоторое время пожить около больного, наблюдать и расспрашивать его, «не думая об усталости своего языка и тела».

Древние медики, получившие высокие звания «паидиты», обязательно устанавливали точный возраст больного. Периоды его жизни они раскладывали по астрологической схеме. В трактатах имеются определенные указания о максимальной активности того или иного органа в зависимости от времени года, указания на сроки, когда тот или иной орган наиболее предрасположен к болезни.

На современном языке это называется биоритмологией.

Согласно постулатам тибетской медицины, немаловажное значение в жизни человека имел 12-летний период. Каждый 12-й год как бы считался годом рождения. В это время, считали тибетские лекари, человек, как младенец, беспомощный к вредным воздействиям природы, подвержен заболеваниям. Поэтому в такой год врачи советовали людям беречь себя тщательней обычного. Особенно это касалось периода расцвета человека — 37 и 49 лет. Примечательно, что тибетцы включали в возраст человека и время внутриутробной жизни.

Много любопытного и в других действиях тибетского врача.

Интересно наблюдать, как внимательно разглядывает он глаз больного. По диафрагме зрачка подмечает изменения, на основе которых определяет, какие внутренние органы поражены болезнью. Это очень наглядно изображено в атласе «Бри-ша». Желтушность склер и неровность в нижней части зрачка расценивается как сигнал о болезни крови. Желтушность и неровность в правой части зрачка — как признак заболевания печени... Тибетские медики называют эти участки зрачка «окнами во внутренние органы».

Исследователям еще много предстоит разгадать, объяснить, понять в тайнах тибетской медицины. К примеру, только в Бурятии имеется свыше тысячи тибетских сочинений и трактатов, связанных с врачеванием.

Изучением их занимается группа источниковедов, врачей, ботаников, геологов, химиков... Поиск ведется избирательный, ибо если перевести все, что есть в фондах АН СССР, то потребуются сотни лет. Поэтому для перевода выбрали пока основные памятники — «Чжуд-ши», комментарий «Вайдурья-онбо» и некоторые другие. Причем в первую очередь переводятся главы, связанные с лечением желудочно-кишечного тракта и «царицы», то есть печени.

«Царица»... Именно к ней приковано внимание ученых. И разумеется, не случайно. Существующие сегодня синтетические препараты не вполне эффективны, а для некоторых болезней печени вообще нет лечебных средств.

В трактатах тибетской медицины описаны под названием «лангтхабов» одиннадцать разновидностей болезней, преимущественно органов брюшной полости.

Лангтхабы — это колики, боли. Одной из причин их возникновения считается нарушение переваривающей и всасывающей функций желудка и кишечника, определяемых физиологическим понятием «ма-жу-ба». Это состояние возникает, как указывается, обычно при привычке принимать еду, когда пища, съеденная ранее, еще не переварилась в желудке.

На рисунках мы видим и другие причины: прием несовместимой пищи, некачественной. Как видим, тибетская медицина особое внимание придавала диете.

Вполне ясно, что непонятные по тому времени причины болезней относились к сверхъестественным силам, к воздействию «гдона» (в переводе — «злой дух»). Но тем не менее в теоретических вопросах тибетской медицины немало материалистических философских концепций в определении болезней и их причин...

Древние считали, что организм, как и вся окружающая среда, состоит из пяти первоэлементов материи (земля, вода, огонь, воздух, эфир), а болезни любого существа являются результатом нарушения их нормального соотношения в организме.

Причины и следствия

Существует пять источников долголетия: живи по наставлениям старших, побывай на десяти тысячах гор, испей воды из десяти тысяч источников, одевай одеж-

ду чистую и не имей ее много, своевременно уравновешивай питательной пищей голод и насыщение.

Из трактата «Чжуд-ши»

И вот, наконец, мы едем к знатоку тибетской медицины Г. Л. Ленхобову. Знания основ медицины он перенял от ламы — своего отца, не раз практиковался в Китае...

Возле калитки небольшого домика, стоящего на окраине города, нас встретил довольно бодрый мужчина почтенного возраста. Ему за восемьдесят, но выглядел он значительно моложе. Говорил любезно, показал сад, лекарственное «сырье», продемонстрировал, правда, с неохотой даже пульсовую диагностику. Загадочная это штука!

— Холодная кровь, густая, — сказал он одному из нас. — Надо беречь себя.

Оказывается, с помощью пульса он определяет «корень болезни»: «рлунг», «мххрис» и «бад-кан». Индийский врач Башагратна, получивший европейское образование, утверждает, что эти краткие термины обозначают физиологические понятия. Первый из них — в переводе «ветер» — выражает деятельность нервной системы, обуславливающей все жизненные проявления организма. Второй — «желчь» — толкуется как процесс кровообращения и обмена веществ. Третий — «слизь» — влажный, охлаждающий фактор.

Г. Л. Ленхобов подробно рассказал нам о «холодном» и «теплом», о соотношении их в организме. По древнему учению, при рождении здоровый организм несет в себе только «теплые» элементы. Их надо сохранять в течение всей жизни. Он считает, что в наше время у многих людей организм охлажден, особенно у женщин. Такие выводы он сделал из личных наблюдений при поездках по стране.

По его мнению, основная причина такого явления — однообразный, стандартный подход к пище, одежде, лекарствам без учета географических, климатических условий проживания человека, его возрастных и других особенностей. В современной одежде широко применяется искусственное волокно, например, капроновые чулки, которые женщины повсеместно носят в любую погоду. Капрон держит «холодные» элементы и действует как холодный компресс, способствуя охлаждению, вызывая возбуждение «холодных» элементов в организме.

Большинство людей смотрят на одежду как на предмет роскоши и немногие — как на защиту от

болезней. Тем не менее одежда предназначена прежде всего для сохранения здоровья человека и защиты его от внешних воздействий. С этой точки зрения абсолютно безвредной для человека наш собеседник считает одежду из овечьей шерсти.

Вообще мясо, кровь, волосы, кожа, шерсть животного содержат элементы соответствующего животного и способны передавать, вернее, возбуждать те же элементы. Например, если положить под голову шкуру лося или оленя, то будет болеть голова, так как эти шкуры содержат «холодные» элементы. Такие случаи описаны во многих медицинских книгах Востока.

Г. Л. Ленхобов утверждает, что врагами здоровья являются лень и сонливость. Не следует слишком распускать себя. Не рекомендуется спать слишком много, так как чрезмерный сон расслабляет мышцы, вызывает слабость организма, приводит к ожирению сердца. Восточная медицина категорически запрещает взрослым дневной сон. Также вредно ходить босиком по горячей земле или песку...

В «Чжуд-ши» много внимания уделяется причинам болезней. К примеру, это могут быть: травма, обжигание, простуда, чрезмерное сладострастие, гнев и ссоры... А вообще все болезни, по мнению тибетцев, происходят от трех пороков: невежества, похотливости и злости. Обратите внимание: на первом месте стоит невежество. Не случайно в атласе «Бри-ша» художник изобразил этот порок в образе свиньи...

Древняя медицина важную роль отводит времени года, рассматривая его как фактор, от которого зависят защитные силы организма. Зимой защитные силы человека, по представлениям тибетских врачей, достигают наибольших значений, а летом, наоборот, слабеют. Древние лекари связывали возникновение болезней также и с суточными циклами, считая, что одни болезни чаще всего развиваются на рассвете, другие же — в полночь или полдень.

Из внешних причин, обуславливающих здоровье или болезнь, тибетские медики особенно выделяли питание. Часто считали даже, что это одна из главных причин.

Корова никогда не станет есть мяса, а тигр — траву. Для организма любого существа необходим свой пищевой рацион, каждый элемент которого строго специфичен. Строго говоря, пища может служить и лекарством, и отравой; она может быть вредной и полезной, полноценной или недоброкачественной.

Г. Л. Ленхобоев считает, что во всех продуктах содержатся элементы или «теплые», или «холодные», или «средние». Содержание в крови «теплых» и «холодных» элементов, по учению тибетской медицины, особенно важно, а в кровь эти элементы, как правило, попадают с пищей. Поэтому надо хорошо знать, какую пищу человеку следует принимать. Вода, например, содержит только «холодные» элементы, а соль, пшеница, овес, перец, мак, горчица, укроп, чеснок, лук, редька — «теплые». Кстати, редька белая у тибетцев являлась постоянной пищей.

Тысячи лет назад лекари в Тибете умели определять наличие тех или иных элементов в бесчисленном множестве продуктов питания путем дегустации.

В далекие времена в лечебных целях часто готовились, например, бульон из бараньих лыток. Их заливали водой (один стакан на пару костей) и варили всего пять — пятнадцать минут. Солили по вкусу. Стакан такого бульона, считали медики, снимает легкое головокружение, устраняет бессоницу, шум в ушах. В старинной национальной традиции бурятов существует суп хорхог (сборный), который готовили один-два раза в году в лечебных целях для поддержания здоровья. В деревянную посуду клали кусочки свежей баранины, по кусочку от каждой кости и от всех внутренних органов. Потом эту смесь заливали водой, подсаливали, клали в суп девять раскаленных докрасна маленьких камней, плотно закрывали посуду крышкой и содержимое доводили до кипения. Считалось, что такой суп восстанавливает силы, спасает от «охлаждения» крови, является одним из лечебных средств.

«Теплые» и «холодные» элементы, если верить древним трактатам, это элементы, которые, пробегая вместе с кровью по всем кровеносным сосудам, регулируют тепловой баланс всего организма человека, а также его органов. Нарушения соотношения этих элементов рассматривается как благодатное условие для возникновения различных болезней.

Лекарства

На земле нет ничего, что не могло бы быть лекарством.

Из трактата «Чжуд-ши»

Менялся климат на земле, менялись и условия жизни для животных, для человека. Не находя пищи,

слабые погибали — выживали наиболее сильные, мутанты. Они приспособлялись к новой пище, находили заменители, которые содержали достаточное количество нужных организму веществ.

Хронический же недостаток тех или иных элементов пищи вызывал болезненные состояния или смерть. Потребность в них ничем не отличалась от обычной потребности в питании. В наше время такие источники животного, растительного и другого происхождения стали называться лекарствами. Именно так считает группа ученых Сибирского отделения АМН СССР, работающая под руководством В. П. Казначеева.

Мигрируя, первобытные люди находили для себя такие источники биологически активных веществ, которые могли, будучи принятыми вместе с пищей, удовлетворить жизненные потребности, а в случае заболевания человека — облегчить его недуг.

Как эстафету, передавало одно поколение другому обычай и «секреты» употребления, заготовки и хранения запасов таких продуктов впрок.

Но меняются экологические условия, разрушаются этнографические уклады, обычаи, обряды... Теряется и исчезает безвозвратно накопленный веками опыт.

Из литературных источников древности известно, что некоторые лекарства могли излечивать отдельные болезни за сутки. Тибетская медицина чаще использовала многокомпонентные препараты, исходя из того, что надо лечить не болезнь какого-то органа, а организм в целом.

Исследования ученых Дальнего Востока подтверждают этот тезис. Под руководством профессора И. И. Брехмана были исследованы с помощью электронно-вычислительных машин 566 многокомпонентных восточных рецептов. Средства общего воздействия на организм, в частности тонизирующие средства, содержатся более чем в 40 процентах прописей и часто представлены двумя-восемью растениями в одном рецепте.

В восточной медицине нет тенденции к использованию веществ растений в химически чистом виде. Наоборот, бережно сохраняется природный комплекс действующих и всех сопутствующих веществ.

Следует заметить, что лекарства бывают разные. Одни обладают ярким и сильным действием: ими лечат больных и спасают умирающих. Но есть и такие лекарства, действие которых проявляется ис-

подволь, неделями и месяцами. Они полезны, так как укрепляют здоровье, делают организм более устойчивым ко всякого рода трудностям и заболеваниям.

В музеях Ботанического института АН СССР и Института антропологии и этнографии АН СССР хранятся интереснейшие коллекции тибетского лекарственного сырья еще с прошлого века.

Разумеется, ими не исчерпывается «врачебный» набор. Только в трактатах «Чжуд-ши» и «Вайдурьяонбо» описано около 1300 лекарственных средств растительного происхождения, 114 минералов и металлов, до 150 видов сырья животного происхождения. Многие из них современным исследователям известны, но остаются неизученными в качестве лекарственных средств.

Научный сотрудник Ц. А. Найдакова показала нам свою лабораторию технологии приготовления лекарственных препаратов. Лаборатория походит больше на музей: на застекленных полках — лекарственные растения, особые сорта дикого горного ячменя с черными зернами, различные минералы, драгоценные камни, малахит, яшма... Здесь и негашеная известь, и белые кораллы, кожа змеи, кора деревьев, мумии разных расцветок, и даже... от древнего храма кирпич из белой глины, замешанной, как утверждают, на молоке и яичном белке...

На высоких столах — чугунные ступки, с помощью которых измельчают содержимое будущих лекарственных препаратов. Не как попало, а только как в старину: пестиком — сверху вниз, а потом медленно растирают вращательными движениями.

На полках — разное лекарственное сырье. Однако в лечебной практике все-таки главным были и остаются растения.

Вот чай. Кажется, человеку о нем известно все. Мы привыкли к черному чаю, однако тибетские врачи предпочитают зеленый. Для жителей многих районов Средней Азии это не открытие, ибо давно известно, что зеленый чай быстро утоляет жажду, улучшает пищеварение, в ряде случаев помогает стабилизировать кровяное давление.

В древности чай готовили по-разному: и для питания, и для лечения. В крепко заваренный чай подливали молоко, после кипячения добавляли масло и соль. После этого жидкость взбивали деревянной мешалкой и снова доводили до кипения. Тибетцы считали, что если такой «взбитый» чай пить три-четыре раза в день, то другой пищи и

не надо: на одном этом чае человек может жить неделю и даже месяц.

А чеснок? Оказывается, привычная острая приправа издавна широко применялась в тибетской медицине. В 90-й главе третьего тома «Чжуд-ши» есть любопытная рекомендация по применению чеснока. В разделе «О повышении сил старческого организма и продления жизни» сказано: «...для повышения бодрости и продления жизни пожилых людей необходимо в течение 21 дня включать в рацион чесночную кашку на масле в смеси с поджаренной мукой».

Но только не спешите в магазин за чесноком и не начинайте самолечение! Ибо такая кашка — лишь один из компонентов специальной диеты, целиком же она до сих пор неизвестна, и вот почему: во многих случаях трактаты ничего не объясняют, а лишь рекомендуют... «спросите у учителя». Пока именно эта сторона представляет из себя одну из серьезнейших загадок. Публикуя выдержки из трактатов, мы хотим сослаться на мнение начальника Главного управления по внедрению новых лекарственных препаратов Минздрава СССР Э. Я. Бабаяна: «Мы не можем давать сейчас каких-либо рекомендаций, так как речь идет о здоровье, а может быть, и о жизни людей... Расшифрованные лечебные средства тибетских медиков следует еще много проверять экспериментально, клинически. Слепое использование их может принести только вред». Как видите, с экспериментами на собственном организме спешить не следует...

Интересна история с горечавкой. До недавнего времени это растение было известно разве только квалифицированному ботанику, а сегодня невзрачное растение уже зарекомендовало себя как лекарственное. В трактатах на внешний вид этого растения был сделан всего лишь намек.

Путь к открытию был очень долгим. Сначала с помощью анализаторов ученые выяснили то активное начало, которое может оказать лечебный эффект. Затем были изготовлены десятки вариантов по составу — ведь в трактатах нет указаний на пропорции... Потом было много опытов в вивариях на кроликах, мышках. На них моделировали, к примеру, гепатит — не просто болезнь печени, а со всеми особенностями, подмеченными тибетскими медиками. Затем на животных же проводили лечение, варьируя дозировку. Убедившись в лечебном эффекте, начинали тща-

тельно изучать, на какую систему животного и каким образом действовало лекарство. И только потом было получено авторское свидетельство на новый препарат, превосходящий широко известный аллохол...

Хорошие результаты получены в институте и при лечении язвы желудка.

В рецептурных справочниках тибетской медицины встречается «лакрийный корень». Это наша солодка уральская. Корень рекомендовался при лечении заболеваний легких, при отравлениях. А солодка издавна известна и народам Европы, и Азии, и Африки. Корень этого растения использовался как лакомство и как добавка к жевательному табаку. Более того, сейчас вспомнили, что Россия на мировом рынке была главным поставщиком солодки как лекарственного сырья. Оказывается, растение содержит в себе такие молекулы, которые очень напоминают строение гормонов надпочечников — кортизона; именно он регулирует водно-солевой обмен в организме человека, оказывает противовоспалительный и противоаллергический эффект.

В трактате «Шал-прэн» упоминается растение «ба-ша-ка», которое обладает свойством излечивать болезни, вызывающие колотье, включая воспаление печени, расстройство крови. Ученые расшифровали это растение. В Забайкалье его называют зубчаткой, и запасы его огромны.

Сегодня известно более 500 растений, применявшихся тибетской медициной в Бурятии. Уже известны фармакологические свойства отдельных видов. Некоторые из них — бадан, племник, термопсис и некоторые другие — применяются в научной медицине.

Однако тибетская флора остается мало изученной современной ботанической наукой. Многие растения в тибетском атласе пока непонятны для европейских ученых, ибо изображены они слишком условно. Так, «лаготис распростертый» (по-тибетски «да-баг», а в переводе — «лошадина кожа») изображается в виде зеленых лоскутков, даже отдаленно не напоминающих форму листа растения.

Ученых еще ожидают новые открытия. Уже сегодня исследователи находят объяснения многокомпонентным лекарствам не только растительного, но и животного, минерального происхождения.

В атласе «Бри-ша» есть рисунок, на котором изображен человек с острыми заболеваниями брюшной полости. При подобных болезнях

тибетские медики стремились освободить пищеварительный тракт от содержимого — пищи, токсических продуктов, «болезнетворных начал». Одним из эффективных средств считали «очищающие пилюли». В состав пилюль входили: облепиха, пенел морской раковины, порошок из змеиного мяса, каменная соль и клецевина.

В трактатах общей терапии есть подробное описание облепихи — «стар-бу». Указано, что она имеет противовоспалительное, высушивающее действие, повышает переваривающую функцию пищеварительного тракта. Стала облепиха известным лекарственным средством и в наше время. По современным данным, плоды этого растения содержат различные масла, витамины, сахар, дубильные вещества. В медицинской практике облепиха и лекарства на ее основе применяются как болеутоляющие и противовоспалительные средства, а также при недостатке витаминов в организме. Таким образом, описанное в трактатах тибетской медицины действие облепихи вполне соответствует современным химическим и клиническим данным.

И если пойти по этому пути дальше, то мы обнаружим, что зола морской раковины — это неорганическое вещество с большой примесью углекислого кальция. В современной медицине препараты на основе кальция применяются весьма широко.

Минералы, которые использовались тибетской медициной в лечебных целях, относились к группе лекарств, приготовленных из «драгоценных камней и земли». Драгоценности — это золото, жемчуг, бирюза, изумруд, кораллы, медь, ртуть...

В «Чжуд-ши» сказано, что золото продлевает жизнь, укрепляет здоровье пожилых, предохраняет от вредных воздействий, причем золотой песок желтого цвета, взятый на берегу моря, лучший, а песок цвета дыма — по качеству хуже. Серебро полезно при болезнях «желтой воды», то есть при болезнях суставов, водянке, ранах и различных кожных заболеваниях. Медь — прекрасное средство для лечения ран, лихорадочных заболеваний печени, легких, особенно при лечении чахотки.

Поразительна наблюдательность древних врачей. Их описание свойств этих металлов подтверждает современная микробиология. Соли этих металлов губительно действуют на микроорганизмы. Не случайно в посуде из золота, серебра

и меди вода сохраняется много дней.

Познание далекого прошлого часто приходит к нам через легенды, предания... Так дошла до нас легенда о лечении с помощью игл, когда крестьянин случайно ударил себя камнем по ноге и неожиданно излечился от преследовавшей его головной боли...

Прошло много веков... Сегодня иглорефлексотерапия широко распространена в нашей стране.

Отбрасывая, брать!

...Многое забытое должно вновь быть открыто и благожелательно истолковано языком современности.

Ю. Н. РЕРИХ

Да, европейская медицина еще совсем молода. У нее свой путь развития: от искусства древних врачей она приходит к строгой науке. Можно верить и не верить в тибетскую медицину, но отвергнуть опыт, мудрость предков?..

Не случайно растет с каждым годом интерес к древней медицине. Ее проблемы, проблемы иммунологии стали привлекать ученых самых разных направлений, даже математиков.

В 1978 году состоялась международная конференция в Новосибирском Академгородке. В ней приняли участие ведущие иммунологи, математики, врачи из многих стран мира.

В своих предисловиях к работам Г. Я. Ленхобоева «О некоторых сведениях из тибетской медицины» академик Г. И. Марчук пишет: «Для углубленного понимания закономерностей работы иммунной системы человека может оказаться полезным знакомство с основами тибетской медицины, имеющей многовековой опыт практического применения. Некоторые ее приемы, как, например, нахождение «корня болезни», лечение заболелания через обострение и др., по-видимому, могут найти отражение в результатах исследования закономерностей иммунного ответа организма... Это может оказаться необходимым для проведения исследований по установлению соответствия между результатами диагностики состояния организма по пульсу методами тибетской медицины и анализами физических свойств и состава крови тонкими микрохимическими и физическими методами...»

Весьма возможно, что вещества, содержащие «теплые» элементы, играют роль биостимуляторов, а вещества, содержащие «холодные» элементы — роль депрессантов, в том числе и процессов иммунного ответа...

Было бы полезно, если бы полученные результаты привлекли внимание ученых в области медицины, биохимии, иммунологии и физики...

Тибет...

В самом этом слове есть какая-то тайна.

Есть она и в местоположении этой страны.

Здесь рядом тянется высочайшая в мире горная страна — Гималаи.

С Тибетского нагорья начинают свой путь к океану величайшие реки — Инд, Брахмапутра, Меконг, Янцзы, Хуанхе.

Может быть, есть какая-то закономерность в том, что древняя медицина, поражающая нас своей глубиной, зародилась именно в этом удивительном географическом районе.

...В уединенных монастырях — дацанах, расположенных на неприступных горных кручах, в абсолютной заоблачной тишине, которую создают только Гималаи, тибетские монахи, отрешенные и далекие от суетного мира, могли глубоко размышлять над природой человека, его жизнью, болезнями и смертью.

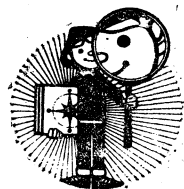
Сейчас мы не можем еще со всей определенностью установить все источники медицинского знания тибетских врачей. Затруднительно также ответить, каким образом древние врачи, не имеющие никакой специальной аппаратуры, могли выдвинуть фундаментальные идеи, и ныне поражающие современный медицинский мир своей глубиной и точностью.

В тибетской медицине причудливым образом переплетаются самые различные идеи: религиозные и мирские, глубоко научные и шаманские, идущие от опыта и чисто интуитивные, народные и принадлежащие только кругу избранных...

Возможно, что за далью веков ответить на множество вопросов, которые нам преподносит Тибет, вообще нельзя; но, как бы то ни было, современный врач, умело и разумно отбрасывая религиозно-идеалистические наслоения, может взять из тибетской медицины ее непреходящую ценность и поставить на службу человеку.

Во имя его здоровья.
И продления жизни.

МИР
НА ЛАДОНИ

Твой сверстник в странах капитала

К шестнадцатилетнему возрасту средний американец успевает просмотреть по телевизору 18 тысяч сцен убийства, около 40 тысяч драк и столько же — сцен изнасилования. Мало того, американское теле-насилие сегодня — это демонстрация самого смертоносного оружия, в том числе ракет, лазеров. И, как выяснили социологи, самые серьезные преступления совершают в США люди, регулярно смотревшие сцены насилия по телевизору.

В Латинской Америке насчитывают около 40 миллионов малолетних бродяг. «Рекордсмен» по этому печальному показателю — Бразилия: многие миллионы юных бразильцев не имеют крова над головой. В Мексике 2,3 миллиона подростков вынуждены зарабатывать себе на жизнь или попрошайничать.

Если положение не изменится, считают специалисты ООН, в течение ближайших тридцати лет число бездомных малышей и подростков в латиноамериканских городах возрастет до 60—85 миллионов.

В школах Лондона ученики разговаривают на 147 языках, и это зачастую затрудняет им учебу, общение друг с другом. Представители национальных меньшинств (индейцы, арабы, испанцы и другие), для которых Англия давно стала родиной, находятся на положении изгоев. На их образование правительство не выделяет практически никаких средств.

Боннская газета «Генеральанцайгер» привела вопиющие факты эксплуатации детского труда в ФРГ. Не менее 60 тысяч детей в возрасте до 14 лет используются на запрещенных для них работах. Один баварский предприниматель заставлял 15 детей в возрасте 9—10 лет работать на токарных станках, причем без защитных очков. В результате почти все маленькие станочники получили тяжелые травмы глаз. Много случаев травматизма детей происходит на стройках ФРГ. «Положение дел напоминает средневековое рабство», — считают исследователи.

Объединить детей планеты в борьбе против ядерной угрозы — такую цель поставила перед собой действующая в Сан-Франциско (США) организация «Дети — учителя мира».

...Когда группа школьников — членов организации собралась в поездку мира, она назначила своим сверстникам встречу на одной из площадей Сан-Франциско. Лил проливной дождь, но встреча состоялась! На площадь пришли тысячи юных американцев. Они передали группе отъезжающих множество писем и рисунков — посланий детям других стран.

Представители организации «Дети — учителя мира» побывали и в СССР. Они говорят: «Мы увидели, что советские люди, как и мы, хотят быть счастливыми. В случае войны мы никогда не сможем окончить школу, стать взрослыми».

«Хрустальной» — 25

В этом году крупнейшей туристской базы на Среднем Урале — «Хрустальной» — исполнилось 25 лет.

Более пятисот человек одновременно принимает она и летом, и зимой. Большой популярностью здесь пользуется зимний плавательный бассейн «Дельфин». Есть библиотека, кино, танцевальный зал, павильон игровых автоматов, кафе.

Опытные инструкторы базы помогают начинающим. Туристские тропы уходят с базы к горам Высокая и Чубарова, Соколиному камню, к обелиску «Европа — Азия».

Н. ТЕТЕНЕВА

Музей подводной лодки

В крымском городе Феодосии на Галерейной улице, недалеко от музея писателя Грина, есть еще один, мало кому известный музей. Находится он в квартире капитана 2-го ранга в отставке Л. С. Трахтенберга. В годы Великой Отечественной войны он служил на Тихом океане, на подводной лодке «Ленинец-19», потом был переведен на другую лодку.

Леонид Соломонович Трахтенберг организовал музей с помощью друзей-подводников, таких же отставных офицеров, разместил его в собственной квартире и назвал коротко: «Л-19». «Долгие годы семья погибших членов экипажа «Ленинец-19» жили в одиночку со своим горем, — пишет создателю музея жена командира подлодки капитана 3-го ранга А. С. Кононенко, — а вы объединили эти семьи...»

...В одну из ночей лодка «Л-19» потопила вражеский транспорт водоизмещением в восемь тысяч тонн. На следующий день атаковала еще один транспорт и повредила его. Когда воздушная разведка донесла об обнаружении крупных военных кораблей, командование решило направить в этот район «Л-19», экипаж которой был наиболее подготовлен: лодке предстояло форсировать минные заграждения. На переходе она была атакована, но умело уклонилась от торпедного удара. Затем донесла о начале форсирования минного заграждения. Больше радиogramм с лодки не поступало. Из боевого похода она не вернулась.

Вот уже четыре десятилетия море хранит тайну ее гибели. Можно лишь предположить, как смертельно раненная лодка, подорвавшаяся на mine или торпедированная вражеским судном, легла на дно, как в наглухо задранных отсеках моряки прощались с жизнью. О них, навсегда ушедших в пучину океана, осталась только память.

К поиску Л. С. Трахтенберга подключились студенты металлургического техникума из города Харцызска Донецкой области, где была родина командира подлодки; у «домашнего» музея в Феодосии сейчас двадцать восемь филиалов — они расположены в школах, где учились подводники, члены погибшего экипажа. Удалось разыскать семью Ю. А. Рудакова, родившегося на станции Павелец. Из Тбилиси отозвались родственники штурмана Н. И. Аветова. Отыскались сведения о старшине 2-й статьи Анатолии Ленине и краснофлотце Юрии Фролове из Горьковской области, старшине 2-й статьи Сергее Сидоренко с Киевщины, мичмане Александре Васильеве из Ленинградской области, краснофлотце Петре Морозове из Курской, курсанте Анатолии Герасименко из Владивостока.

Уральские следопыты из города Артемовского узнали о своем земляке подводнике Владимире Шумкове, мичмане Алексее Стаханове, уроженце Верхне-Уральского

района, мичмане М. П. Филиппове, работавшем до войны в тресте «Егоршинуголь».

...В квартире Л. С. Трахтенберга собрано несколько сот экспонатов, воспоминания более чем о половине членов героического экипажа. Далеко, за тысячи километров от места гибели подводной лодки, возник музей памяти тихоокеанских моряков. Главная мечта его организатора — по окончании поиска передать музей родному Тихоокеанскому флоту.

А. БРЫЛИН

Где появится новый океан!

Теория дрейфа материков прочно вошла в науку. Согласно этой теории, материки не только перемещаются, но раскалываются, соединяются, медленно возвращаются. Не остаются без изменения и океаны. Мало того, на земном шаре существуют линии разломов земной коры, которые со временем могут стать началом новых океанов. Один такой разлом — в районе озера Байкал. Другой тянется от Мертвого моря в Палестине через Красное море и африканские озера Танганьика и Ньяса. Именно здесь, в Красном море, — центр образования нового океана, считает английский геолог Джон Уолтер Грегори. Пока Красное море растёт на 2 сантиметра в год, но за десять миллионов лет прирост составит 2000 километров.

Ф. ГЕРАСИМОВ

Золото осени

Фото И. Горячева

Квартира для Пржевальского

Среди плеяды русских землепроходцев достойное место занимает выдающийся путешественник Николай Михайлович Пржевальский. Немало о нем написано книг и очерков. Однако есть факт его славной биографии, который малоизвестен. Возвратясь из своей третьей экспедиции (в Тибет), Пржевальский не имел средств даже на наем жилья. П. П. Семенов-Тяньшанский в связи с этим обратился в столичную Думу с письмом о том, чтобы «представители города почтили личным приветствием энергического путешественника и чтобы городское управление приняло на себя наем квартиры на время пребывания Николая Михайловича в Петербурге».

— Я полагаю, — сказал один депутат на заседании Думы, — заслуги Н. М. Пржевальского до такой степени значительны, что должны быть почтены более весомым, более знаменательным выражением признательности со стороны Думы, современников и свидетелей этих заслуг. Он и внес предложение присвоить ему звание Почетного гражданина города Петербурга.

Открытым голосованием в январе 1881 года Н. М. Пржевальский был утвержден в звании Почетного гражданина Петербурга. Был решен положительно и квартирный вопрос...

Л. ЯШКИН

Появление американских кинобоевиков «Ошалевшие» и «Бойцы» на экранах ФРГ привело к тому, что в городах страны объявились свои многочисленные юношеские банды. Они рыскают по улицам, избивают прохожих, грабят мелкие лавки, устраивают кровавые побоища между собой.

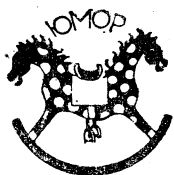
...Двести парней во Франкфурте однажды ночью набросились друг на друга с ножами, газовыми пистолетами, цепями. Полиция едва справилась с ними, арестовав треть участников побоища. Оказалось, большинство из них — выходцы из семей с мизерными доходами, которых едва хватает на жизнь. Ученые делают вывод: «Агрессивное поведение молодых — результат кризисного положения в обществе».

Биксем — порт в Англии, жители которого занимаются рыболовством уже 900 лет. И все девять столетий дети рыбаков тоже работают. Они прежде всего заняты на разгрузочных работах. Начинают с 10-летнего возраста. Нередко

плату получают только рыбной. 15-летние мальчишки трудятся во время школьных каникул на траулерах, хотя законодательством страны запрещено нанимать матросов моложе 18 лет.

Английские законы... Они предусматривают, что дети до 13 лет не могут использоваться на постоянной работе; ни один подросток моложе 16 лет не может трудиться на фабриках; в будние дни дети до 16 лет могут выполнять оплачиваемую работу лишь в течение двух часов в период от 7 до 19 часов (и для этого необходимо иметь разрешение местных властей, ведающих вопросами образования).

А что есть на самом деле? В Англии 2,5 миллиона школьников — еще и рабочие. Они готовы работать за жалкие гроши. Причем каждый десятый из них занят на двух работах. Четверо из каждых пяти подростков, вынужденных работать до или после уроков, нередко выполняют опасные операции, трудятся сверх нормативных часов. По прогнозам, в 1985 году 59 тысяч детей-рабочих получат производственные травмы.

Борис МАТЮНИН

ДНЕВНИК

Вцепившись пальцами в ручку портфеля, передо мной стоит, устремив сверкающие глаза в пол, вздохмаченный пятякляшка, мой сын. В руках я держу раскрытый дневник, со страницы которого на нас обонх с любопытством глазееет жирная клякса.

— Что это такое, позволь узнать?! — вопрошаю я, устранивая дневником сквозняк возле носа нерадивого школяра. Хитрое чадо пожимает плечами и невинно округляет глаза. — Думаешь, я не понимаю, зачем ты клянчил вчера деньги на чернила? Гляди... тебя ждет трудное детство! — обещаю я и выразительно показываю на стенку, где красуется реликвия деда — широкий ремень пожарника.

Судя по недовольному сопению, предлагаемое типовое решение педагогической ситуации явно сына не устраивает.

«Да он что, в самом деле! Меня, ветерана школьного обучения, имевшего в детстве на боевом счету не один десяток уничтоженных двоек, решил на мякине провести! Не выйдет!..»

Ставлю страницу дневника обратной стороной на свет. Так и есть!.. Под кляксой маленький гордый лебедь — двойка за поведенье!..

— Твоего отца надуть в этом деле невозможно, понял? — я захопываю дневник с удовлетворением следователя, окончившего запутанное дело.

В ответ строптивец упрямо постукивает носком ботинка: дескать, посмотрим еще, чья возьмет!..

Этот день ознаменовал начало моей изнурительной борьбы с юным питомцем народного образования. О, как я был наивен, полагая, что ум пятиклассника недостаточно развит!..

Надо сказать, что сын сразу на всех парах проскочил эру примитивного зашлепывания двоек кляксами и призвал на помощь чудеса науки. Неожиданно записавшись в химический кружок, он с головой погрузился в лабораторные опыты, и совсем скоро плоды просвещения не замедлили свершить свое черное дело. Не успевала усталая рука учителя вывести в дневнике неудовлетворительную оценку, как через полчаса лист уже сиял... девственной белизной. В обществе любознательных недорослей опытным путем он выходил на одному ему известные рецепты чудодейственных эликсиров для борьбы с плохой успеваемостью. Чернила любых цветов и шариковые пасты всех сортов сдавали свои позиции!..

Не желая быть поверженным наземь и осмеянным собственным отпрыском, я, в свою очередь, не стал ждать бесславного поражения. Пришлось забросить телевизор, хоккей, газеты. Я купил спиртовку, набор реактивов, и теперь долгими вечерами мой мозг изнашивался, изобретая несмывающиеся чернила. Я похудел, глаза слезились от едких и дымных растворов, моя комната напоминала однукую келью средневекового алхимика.

Заканчивая далеко за полночь безуспешную серию экспериментов, я без ног валялся на диван и засыпал с теплыми пробирками в руках.

И наконец, эврика! Однажды в полусонном бреду я все-таки получил несмывающиеся чернила!

Утром я заполнил ими до краев пятилитровую банку и отнес классному руководителю.

Сразу после этого случая арсенал средств борьбы сына претерпел бурную эволюцию, венцом которой явилось создание сущего яда, без остатка растворявшего мои несмываемые чернила. Один флакон этого жуткого химиката был в состоянии уничтожить все двойки в нашем городе и всенародно осрамить достижения любой передовой химчистки.

Я почти ревел от обиды, не спал ночи напролет. В какой-то горячке меня осенила гениальная идея. Я спустился в гараж и лихорадочно собрал дневник из листов нержавеющей стали. Осталось уговорить учителей наносить оценки зубилом.

...Но тут подошел конец учебного года, а вместе с ним наступил финал многострадального турнира, в котором победили мы с сыном оба. Я, к удивлению товарищей по работе, через месяц написал кандидатскую диссертацию по химии. А мой сорви-голова, к гордости семьи, занял первое место в областной химической олимпиаде школьников.

Главный редактор С. Ф. МЕШАВКИН

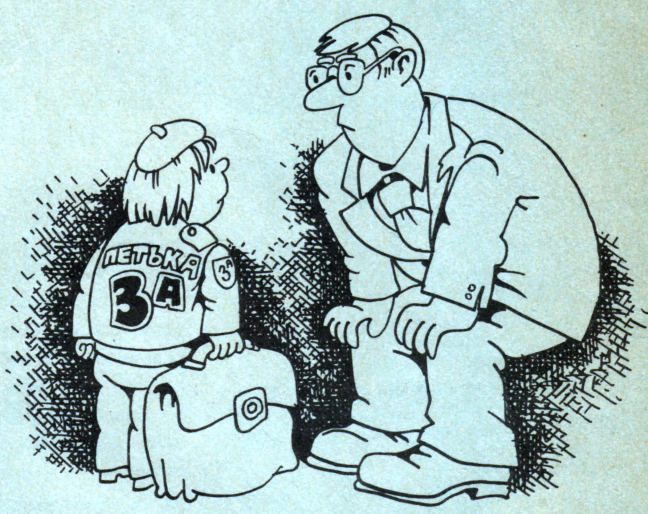
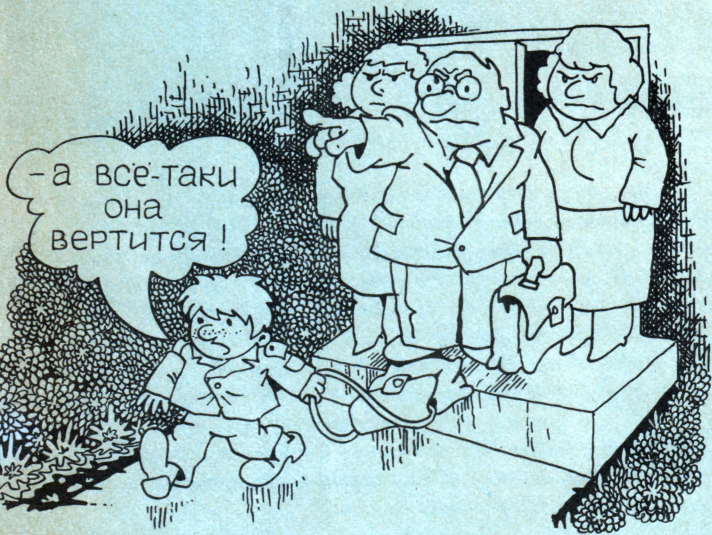
Редколлегия: Е. Г. Ананьев, В. П. Астафьев, М. Гали, В. П. Крапивин, Ю. М. Курочкин, Д. Я. Лившиц (зам. главного редактора), Н. Г. Никонов, А. П. Поляков (зав. отделом краеведения), О. А. Поскребышев, Л. Г. Румянцев (зав. отделом прозы и поэзии), А. К. Семерун, К. В. Скворцов, В. А. Стариков (отв. секретарь), А. Н. Стругацкий

Редакция: Ю. С. Борисихин (отдел публицистики), В. И. Бугров (отдел фантастики), Л. С. Будрина (технический редактор), М. В. Бурагулова (корректор), Л. Г. Гончарова (секретарь-машинистка), А. Д. Кононова (отдел писем), Ю. В. Липатников (отдел науки и техники), Е. И. Пинаев (художественный редактор), Н. А. Широкова (отдел следопытской жизни)

Адрес редакции: 620219, Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 22-в
Телефоны отделов: 51-55-56 (писем, публицистики), 51-22-40 (секретариат), 51-09-71 (прозы и поэзии), 51-53-20 (науки и техники, следопытской жизни), 51-09-69 (краеведения)

Сдано в набор 28.05.85. Подписано к печати 11.07.85. НС 11267. Формат бумаги 84×108^{1/16}. Высокая печать. Усл. печ. л. 8,82. Усл. кр.-отт. 11,34. Уч.-изд. л. 10,4. Тираж 307 000. Заказ 529. Цена 40 коп.

Типография издательства «Уральский рабочий». Свердловск, пр. Ленина, 49.

ЧИТАЙТЕ

В 1986 ГОДУ

Бахарев

В текущем году журнал открыл на своих страницах диалог-клуб «Подросток». Редакция искренне надеется, что подростки будут не просто читателями, а активными участниками нашего клуба, подскажут интересные острые темы и выскажут по ним свое суждение. Мы ждем от тебя писем, товарищ подросток!

В будущем году закончится печатание материалов под рубрикой «Служу Советскому Союзу», итогом которой явится встреча героев публикаций с читателями «Уральского следопыта». Логическим продолжением рубрики послужит большая акция журнала под условным названием «Рубежи». Совместно с политуправлением УралВО и спортклубом «Уралмаш» редакция выступает организатором агитационного похода по рубежам Советского Союза. Цель публикаций — рассказать о пограничниках, охраняющих государственную границу, о связи армии и народа, о воспитании патриотизма.

1986 год пройдет под знаком выполнения решений XXVII съезда КПСС. В качестве главной задачи партия ставит целью достижение нового качественного состояния советского общества. Редакция предполагает дать ряд очерков о типе современного молодого рабочего и инженера, проблемных статей о связи науки и производства, акцентируя внимание на внедрение в жизнь научных идей и разработок.

Один из будущих номеров «Уральского следопыта» будет носить ярко выраженный «северный характер». В нем, естественно, будет отражена тема хозяйственного освоения, но центральным, по замыслу редакции, должен стать широкий показ жизни коренных национальностей: социальные перемены, национальные традиции и современный образ жизни, промыслы, культура и искусство. И здесь мы также ждем активного отклика от авторов, прежде всего представителей народностей Севера. Отчасти к этой теме примыкает очерк «С упряжкой по Уралу» — путевой дневник-репортаж об экспедиции, организованной «Уральским следопытом». Интересная подробность — в пробеге по Уралу участвовали собаки, прошедшие тяжелый маршрут от Уэлена до Мурманска вдоль побережья Северного Ледовитого океана.

Традиционная тема журнала — «Человек и природа». Редакция продолжит рубрику «О братьях меньших», опубликует статью «Зеленые красители», принадлежащую перу И. Беляева, выступления которого дают обильную читательскую почту.

Как всегда, широко будет представлено краеведение. Документальная повесть И. Шакинко о последних годах жизни Петра Первого, о его сподвижнике Василии Татищеве; статья А. Матвеева о названиях русского Севера; научные изыскания Г. Пашниной о малоизвестных страницах биографии А. С. Пушкина — эти и другие материалы познакомят читателей с далеким прошлым нашей Родины.

**Подписка на «Уральский следопыт»
принимается Союзпечатью повсеместно
без ограничений.**

Наш индекс 73413.

Подписная цена на год — 4 руб. 80 коп.

Индекс 73413
Уральский СЛЕДОПЫТ, 1985, № 9, 1—329